ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

№ 1 (73) 2026

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 1 (73) 2026

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2026
© Авторы статей, 2026

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 1 (73) 2026

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Ефимов К.С. Семантический анализ прошедшего многократного времени глагола в удмуртском языке 7

Митрускова А.А. Изучение антонимии и антонимов в русском и финно-угорском языкознании 20

Ракин А.Н. Обозначения охотничьих угодий, сооружений и построек на них в составе лексики охотничьего промысла в коми языке 34

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ильина Г.Г., Пенькова М.В. Устная проза о кладах в чувашском и марийском фольклоре: к постановке проблемы 45

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Словообраз «марий» в лирике Лидии Иксановой 64

Федосеева Н.А. Палитра сходств: принципы декодирования марийской литературной традиции..... 74

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. Политика многоязычного культурного плюрализма на территории Республики Мордовия 85

Михеев Г.Н. Перевод православной литературы на марийский язык в первой четверти XXI века как миссионерский и культурный проект (к 25-летию Переводческой комиссии Йошкар-Олинской и Марийской епархии)..... 97

ПЕРСОНАЛИИ

Камитова А.В. «Мы единого братства звено» (к юбилею В.М. Ванюшева) ... 107

Свечников С.К. Изучая и сохраняя корни предков… (к юбилею О.А. Калининой) 112

РЕЦЕНЗИИ

Борисова О.Г. Рец.: Гурьянова Л.А., Цыплякова О.Ю. Эрзянь келень антонимень валкс = Словарь антонимов эрзянского языка / Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2025. 304 с.; Келина А.Н. Мокшень кялень антонимонь валкс = Словарь антонимов мокшанского языка / Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2025. 368 с. 118

Крыласова Н.Б. Рец.: Акилбаев А.В. Этнокультурные и торговые контакты марийцев в IX–XI вв. (по материалам украшений): монография / А.В. Акилбаев, МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. 148 с.: ил. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. XII) 121

ХРОНИКА

Эрцикова Г.А. Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в России: достижения и перспективы», посвященная 105-летию Республики Марий Эл и 95-летию Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева 125

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Yefimov K.S. Semantic analysis of the past iterative tense in the Udmurt language 7

Mitruskova A.A. Studying antonymy and antonyms in Russian and Finno-Ugric linguistics 20

Rakin A.N. Designations of hunting grounds and buildings as the part of the hunting glossary in the Komi language 34

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORE

Ilyina G.G., Penkova M.V. Oral prose about treasures in Chuvash and Mari folklore: a problem statement 45

Savitskaya U.N., Kudryavtseva R.A. The word-image 'Mari' in the lyrics of Lidia Iksanova..... 64

Fedoseeva N.A. Palette of similarities: principles of decoding Mari literary tradition 74

HISTORY AND ETHNOLOGY

Kildyushkina I.G., Yakovleva A.Yu. Policy of multilingual cultural pluralism in the Republic of Mordovia 85

Mikheev G.N. Translation of Orthodox literature into Mari in the first quarter of the 21st century as a missionary and cultural project (on the 25th anniversary of the Translation Commission of the Yoshkar-Ola and Mari Eparchy)..... 97

PERSONALIA

Kamitova A.V. 'We are links in a single chain of brotherhood' (on the anniversary of V.M. Vanyushev)..... 107

Svechnikov S.K. Studying and preserving the roots of our ancestors ... (on the anniversary of O.A. Kalinina)..... 112

BOOK REVIEWS

Borisova O.G. Review: Guryanova L.A., Tsyplyakova O.Yu. Erzyan kelen antonymen valks = Dictionary of Erzya Antonyms / Research Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Saransk, 2025. 304 p.; Kelina A.N. Mokshen kelen antonymen valks = Dictionary of Moksha Antonyms / Research Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Saransk, 2025. 368 p. 118

Krylasova N.B. Review: Akilbaev A.V. Ethnocultural and Trade Contacts of the Mari People in the 9th–11th Centuries (Based on Decorative Artifacts): Monograph / A.V. Akilbaev, MarNIIYALI. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI, 2026. 148 p.: ill. (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition. Vol. XII) 121

CHRONICLE

Ertsikova G.A. All-Russian scientific and practical conference 'Humanities in Russia: Achievements and Prospects' dedicated to the 105th anniversary of the Republic of Mari El and the 95th anniversary of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History 125

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-7-19

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОШЕДШЕГО МНОГОКРАТНОГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 г. К.С. Ефимов

Введение. Среди всех аналитических форм удмуртского глагола, имеющих референцию ко времени, прошедшее многократное является наименее частотным. Как следствие, ему было уделено наименьшее внимание со стороны исследователей удмуртского языка. Этим и обусловлена актуальность настоящей работы. **Цель статьи** – исследование темпоральной и эвиденциальной семантики, выражаемой формой многократного прошедшего времени удмуртского глагола. **Материалы и методы.** В работе использованы материалы, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка. Применены лингвистические методы: сплошной выборки, контекстного анализа. Для изложения результатов исследования использовался описательный метод. **Результаты исследования, обсуждение.** Семантическая структура итератива аналогична остальным формам прошедшего времени глагола в удмуртском языке, у которых есть нейтральная и эвиденциальная форма. **Заключение.** В результате проведенного исследования было выявленно 5 темпорально-семантических значений, выражаемых формами прошедшего многократного времени: 1) фреквентативное; 2) делимитативное; 3) хабитуальное; 4) дуративное; 5) раритивное.

Ключевые слова: удмуртский язык; глагол; время; наклонение; аналитические формы; итератив; семантика; темпоральность; эвиденциальность.

Введение

Прошедшее многократное время (удм. *трос пол ортчем дыр*) является наименее употребимой аналитической формой удмуртского глагола [Загуля-

ева, 1986, с. 68; Horváth, 2015, с. 123; Карпова, 2020, с. 321]. Эта форма прошедшего времени «обозначает многократное, повторяющееся или постоянно совершающееся действие в прошлом» [Тараканов, 2005, с. 200]. Выражение многократности отдельной формой времени при наличии формы, маркирующей длительность, – ситуация достаточно редкая. Помимо родственного удмуртскому коми языка, подобные формы встречаются в ареально близком татарском языке: *тәмамланмаган үткән заман* – незаконченное прошедшее время, *кабатлаулы үткән заман* – повторяющееся прошедшее время [Татар грамматикасы, 2016, с. 122–125, 127–129]. Вероятнее всего, что данная форма прошедшего времени возникла в общепермский период, поскольку кроме удмуртского и коми финно-угорские языки не имеют специализированной формы, основным значением которой является выражение прошедшего времени и многократности. В коми языке это время имеет неполную парадигму, состоящую исключительно из форм 3-го лица [Цыпанов, 2020, с. 353]. Такое мнение относительно удмуртского языка было высказано Б.Ш. Загуляевой, она отмечает, что прошедшее многократное время фактически используется только в 3-м лице ед. и мн. числа и находится на грани исчезновения в современном удмуртском языке [Загуляева, 1986, с. 68]. С этой точкой зрения не согласна Е. Георгиева, которая приводит примеры более широкой дистрибуции форм прошедшего многократного времени [Georgieva, 2018, с. 110]. В современной грамматике «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» («Морфология удмуртского языка») приводится полная парадигма прошедшего многократного времени [УКК, 2011, с. 189], хотя среди примеров только один относится к 1-му лицу ед. числа, тогда как остальные к 3-му лицу ед. и мн. ч. [УКК, 2011, с. 188]. Отдельно стоит упомянуть, что для прошедшего многократного времени удмуртского глагола существуют две параллельные формы, одна из которых является эвиденциальной, другая – нейтральной по отношению к категории эвиденциальности [Серебренников, 1960 с. 125–126]. Эти формы отличаются вторым компонентом, которым выступает вспомогательный неизменяемый глагол *вал* ‘было’ либо *вылэм* ‘было, оказывается’. Первым компонентом всегда является смысловой глагол в форме будущего времени. Через вспомогательный глагол определяется наклонение: в первом случае это индикатив, во втором – эвиденциалис.

Впервые прошедшее многократное было выделено почти одновременно в работах П.Д. Горохова и И.В. Яковлева [Горохов, 1929, с. 121–122; Яковлев, 1930, с. 47]. Далее, начиная с монографии Б.А. Серебренникова «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп», данную форму времени выделяли все исследователи, отдельно рассматривавшие аналитические формы удмуртского глагола. Таким образом, на сегодняшний день вопрос о существовании этой формы глагола в современном удмуртском языке уже не стоит. С исторической точки зрения данная форма прошедшего

времени развилась из «употребления будущего времени в роли эмфатического futurum historicum» [Серебренников, 1960, с. 126; Georgieva, 2018, с. 120].

Цель статьи – исследование темпоральной и эвиденциальной семантики, выражаемой удмуртским итеративом (многократным прошедшим временем), что включает в себя выделение темпорально-семантических типов значений, передаваемых данной грамматической формой глагола в современном удмуртском языке.

Материалы и методы. Материалом для работы послужили примеры словоупотреблений из Национального корпуса удмуртского языка (в ссылках – НКУЯ, с указанием автора, названия произведения и года издания), соответствующие морфологическим характеристикам удмуртского глагола в прошедшем многократном времени. В ходе сбора материала и анализа были применены следующие методы: метод сплошной выборки, метод контекстного анализа. Для изложения результатов исследования использовался описательный метод.

Результаты исследования, обсуждение

Исходя из имеющихся данных по прошедшему многократному времени удмуртского глагола, можно говорить о его основном значении – выражению действия в прошлом, которое происходило несколько раз. Помимо этого, данная форма глагола, так же как и прошедшее длительное время, обозначает действия, не завершенные к моменту речи. По крайней мере, без дополнительных контекстуальных конкретизаторов. Е.А. Цыпанов называет аналогичную форму в коми языке «прошедшим многократным незавершенным» [Цыпанов, 2020, с. 353]. З. Немет считает изучаемую нами форму наиболее однозначной среди прочих аналитических прошедших времен удмуртского глагола [Németh, 2019, с. 524]. С этим утверждением можно согласиться, хотя некоторые особенности удмуртского итератива (термин наш. – *К.Е.*), а именно противопоставление итератива имперфекту и плюсквамперфекту, будут рассмотрены нами впервые.

Считаем, что прошедшее многократное время удмуртского глагола можно обозначить латинским термином «итератив» по аналогии с другими прошедшими временами в удмуртском языке, такими как претерит, имперфект и плюсквамперфект. Несмотря на то, что данный термин используется преимущественно в аспектологии, мы вкладываем в него также значение прошедшего времени. Похожий аспектологический термин (а именно «хабитуалис») для обозначения прошедшего многократного времени использует М. Сарахеймо [Saraheimo, 2019, с. 76]. Однако хабитуалис фокусируется более на привычности действия, чем на его повторяемости. Так, Б. Комри отмечает, что «простого повторения ситуации недостаточно, чтобы эта ситуация была признана именно хабитуальной» [Comrie, 1976, с. 27]. То есть хабитуалис можно рассматривать как частный случай итератива.

Так, например, Л.Л. Карпова утверждает, что «по основной семантике прошедшее многократное время очень близко к прошедшему длительному времени» [Карпова, 2020, с. 321]. Это можно объяснить тем фактом, что «реальные ситуации, в которых человек наблюдает несколько однородных ситуаций, фактически сложены» [Закамулина, Лутфуллина, Муллахметова, 2016, с. 30]. Подобную точку зрения применительно к болгарскому языку выдвигает Ю.С. Маслов: «неограниченно-кратное действие можно без труда истолковать как значение «процесса» (процесса неограниченного повторения данного действия)» [Маслов, 1959, с. 308]. Несмотря на это, большинство языков не имеют отдельных специальных форм для выражения длительности и многократности. Как правило, такие значения выражаются одной грамматической формой. Тем не менее в некоторых контекстах прошедшее длительное время и прошедшее многократное время удмуртского глагола могут быть взаимозаменяемыми. Это прежде всего характерно для контекстов, где отсутствует темпоральная лексика, уточняющая характер протекания действия: *Солы валантэм на мукетыз:выль тыриськон, казна ужез быдэсъян гурт вылэ усе ке, со сярысь ивортыны лыктозы вал волостной старшина яке писарь* [Т. Архипов. Ортчеменыз пумиськон, 2005; НКУЯ] ‘Ему непонятно еще другое: если на деревню падает новый платеж, выполнение казенной работы, об этом сообщить приходили волостной старшина или писарь’. В данном контексте сложно однозначно определить характер действия: длительный или многократный, поскольку очень часто фактически многократные действия мыслятся как длительные. Если заменить словоформу *лыктозы вал* на *лыкто вал* смысл предложения не изменится. Но такое наложение семантики имперфекта и итератива случается не всегда.

Значение многократности действия уже изначально заложено в данную форму глагола, однако «в передаче значения многократности релевантны также наречные и именные лексемы, единицы морфологического уровня и синтаксические структуры» [Шустова, Комиссарова, 2014]. То есть, помимо формы прошедшего многократного времени глагола, такое значение может быть передано и другими способами, например, с помощью многократного способа глагольного действия: – *Опыт ичигес вал. А табере, а табере кыӵеесь асьмеос! – шуылӥз со* [М. Лямин. Большевик сюлэмен, 1945; НКУЯ] ‘– Опыта меньше было. А теперь, а теперь какие мы с вами! – говаривал он’. Выделенная лексема – это многократный глагол, который прямо указывает на то, что действие было неоднократным. В этом контексте ее можно без потери смысла заменить формой прошедшего многократного времени. Однако семантика многократного способа глагольного действия в удмуртском языке является более широкой, чем семантика схожих по значению прошедших времен – имперфекта и итератива, но в то же время пересекается с ними. Исходя из этого, мы понимаем многократность как действие, выполненное более одного раза, выполняемое

регулярно либо привычное для какого-либо субъекта (хабитуалис). В отличие от многократности, длительность действия характеризуется непрерывностью. Такая непрерывность является реальной либо воспринимается говорящим как сложенные в один непрерывный процесс действия, где основной акцент ставится на том, что событие разворачивалось на протяжении длительного времени. Все это зависит прежде всего от лексического значения глагола.

Как уже было отмечено ранее, рассматриваемая нами форма прошедшего времени развилась из «употребления будущего времени в роли эмфатического futurum historicum» [Серебренников, 1960, с. 126]. Вспомогательные неизменяемые глаголы *вал* ‘было’ либо *вылэм* ‘было, оказывается’, употребляемые в качестве второго компонента аналитической формы, переносят действие из временного плана будущего во временной план прошлого. В русском языке существует подобная конструкция, в которую входит глагол будущего времени (только совершенный вид) и частица *было* либо *бывало*. Порядок слов в таком случае будет более свободным. Такой свободный, по сравнению с удмуртским языком, порядок слов, «возможность более чем одной позиции [в предложении] указывает на меньшую степень грамматикализации» [Bybee, 1989, с. 61]. Такие конструкции используются в русском языке, «чтобы представить события прошлого живо и ярко, так, будто они происходят перед глазами говорящего» [Егоров, 2010, с. 134].

Общей особенностью таксиса всех аналитических форм прошедшего времени удмуртского глагола является возможность выступать в качестве относительного времени, то есть точка отсчета будет отличаться от момента речи. В таком случае событие, выступающее точкой отсчета, может быть выражено формами претерита или презенса. В то же время точкой отсчета для данной формы прошедшего времени может выступать и момент речи. Пример: *Зэм, Игорез олома уродъяськытэк, шудыса-серекъясагес гинэ озьы шуылоз вылэм, но Рина дӥсьтымтэ ини* [Г. Перевощиков. Вордскон нунал, 1988; НКУЯ] ‘Действительно, ее Игорь, лишний раз не сердясь, больше играя и посмеиваясь, так говаривал, но Рина уже не решилась’. Действие, обозначенное формой итератива, произошло перед другим действием, выраженным претеритом.

Далее перейдем к рассмотрению темпорально-семантических значений, выражаемых формами удмуртского глагола в многократном прошедшем времени. Наша классификация базируется на исследовании Н.В. Сердобольской, посвященном способам глагольного действия в бесермянском диалекте удмуртского языка [Сердобольская, 2012]. Мы выделяем фреквентатив, делимитатив, хабитуалис, дуратив и раритив.

1. Фреквентативное значение

Основное значение, выражающее многократность описываемых событий. Именно его передает форма прошедшего многократного времени без ка-

ких-либо дополнительных компонентов в виде темпоральной лексики. Также данное значение не имеет точных временных границ.

Куке но со тачё ик тулыс жытъёсы, самой та кырӟанэз ик баянэн шудыса, нылъёсын ӵош кырӟалоз вал [С. Широбоков. Кырӟан сюрес шедьтэ, 1967; НКУЯ] ‘Когда-то в такие же весенние вечера эту самую песню, играя на баяне, вместе с девушками [он] споет бывало’. В этом контексте речь идет о неоднократном выполнении действия, выраженного смысловым глаголом.

Азьло сямен ик, сюлэм шунытсэ, пӧсь мылкыдзэ конвертъёсын келялоз вал [У. Бадретдинов. Дунне питрес, шуо, 2007; НКУЯ] ‘По-прежнему сердечную теплоту, жаркое настроение в конвертах отправит бывало’. Как и в предыдущем примере, передается многократность действия. Также неизвестен предел выполнения этого действия.

Бӧрдыса-бӧрдыса гожтоз вылэм Воткинскын вордскем композитор сюлэме пыӵась крезьгуръёссэ [М. Лямин. Шудбур понна, 1976; НКУЯ] ‘Поплакав-поплакав, напишет бывало родившийся в Воткинске композитор наполняющие сердце мелодии’. В этом примере репрезентуется такой же характер протекания действий, но говорящий также подчеркивает, что не был очевидцем описанных событий с помощью специальной формы.

Иське, Чашников Вова шонер верапоз вылэм [А. Клабуков. Палбам, 1983; НКУЯ] ‘Значит, Чашников Вова правильно говорил, оказывается’. В этом примере глагол выражает мирративное значение в дополнение к обычной многократности.

2. Делимитативное значение

В противовес предыдущему данное значение реализуется в ситуациях, когда известна предельная точка выполнения действия, например, противопоставление «тогда» и «сейчас», использование придаточных со значением времени, темпоральных конвербов, темпоральных наречий и других языковых инструментов, показывающих, что действие на момент речи точно прекратилось.

Школаын дышетскыкум, ялан пыкылозы вал: сыӵе фамилиен ветлӥськод, возьыт ӧвӧл-а ляб дышетскыны? [Г. Красильников. Фамилиме вошtйсько! 1971; НКУЯ] ‘Когда я учился в школе, постоянно укоряли: с такой фамилией ходишь, не стыдно слабо учиться’. В этом примере многократное действие ограничено конвербом, указывающим на определенный отрезок.

Ӵушкон али магазинысь басьто, азьвыл куозы вал [Р. Валишин. Ӵуказе суд луоз меда? 1990; НКУЯ] ‘Полотенце сейчас в магазине покупают, раньше ткали’. В этом примере многократное действие ограничено противопоставлением наречий *али* ‘сейчас’ и *азьвыл* ‘раньше, давно’, таким образом, на момент речи действие уже явно прекращено.

Вазен дыръя татын пукоз вылэм крезьчи [Т. Архипов. Лудӟи шур дурын, 1985; НКУЯ] ‘В старые времена здесь сидел музыкант’. В данном случае дей-

ствие ограничивается также с помощью противопоставления «тогда» и «сейчас», при этом говорящий указывает, что не был прямым очевидцем этих действий.

– Э, нылы, нылы! – бӧрдэ пересь, – тӥни малы озьы тэльмыроз вылэм, больницае нуыкузы: Мишалы, пе, номыр эн поттылы, дораз бертӥз шуыны косӥз вал [О. Четкарёв. Сюлэм шӧдэ ... , 1989; НКУЯ] ‘– Э, дочка, дочка! – плачет старик, – вот почему [он/она] упрашивал(а) было, когда их увезли в больницу: Мише, мол, ничего не намекай, сказать наказал(а) было, что домой вернулся’. В приведенном примере многократность ограничена с помощью деепричастного оборота, указывающего на определенный отрезок времени. В предложении присутствует и миративная семантика.

3. Хабитуальное значение

Одним из подвидов многократности является хабитуалис. То есть часто выполняемое действие становится привычным для субъекта. Временные границы для хабитуальных контекстов, как правило, определить невозможно. При таком типе значений зачастую употребляются наречия *котьку* ‘всегда’, *ялан* ‘постоянно’ и др. Данное значение как основное выделяет Л.Л. Карпова, оговаривая, что прошедшее многократное время удмуртского глагола служит для «выражения обычных, повторяющихся действий, имевших место в прошлом» [Карпова, 2020, с. 320].

Кисыяз котьку блокнот но карандаш луозы вал [В. Михайлов. Дораз берытскиз, 2015; НКУЯ] ‘В его кармане всегда блокнот и карандаш бывали’. В этом примере действие становится привычным для субъекта, оно мыслится больше, чем просто многократность.

Отысь котьку адӟод вал чылк-чылк шорӟем-тӧлатэм ӟегез, чабеез, йыдыез, сезьыез [М. Гаврилова-Решитько. Э, кеносэ, кеносэ ... , 2005; НКУЯ] ‘Там всегда увидишь было чистую-чистую проветренную-просеянную рожь, пшеницу, ячмень, овес’. В представленном предложении описывается многократное действие, которое становится привычным благодаря лексеме *котьку* ‘всегда’.

Эх, шу, мултэс ваньбур но кисыез пась кароз вылэм... [О. Четкарёв. Йӧ вылэ тэтчон, 1989; НКУЯ] ‘Эх, скажи, лишнее богатство и в кармане дыру проделывало, оказывается’. В приведенном примере речь идет о привычных действиях, которые являются по сути характеристикой субъекта. Говорящий, используя эвиденциальную форму, подчеркивает, что не видел самих действий, что видел результат, т.е. реализовано миративное значение.

Нош пересь ялан шуоз вылэм: «Уд быгатӥськы на, ляб пӧрме» [А. Ермолаев. Кызьы валано поэзиез? 2016; НКУЯ] ‘Но старик постоянно приговаривал: «Не можешь еще, слабо получается»’. В этом примере говорящий описывает привычное событие, очевидцем которого он не был. Это достигается с помощью лексемы *ялан* ‘постоянно’ и неочевидного многократного прошедшего времени.

4. Дуративное значение

Как и в случае с прошедшим длительным временем, которое иногда может выражать многократные значения, прошедшее многократное точно так же может выражать и длительные значения. Зачастую это связано с лексической семантикой самого глагола. Зачастую для этого темпорально-семантического типа характерно отстутствие лексических конкретизаторов протекания действия.

– Ведь войналэсь татчы вуэмзэ кин тодоз вал, тӥнь кыӵе луоз вылэм со – война! [А. Миронов. Гудыръян дыръя, 1989; НКУЯ] ‘Ведь до прихода сюда войны кто знал было, вон какая оказалась эта война!’. В этом примере речь идет о непрерывном процессе, который обусловлен лексической семантикой глагола.

Кырӟаны, кыланы-бураны яратоз вал Ондӥ пинал улӥ пӧлын [М. Лямин. Тушмонэз кортнась, 1945; НКУЯ] ‘Петь, рассказывать стихи любил в детстве Онди’. В данном предложении речь идет о непрерывном процессе, который также обусловлен лексической семантикой глагола.

Кунян гуртын Ӟабалай Устин улоз вылэм [И. Гаврилов. Кезьыт ошмес, 1984; НКУЯ] ‘В деревне Кунян жил Устин Забалай’. В приведенном примере, как и в предыдущем, семантика глагола не позволяет рассматривать действие как многократное. Действие является длительным, причем говорящий подчеркивает, что не был прямым очевидцем.

Верамзыя, солы военной дӥсь туж-туж мыноз вылэм [Е. Загребин. Яратонэ тон, вожанэ ... , 2004; НКУЯ] ‘По их словам, ему военная одежда очень-очень шла, оказывается’. В этом примере речь идет о неочевидном длительном действии. Неочевидность передана специальной эвиденциальной формой, а длительность действия обусловлена семантикой глагола.

5. Раритивное значение

Данное значение является одним из «разновидностей итеративной предикатной множественности с одним и тем же набором участников, воспроизведение ситуации с периодичностью ниже нормальной, совершаемой изредка, время от времени, нерегулярно» [Галиева, Замалетдинов, 2015, с. 151]. В нашем понимании это те действия, которые в момент их совершения не претендуют на многократную серию как в первых трех пунктах. Количество действий, входящих в такую серию, всегда небольшое. Также временной интервал между ними может указываться, а может не указываться.

Адӟиськыны лэзьыкузы, арлы быдэ пиеныз ӵош картэз доры ветлоз вал [У. Бадретдинов. Дунне питрес, шуо, 2007; НКУЯ] ‘Когда разрешили видеться, ежегодно вместе с сыном ходила к мужу’. В этом примере с помощью указания на частоту выполнения *арлы быдэ* ‘ежегодно’ можно понять, что данный контекст является раритивным.

Пересьёс щуозы вал, кулэм муртэ ватэм бере, котьку тӵе луэ [Т. Архипов. Ортчеменыз пумиськон, 2005; НКУЯ] ‘Старики говаривали, после

похорон мертвого человека всегда такое существует’. В данном случае раритивность проявляется недостаточно ярко, поскольку действие относится к смерти человека, что в нормальных условиях происходит нечасто, т.е. раз в несколько лет.

Паймоно кадь, куддыръя кышномурт но визьмо кылзэ верялоз вылэм [Г. Красильников. Деда-баба, 1971; НКУЯ] ‘Удивительно, иногда женщина тоже умное слово говорила’. В этом примере раритивность достигается за счет наречия *куддыръя* ‘иногда’ и усиливается миративной семантикой глагола.

Вот ведь, пилемтэм дыре но гудыртылоз-чилектылоз вылэм [К. Ломагин. Котьку возь сюлэмад, 1983; НКУЯ] ‘Вот ведь, в безоблачную погоду тоже гремело и сверкало, оказывается’. В представленном предложении говорящий описывает чрезвычайно редкий случай, что видно из контекста. Эффект усиливается с помощью миративной семантики глагольной формы.

Помимо описанной нами темпоральной семантики, отдельного исследования требуют и другие функции данных двух форм (нейтральной и эвиденциальной). М. Сарахеймо отмечает, что прошедшее многократное время может использоваться также для выражения модальных значений: «может выражать возможность или отсутствие таковой, нереальную ситуацию» [Saraheimo, 2019, с. 73]. То есть такие контексты могут быть заменены без потери смысла на формы кондиционалиса. В дальнейшем необходимо изучить дистрибуцию этой формы в различных типах текстов.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что каждая из двух рассмотренных нами форм прошедшего многократного времени удмуртского глагола реализует примерно одинаковую темпоральную семантику. Разница двух форм заключается в эвиденциальной семантике: форма с неизменяемым вспомогательным компонентом *вал* является эвиденциально-нейтральной, форма с неизменяемым вспомогательным компонентом *вылэм* выражает значение косвенной эвиденциальности, т.е. говорящий, используя эвиденциальную форму, подчеркивает, что не является прямым очевидцем описанного события или действия. В этом аспекте прошедшее многократное время в удмуртском языке ничем не отличается от остальных аналитических форм удмуртского глагола. Формы прошедшего времени, которые грамматически выражают косвенную эвиденциальность, мы выделяем в отдельное неочевидное наклонение или эвиденциалис (удм. *тодмотэм сям*). Относительно темпоральной семантики рассмотренные формы могут выражать следующие пять значений: 1) фреквентативное значение; 2) делимитативное значение; 3) хабитуальное значение; 4) дуративное значение; 5) раритивное значение. Эти значения зависят от контекста (прежде всего темпоральной лексики), а также от лексической семантики смыслового глагола.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Галиева А.М., Замалетдинов Р.Р. Итеративность и мультипликативность в татарском языке: лексические и грамматические средства выражения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 150–158.

Горохов П.Д. Учебник удмурт[ского] языка: пособие для преподавания удм. яз. Ижевск: Удкнига, 1929. 232 с.

Егоров Д.С. Транспозиция форм настоящего и будущего времен глагола в контекст прошедшего и семантические классы глагола: тенденции в употреблении // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 133–140.

Загуляева Б.Ш. Прошедшее длительное и прошедшее многократное время глаголов в удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. ст. Устинов, 1986. С. 62–70.

Закамулина М.Н., Лутфуллина Г.Ф., Муллахметова Г.Р. Очерки по аспектологии. Проблема реализации частных значений (сопоставительное исследование на материале французского и татарского языков): моногр. Казань: Каз. гос. энергет. ун-т, 2016. 244 с.

Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–313.

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс] // Udmcorpus.udman.ru: информ.-справочная система. УдмФИЦ УрО РАН, 2019. URL: http://udmcorpus.udman.ru/body (дата обращения: 11.05.2025).

Сердобольская Н.В. Глагольная множественность и аспект в удмуртском бесермянском: множественность показателей множественности // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. 2012. № 2. С. 735–785.

Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 300 с.

Тараканов И.В. Сложные формы прошедшего времени в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра. 2005. С. 198–200.

Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. = Татарская грамматика: в 3-х т. / сост. М.З. Закиев. Изд. 2-е, доп. Казан: ТӘhСИ, 2016. Т. II. 432 б.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание = Морфология удмуртского языка: науч.-учеб. изд. / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н.Н. Тимерханова. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 408 б.

Цыпанов Е.А. Структура и морфологические категории глагола в коми языке. Сыктыквар: Ин-т яз., лит. и истории КомиНЦ УрО РАН, 2020. 718 с.

Шустова С.В., Комиссарова Е.С. Семантические и синтаксические функции языковых единиц // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева: Вестник ВУиТ. 2014.

№ 4 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-i-sintaksicheskie-funktsii-yazykovyh-edinits (дата обращения: 19.03.2025).

Яковлев И.В. Удмурт кылрадъян: [для школ I и II ступени] = Удмуртская грамматика: [для школ I и II ступени]. 2-е изд. Ижевск: Удкнига, 1930. 80 с.

Bybee J., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World // Studies in Language. 1989. Vol. 13, No. 1. P. 51–103. DOI: https://doi.org/10.1075/sl.13.1.03byb.

Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.

Georgieva E. Az udmurt habituális múlt időről // Uralisztikai tanulmányok. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2018. P. 97–131.

Horváth L. Habitualitás kifejezése udmurt nyelvjárásokban // Nyelvelmélet és dialektológia 3. Budapest–Piliscsaba: Az apostoli szentszék könyvkiadója, 2015. P. 99–126.

Németh Z. A functional analysis of the analytic past tenses of the Udmurt language // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 3. С. 520–527.

Saraheimo M. Katsaus udmurtin kielen liittotempuksiin // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 71–77.

Kirill Efimov

SEMANTIC ANALYSIS OF THE PAST ITERATIVE TENSE IN THE UDMURT LANGUAGE

Introduction. Among all analytical forms of the Udmurt verb that have a reference to time, the past iterative is the least frequent. As a result, it is less studied by the researchers of the Udmurt language, and this is what makes our work relevant. **The purpose** of the article is to study the temporal and evidential semantics expressed by the form of the past iterative tense of the Udmurt verb. **Materials and methods.** The work uses materials extracted from the National Corpus of the Udmurt Language. Continuous sampling, contextual analysis and the descriptive method were used to present the results of the study. **Research results, discussion.** In the Udmurt language, the semantic structure of the iterative is similar to other forms of the past tense of the verb, which have neutral and evidential forms. **Conclusion.** As a result of the conducted research, five temporal and semantic meanings expressed by forms of the past iterative tense were identified: 1) frequentative; 2) delimitative; 3) habitual; 4) durative; 5) rarative.

Keywords: the Udmurt language; verb; tense; mood; analytical forms; iterative; semantics; temporality; evidentiality.

REFERENCES

Galieva A.M., Zamaletdinov R.R. Iterativnost’ i mul’tiplikativnost’ v tatarskom jazyke: leksicheskie i grammaticheskie sredstva vyrazhenija [Iterativity and multiplicativity in the Tatar language: lexical and grammatical means of expression]. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 5, pp. 150-158. (In Russian).

Gorohov P.D. Uchebnik udmurt[skogo] jazyka: posobie dlja prepodavanija udmurt[skogo] jazyka [Textbook of the Udmurt Language: a Manual for Teaching the Udmurt Language]. Izhevsk, Udkniga, 1929, 232 p. (In Russian).

Egorov D.S. Transpozicija form nastojashhego i budushhego vremen glagola v kontekst proshedshego i semanticheskie klassy glagola: tendencii v upotreblenii [Transposition of present and future tense forms of the verb into the context of the past and semantic classes of the verb: trends in usage]. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 6, pp. 133-140. (In Russian).

Zaguljaeva B.Sh. Proshedshee dlitel’noe i proshedshee mnogokratnoe vremja glagolov v udmurtskom jazyke [Past continuous and past iterative tense of verbs in the Udmurt language]. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo jazyka*, Ustinov, 1986, pp. 62-70. (In Russian).

Zakamulina M.N., Lutfullina G.F., Mullahmetova G.R. Ocherki po aspektologii. Problema realizacii chastnyh znachenij (sopostavitel’noe issledovanie na materiale francuzskogo i tatarskogo jazykov) [Essays on aspectology. The problem of realization of particular meanings (a comparative study based on the material of the French and Tatar languages)]. Kazan’, Kazanskij gosudarstvennyj energeticheskij universitet, 2016, 244 p. (In Russian).

Karpova L.L. Dialekty severnogo narechija udmurtskogo jazyka: formirovanie i sovremennoe sostojanie [Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current State]. Izhevsk, MarShak, 2020, 563 p. (In Russian).

Maslov Ju.S. Glagol’nyj vid v sovremennom bolgarskom jazyke [Verb aspect in modern Bulgarian]. Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo jazyka. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1959, pp. 157-313. (In Russian).

Nacional’nyj korpus udmurtskogo jazyka: informacionno-spravochnaja sistema [The National Corpus of the Udmurt Language: information and reference system], available at: http://udmcorpus.udman.ru/body (accessed 11 May 2025). (In Russian and Udmurt).

Serdobol’skaja N.V. Glagol’naja mnozhestvennost’ i aspekt v udmurtskom besermjanskom: mnozhestvennost’ pokazatelej mnozhestvennosti [Verbal plurality and aspect in Udmurt Besermyan: plurality of plurality indicators]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij*, 2012, no. 2, pp. 735-785. (In Russian).

Serebrennikov B.A. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp [Categories of Time and Aspect in the Finno-Ugric Languages of the Permian and Volga Groups]. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1960, 300 p. (In Russian).

Tarakanov I.V. Slozhnye formy proshedshego vremeni v permskih jazykah [Analytical forms of the past tense in the Permian languages]. *Istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija jazykov i kul’tur finno-ugorskih narodov. Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov*. Syktyvkar, Komi nauchnyj centr, 2005, pp. 198-200. (In Russian).

Tatarskaja grammatika [Tatar Grammar]. Kazan’, TƏhSİ, 2016, vol. II, 432 p. (In Tatar).

Morfologija udmurtskogo jazyka [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2011, 408 p. (In Udmurt).

Cypanov E.A. Struktura i morfologicheskie kategorii glagola v komi jazyke [Structure and Morphological Categories of the Verb in Komi]. Syktykvar, 2020, 718 p. (In Russ.).

Shustova S.V., Komissarova E.S. Semanticheskie i sintaksicheskie funkcii jazykovyh edinic [Semantic and syntactic functions of linguistic units]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva,* 2014, no. 4 (17), available at: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-i-sintaksicheskie-funktsii-yazykovyh-edinits (accessed 19 March 2025). (In Russian).

Jakovlev I.V. Udmurtskaja grammatika [Udmurt Grammar]. Izhevsk, Udkniga, 1930, 80 p. (In Udmurt).

Bybee J., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. *Studies in Language*, 1989, vol. 13, no. 1, pp. 51-103. (In English).

Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, 142 p. (In English).

Georgieva E. Az udmurt habituális múlt időről [On the Udmurt habitual past tense]. *Uralisztikai tanulmányok*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 2018, pp. 97-131. (In Hungarian).

Horváth L. Habitualitás kifejezése udmurt nyelvjárásokban [Expression of habituality in Udmurt dialects]. *Nyelvelmélet és dialektológia 3*, Budapest-Piliscsaba, Az apostoli szentszék könyvkiadója, 2015, pp. 99-126. (In Hungarian).

Németh Z. A functional analysis of the analytic past tenses of the Udmurt language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2019, no. 3, pp. 520-527. (In English).

Saraheimo M. Katsaus udmurtin kielen liittotempuksiin [An overview of the complex tenses in the Udmurt language]. *Finno-ugorskij mir v polijetnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy. Sbornik statej po materialam VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov*, Izhevsk, Izdatel'stvo Anny Zeleninoj, 2019, pp. 71-77. (In Finnish).

Ефимов Кирилл Сергеевич
аспирант кафедры общего
и финно-угорского языкознания
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»,
г. Ижевск
e-mail: kirill_udm@vk.com
orcid 0000-0003-2220-2706

Kirill Efimov
Postgraduate student
of the Department of General
and Finno-Ugric Linguistics,
Udmurt State University,
Izhevsk
e-mail: kirill_udm@vk.com
orcid 0000-0003-2220-2706

УДК 81’373.422:811.511.1
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-20-33

ИЗУЧЕНИЕ АНТОНИМИИ И АНТОНИМОВ В РУССКОМ И ФИННО-УГОРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

© 2026 г. А.А. Митрускова

Введение. Статья посвящена истории изучения антонимии как универсальной категории, формирующей системные связи в языке. **Цель статьи** – провести аналитическое исследование научной литературы, направленное на изучение антонимии, антонимов и их разновидностей, охватывающее как теоретические труды, так и прикладные исследования в области русского и финно-угорского языкознания в контексте составления «Словаря антонимов марийского языка». **Материалы и методы.** В качестве материалов использовались труды известных лингвистов, изучающих антонимию и антонимы в русском и финно-угорском языках. В процессе написания работы применялись описательный и аналитический методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Исследование антонимов началось в середине прошлого века. Были выявлены особенности логически противоположных понятий и специфика лексической антонимии. Установлены языковые характеристики антонимов, их взаимодействие с синонимами, изучены функции антонимов в текстах различных стилей. В своих работах ученые демонстрируют различные подходы к дефиниции и классификации антонимов. Противопоставленность единиц языка на лексическом уровне, языковая природа контраста привлекают внимание и лингвистов, занимающихся сопоставительным изучением языков. **Заключение.** Теоретические разработки позволяют систематизировать лексику, выявить отношения между элементами языка как системы. Словари антонимов используются как ресурс для работы над выразительностью, богатством и разнообразием речи.

Ключевые слова: антонимия; антоним; противопоставление; лексикография; историография.

Введение

Антонимия является одной из универсальных категорий, выстраивающих системные отношения в языке. Проявление противоположности по значению языковых единиц одного уровня (слов, морфем, синтаксических конструкций) в каждом языке индивидуально. Изучение этой проблемы способствует раскрытию особенностей системы того или иного языка.

Цель статьи – аналитический обзор научных трудов, посвященных изучению антонимии, антонимов, их типов, фундаментальных и прикладных (лексикографических) работ в русистике и финно-угорском языкознании в контексте составления «Словаря антонимов марийского языка».

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования стали труды выдающихся лингвистов, активно разрабатывающих теорию антонимии и изучающих антонимы в русском и финно-угорском языках. Для рассмотрения проблемы и формулирования выводов в ходе работы были использованы главным образом два научных метода: описательный и аналитический.

Результаты исследования, обсуждение

Познавая окружающий мир, называя предметы, их свойства и признаки, действия, человек опирается на средства языка, которые находятся в системных связях и отношениях.

Одним из способов идентификации в языке, оформления отношений является контраст, противопоставление. На лексическом уровне средствами выражения значения противопоставления выступают антонимы. Они же составляют ядро явления антонимии, которое в языке проявляется на всех уровнях: фонетическом (звуки и фонемы), лексическом (слова), морфологическом (формы слов), синтаксическом (синтаксемы, словосочетания, предложения, текст).

В лингвистической науке, на первый взгляд, достаточно разносторонне изучена природа противоположности единиц языка, категорий. Так и для антонимов существуют различные подходы в трактовке логической сущности и лингвистической природы слов, имеющих противоположные лексические значения. Именно это и служит причиной того, что отсутствует единообразный подход к определению антонимов. Некоторые лингвисты, в частности Я.И. Гельблу, в принципе отрицают возможность всесторонне и всецело исследовать такое явление, как антонимия [Гельблу, 1966, с. 153].

Усложняет определение антонимов тот факт, что исследователи обращаются к синонимичным терминам, которые, хотя и конкретизируют понятие, все же семантически различаются. Среди таких слов отмечены следующие лексические единицы: *контрастный* (*резко* противоположный, *сильно* различающийся), *обратный* (для данного случая – противоположный, *другой*), *полярный* (*совершенно* противоположный). Такое сопоставление было сделано

В.А. Ивановой. Так, попытки ученых-лингвистов избежать слово *противоположный* при определении антонимов привели к обратному эффекту. В.А. Иванова сделала вывод: «Чтобы понятия *противоположное значение, противоположность* адекватно отражали семантику антонимов и служили средством для их опознавания, необходимо вложить в них строго терминированный смысл, семантически ограничить» [Иванова, 1982, с. 6].

В настоящее время в языкознании выделяют два подхода к определению антонимии. Узкий, или классический, подход предполагает учет противопоставленности только одного из компонентов содержания слов, которые обозначают одно и то же свойство. При рассмотрении антонимии в широком смысле возникают два возможных варианта ее понимания: 1) антонимию объясняют как «противопоставленность коррелятивных понятий» и противопоставленность «смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности не по одному, а по многим семантическим признакам» [Новиков, 1973, с. 45]; 2) антонимию рассматривают как с точки зрения языка, так и с точки зрения речи. Такой подход выводит антонимы из узкого круга лексикологии и позволяет рассматривать их в составе стилистических ресурсов языка, приемов и средств экспрессологии [Киреев, 1954, с. 10].

Новиков Л.А. также предложил широкое понимание антонимии. Он считал, что соотносительная противоположность элементов языка является одним из главных проявлений системных отношений в самом языке [Новиков, 2001, т. 1, с. 29].

В языкознании регулярно подчеркивается необходимость классификации слов по принципу противоположности их значений для понимания системности лексики. К примеру, М.М. Покровский полагал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959, с. 82–83].

Примечательно, что именно один из основоположников экспрессологии Ш. Балли предпринял попытку логического и философского толкования антонимии. На первый план французский лингвист выдвинул в противопоставлениях антонимов признак природной предрасположенности человеческого ума. Его внимание к ассоциативным связям слов, идущее еще от Ф. де Соссюра, позволило Ш. Балли обратить внимание на простоту возникновения антонимов в сознании говорящего: «Это одно из проявлений той относительности, – писал Ш. Бали, – которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом» [Балли, 1961, с. 139].

Сочетаемость элементов языка как системы и их отношения друг с другом формируют структуру языка. Известны два основных типа таких отношений: синтагматические и парадигматические.

Парадигматические отношения в языке отражают вертикальные связи между элементами одной парадигмы, основанной на определенном признаке или параметре. Одним из видов парадигматических отношений является антонимия.

В лингвистической науке существует несколько классификаций антонимов. Антонимы, принадлежащие к одной и той же части речи, образуют морфологические типы антонимов [Новиков, 1973, с. 250–255].

В основе классификации антонимов усматриваются разные критерии и признаки. Среди основных выделим следующие. Первый признак определяет тот тип языковой единицы, которая включает антонимы в пару: антонимы-слова – антонимы-устойчивые сочетания. Второй признак предполагает учет структуры слова, состав корня. Согласно третьему антонимы выделяются исходя из лексического значения слов: количество совпадающих или несовпадающих сем. Четвертый признак антонимии учитывает степень точности в противопоставлении слов-антонимов. Пятый принцип выделения антонимов учитывает частеречную принадлежность слов.

По структуре антонимы русского языка подразделяют на следующие типы: 1) *однокоренные (однокорневые)* – антонимы, которые возникли благодаря противопоставлению приставок, либо образованы при присоединении к слову приставок с отрицательным значением; 2) *разнокоренные (разнокорневые)* – антонимы, имеющие в составе разные корни. Противоположные значения являются в целом принадлежностью этих слов [Новиков, 2001, т. 1, с. 198–241].

По степени использования в контексте выделяют антонимы языка и антонимы речи. *Языковые* антонимы используются в системе языка. *Речевые* (их также называют *контекстуальными*) образуются в определенном контексте или в конкретной ситуации речи [Новиков, 1973, с. 250–255; Собирова, 2014, с. 1240–1243; Твердохлеб, 2016, с. 69–70]. При определении лексической антонимии важным считается явление противоположности, которое может возникать между различными предметами, явлениями и словами, соответствующими им. Например, различают такие типы противоположности: *контрарная противоположность* – когда между основными понятиями можно включить промежуточное понятие (*белый – серый – черный*); *комплементарная противоположность* – когда между основными понятиями, которые составляют единое целое, нет среднего понятия (*истина – ложь*); *векторная противоположность* – когда направленность признаков, движений, действий, свойств разная (*начинать – заканчивать*) [Новиков, 2001, т. 1, с. 241–298; Каринкина, 2004, с. 151–152].

В число приоритетных вопросов для изучения входило выявление языковых признаков антонимов, их системное взаимодействие с синонимами, исследование функций антонимов в текстах различных функциональных стилей, главным образом в художественном, публицистическом и научном.

Ученые начинают анализ природы и сущности антонимов с рассмотрения соотнесенности собственно языкового и логического в антонимии и семантических свойств антонимов. Такой подход позволят обнаружить противопоставленность на уровне значений слов, которые вступают в антонимичные отношения, а не на уровне тех явлений и признаков, которые обозначаются антонимами. В теоретических разработках одним из важных признаков антонимии считается то, что антонимы обозначают такие признаки, которые можно подвергнуть градации. Ученые в качестве критериев антонимии выделяют общность и соотносительность лексического значения, включенность в одну и ту же лексико-семантическую группу слов, выражение одного и того же родового наименования. Перечисленные проблемы решаются в работах А.А. Киреева [1954], В.Н. Комиссарова [1957], Л.А. Новикова [1973].

Решение теоретических проблем лексической антонимии способствует развитию прикладных разработок, что находит воплощение в лексикографии.

В 1970-х годах прошлого века вышли в свет два словаря антонимов русского языка – словарь, подготовленный Л.А. Введенской [1971], и словарь Н.П. Колесникова [1972]. В первом из них представлены разнокорневые и однокорневые антонимы, которые наиболее часто употребляются в современном русском языке. Словарь Л.А. Введенской, изданный в 1971 году, принято считать первым словарем антонимов русского языка. Второй «Словарь антонимов» [Колесников, 1972] также включает в себя однокоренные и разнокоренные антонимы, или лексические единицы, противопоставленные в каком-либо одном отношении.

Позднее вышел в свет «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова [1978]. В него включены слова с противоположным значением. У большинства антонимов представлены синонимы (синонимичные пары антонимов).

В 80-е годы прошлого столетия исследование антонимии не прекращается. Появляется работа А.И. Шнирельмана «Синонимы и антонимы в научной и технической литературе» [1987]. В нее входит список общенаучных слов, их синонимов и антонимов, которые употребляются в текстах русской научной и технической литературы.

В 90-е годы XX века подходы к исследованию антонимов меняются. В 1999 году публикуется «Словарь антонимов русского языка. Сложные слова» Н.М. Меркурьевой [1999]. Для большинства сложных слов, являющихся антонимической парой, даются синонимы, которые представляют собой сложные или простые слова.

В указанный период появляются семонимические словари. Они представляют собой словари синонимов, словари омонимов, словари антонимов и словари паронимов. В 1995 году Н.П. Колесников опубликовал «Семонимические словари: Ч. I. Словарь паронимов русского языка; Ч. II. Словарь антонимов русского языка». Первая часть содержит 3000 одинаково звучащих слов (паронимов), которые можно путать в употреблении либо ошибочно заменять одно другим. Во вторую часть входит более 1300 пар слов-антонимов, в которых лексические единицы противопоставляются в каком-то одном отношении [Колесников, 1995].

В изучении антонимии и антонимов расширяется круг исследовательских задач. В 2001 году издается работа Ю.В. Федосова «Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка» [2001]. Словарь представляет собой совокупность антонимо-синонимических блоков. Эти блоки подобраны в соответствии с классификациями понятий, которые в свою очередь толкуются в языке по «родовидовой» особенности (как общих (родовых) понятий, так и частных (видовых) понятий). Такие понятия образуют в языкознании так называемую «картину мира».

В 2009 году опубликован лексикографический труд «Словарь синонимов и антонимов русского языка» коллектива ученых – Л.А. Введенской, В.И. Зимина, Н.П. Колесникова [2009], который включает в себя около 800 синонимических рядов и около 500 антонимических гнезд.

В последнее время проведено много исследований антонимии во взаимосвязи с явлениями полисемии и синонимии. Отмечается направленность к изучению антонимичных отношений между словами в речи на основе анализа художественных и публицистических текстов.

Вышел в свет «Словарь синонимов и антонимов современного русского языка» А.С. Гавриловой [2014]. В нем представлено около 50 000 синонимов и 600 пар антонимов. Издание содержит часто используемые слова, которые объединяются в синонимические ряды, также устаревшие и просторечные слова, и антонимические пары.

Исследованию антонимов в финно-угорских языках посвящен ряд работ. Среди них можно выделить труды коми лингвистов Л.М. Безносиковой [1988], О.Н. Баженовой [2019]. В статье О.Н. Баженовой проанализированы стилистические функции антонимов в коми языке на основе текстов художественных произведений. На основе изучения трех главных стилистических функций – экспрессивной, эмоционально-оценочной и характерологической – предпринята попытка объяснить определенные особенности идейно-эмоционального содержания литературных произведений. Автор рассматривает несколько стилистических приемов, например, иронию и антитезу, которые формируются на языковых и контекстуальных антонимах.

Традиционные подходы к анализу антонимов отмечаются в трудах мордовских языковедов, среди которых работы Е.Н. Лисиной 1979; 1984]. В первой статье проанализирована роль антонимов в создании художественной выразительности в романе известного мордовского писателя. Другая статья посвящена исследованию эрзя-мордовских аналогов русских приставочных антонимичных глаголов движения. В ней автор рассматривает способы передачи антонимических отношений средствами мордовского языка, сопоставляя их с аналогичными конструкциями русского языка. Статья А.М. Кочеваткина посвящена изучению синонимических и антонимических отношений среди соматизмов (названий частей тела) в диалектах эрзянского языка. Автор выделяет характерные черты взаимоотношений между этими группами слов, описывает их дифференциальные признаки и функциональные особенности [Кочеваткин, 2003]. Статья Т.И. Янгайкиной посвящена лексическим антонимам в мокшанском языке. Автор подробно рассматривает существующие типы антонимов, их структурные и семантические особенности, а также дает характеристику основным видам антонимических отношений в мокшанском языке [Янгайкина, 2005]. В статье Л.П. Водясовой на примерах произведений К.Г. Абрамова исследована роль антонимов в объединении компонентов текста. Утверждается, что повтор антонимов является действенным выразительным приемом, используемым писателем для демонстрации внутренних конфликтов персонажей или противоречивости описываемых событий [Водясова, 2014].

Антонимы мансийского языка изложены в работе Д.В. Герасимовой «Антонимы в мансийском языке» [1997]. Автор анализирует семантические и структурные особенности антонимов, представляет их классификацию и функции в языке.

Исследование антонимов хантыйского языка отмечено тем, что языковеды в качестве эмпирического материала привлекают данные диалектов. Среди наиболее значимых – работа М.Н. Нахрачевой [2010].

В марийском языкознании подвергнуты изучению диалектные особенности лексики, проявляющиеся в горномарийских антонимах [Эрцикова, 2012], типы антонимов [Эрцикова, 2015; 2019], их функции в текстах различных стилей, например, в текстах марийских молитв [Абукаева, Митрускова, Чемышев, 2024].

Проблемы лексической антонимии остаются актуальными в связи с постоянным развитием лексикографии. В финно-угроведении имеется ряд словарей антонимов: «Словарь антонимов коми языка» Л.М. Безносиковой, В.А. Ляшева [1992], «Эрзянско-русский словарь антонимов» Р.Н. Бузаковой, Е.Н. Лисиной [2009], «Коми-пермяцкой кыв антониммезон кывчукор (Школьный словарь антонимов коми-пермяцкого языка)» Е.М. Рочева, В.В. Федосеевой

[2016]. Л.М. Безносикова и В.А. Ляшев в свой словарь включили около 1000 антонимичных пар и привели примеры к ним из текстов различных стилей. Словарь Е.М. Рочева и В.В. Федосеевой содержит более 400 антонимических пар коми-пермяцкого языка. К нему прилагается указатель слов.

В настоящее время ведется работа над созданием словаря антонимов марийского языка, для которого разработана методология составления с учетом современных тенденций в языкознании, и в частности в лексикографии, с привлечением новых технологий и различных ресурсов.

Проанализирована теория изучения морфологических типов антонимов на базе Национального корпуса марийского языка [Национальный ...]. Изучены словари антонимов русских и финно-угорских исследователей. Пополняется картотека антонимичных пар марийского языка.

В состав словаря будут включены однокоренные и разнокоренные антонимы, контекстуальные пары антонимов. Они будут рассматриваться в рамках разных частей речи (имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, местоимений, послелогов).

Проводится поиск примеров к каждому слову в паре антонимов из Национального корпуса марийского языка с помощью корпусного менеджера AntConc [AntConc], затем работа продолжится в программе Cygwin [Cygwin].

Далее предусматривается первичная обработка материала, его перевод и составление словаря.

Заключение

Таким образом, изучение антонимии и антонимов имеет важное значение в лингвистике. Лексическая антонимия является объектом как теоретических, так и прикладных исследований. В своих работах ученые демонстрируют различные подходы к дефиниции и классификации антонимов, устанавливают языковые признаки антонимов, их взаимосвязь с синонимами, стилистические функции в различных текстах. Противопоставленность единиц языка на лексическом уровне, языковая природа контраста привлекает внимание лингвистов, занимающихся сопоставительным изучением языков. Теоретические разработки позволяют систематизировать лексику, выявить отношения между элементами языка как системы. Словари антонимов используются как ресурс для работы над выразительностью, богатством и разнообразием речи.

Перспективу исследований отношений антонимии в языкознании следует усматривать в создании универсальных баз данных на основе словарей, что позволит совершенствовать машинный перевод текстов, а также определить потенциал лексических средств языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А., Митрускова А.А., Чемышев А.В. Функции антонимов в текстах марийских молитв // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18, № 1. С. 66–72.

Баженова О.Н. Стилистические функции антонимов в текстах коми художественной литературы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, вып. 2. С. 198–204.

Балли Ш. Французская стилистика: пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.

Безносикова Л.М. Антонимы и полисемантичные слова в коми языке // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 31–42. – (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 41).

Безносикова Л.М., Ляшев В.А. Словарь антонимов коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. 288 с.

Бузакова Р.Н., Лисина Е.Н. Эрзянско-русский словарь антонимов = Эрзянь-Рузонь антонимень валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 240 с.

Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Изд-во Рост. ун-та, 1971. 167 с.

Введенская Л.А., Зимин В.И., Колесников Н.П. Словарь синонимов и антонимов русского языка. М.: АСТ, Астрель, 2009. 762 с.

Водясова Л.П. Антонимическая лексика как средство реализации лексического способа связи в произведениях К.Г. Абрамова // Вестник угроведения. 2014. № 3 (18). С. 28–32.

Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 511 с.

Гельблу Я.И. Принципы построения словаря антонимов современного немецкого языка // Вопросы романо-германского языкознания: Тез. докл. V науч. конф. языковедов. Уфа, 1966. С. 153–156.

Герасимова Д.В. Антонимы в мансийском языке // Лингвистические вопросы североведения: тез. докл. и сообщ. Герцен. чтений, 1993–1994 гг. СПб., 1997. С. 48–51.

Иванова В.А. Антонимия в системе языка. Кишинев: Штиинца, 1982. 163 с.

Каринкина Н.Н. Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 150–154.

Киреев А.А. Об антонимах // Русский язык в школе. 1954. № 3. С.10–12.

Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1972. 314 с.

Колесников Н.П. Семонимические словари: Ч. I. Словарь паронимов русского языка; Ч. II. Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 307 с.

Коми-пермяцкӧй кыв антониммезӧн кывчукӧр: школаись медодзза классэзын велӧтчиссез понда кывчукӧр = Словарь антонимов коми-пермяцкого языка: слов. для обучающихся нач. шк. / сост.: Е.М. Рочев, В.В. Федосеева. Кудымкар, 2016. 88 с.

Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима: о соотношении логического и языкового в семасиологии // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 43–53.

Кочеваткин А.М. Синонимические и антонимические отношения в соматической лексике диалектов эрзянского языка // Финно-угристика-5: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: М.В. Мосин (отв. ред.) и [др.]; МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2003. С. 118–123.

Лисина Е.Н. Антонимы в мордовских языках (на материале романа А.Д. Куторкина «Лажныця Сура») // Вопросы финно-угроведения: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 69–70.

Лисина Е.Н. Эрзя-мордовские функциональные аналоги русских префиксальных антонимичных глаголов движения // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1984. С. 169–177.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л.А. Новикова. М.: Рус. яз., 1978. 400 с.

Меркурьева Н.М. Словарь антонимов русского языка. Сложные слова. М.: Газ. «Правда», 1999. 480 с.

Нахрачева М.Н. Антонимия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // Языки, история и культура народов Югры: материалы V молодеж. регион. науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 25 марта 2010 г.). Ханты-Мансийск: Изд-во Югор. гос. ун-та, 2010. С. 111–116.

Национальный корпус марийского языка. URL: https://corp.marnii.ru/ (дата обращения: 16.10.2025).

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: (Семантический анализ противоположностей в лексике). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. 290 с.

Новиков Л.А. Структурная классификация антонимов русского языка // Избранные труды. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. Т. 1: Проблемы языкового значения. 672 с.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 381 с.

Собирова Б.Б. Антонимия как языковое явление // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 1240–1243. URL: https://moluch.ru/archive/63/9842 (дата обращения: 13.11.2025).

Твердохлеб О.Г. Функционирование антонимов разных типов в парадоксальных определениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 69–71.

Федосов Ю.В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка. Волгоград: Перемена, 2001. 107 с.

Шнирельман А.И. Синонимы и антонимы в научной и технической литературе. М.: ВИНИТИ, 1987. 174 с.

Эрцикова Г.А. Кырык мары антонимвлäштӹ диалектный лексический айыртемвлä = Диалектные лексические особенности в горномарийских антонимах // XII Игнатьевские чтения: Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования: материалы докл. и выступлений на респ. науч. конф. 3 апр. 2012 г. Йошкар-Ола, 2012. С. 381–386.

Эрцикова Г.А. Особенности употребления полных антонимов в произведениях Н.В. Игнатьева // XIV Игнатьевские чтения: материалы докл. и выступлений на респ. ежегод. науч.-практ. конф., посвящ. Году культуры в России (Козьмодемьянск, 1 апр. 2014 г.). Йошкар-Ола, 2015. С. 45–55.

Эрцикова Г.А. Неполные и контекстуальные антонимы в произведениях Н.В. Игнатьева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, вып. 1. С. 20–25.

Янгайкина Т.И. Лексические антонимы в мокшанском языке // Народное образование Республики Мордовия. 2005. № 3–4. С. 172–178.

AntConc // URL: https://laurenceanthony.net/software.html (дата обращения: 16.10.2025).

Cygwin // URL: https://cygwin.com/ (дата обращения: 16.10.2025).

Anzhelika Mitruskova

STUDYING ANTONYMY AND ANTONYMS IN RUSSIAN AND FINNO-UGRIC LINGUISTICS

Introduction. The article is devoted to the history of studying antonymy as a universal category forming systemic connections in a language. **The purpose** of the article is to conduct an analytical study of scientific literature devoted to the study of antonymy, antonyms and their varieties in Russian and Finno-Ugric linguistics in the context of compiling 'Dictionary of Mari Antonyms'. **Materials and methods.** The works of well-known linguists studying antonymy and antonyms in Russian and Finno-Ugric languages were used. Descriptive and analytical methods are the main research methods. **Research results, discussion.** The study of antonyms began in the middle of the last century. The features of logically opposite concepts and the specifics of lexical antonymy were identified. The linguistic characteristics of antonyms and their interaction with synonyms were established, and the functions of antonyms in texts of various styles were studied. Scientists demonstrate different approaches to the definition and classification of antonyms. The opposition of language units at the lexical level and the linguistic nature of contrast attract the attention of linguists engaged in the comparative study of languages. **Conclusion.** Theoretical developments allow us to systematise vocabulary and identify relationships between elements of language as a system. Dictionaries of antonyms are used as a resource for working on expressiveness, richness and diversity of speech.

Keywords: antonymy; antonym; opposition; lexicography; historiography.

REFERENCES

Abukaeva L.A., Mitruskova A.A., Chemyshev A.V. Funkcii antonimov v tekstah marijskih molitv [Functions of antonyms in the texts of Mari prayers]. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 66-72. (In Russian).

Bazhenova O.N. Stilisticheskie funkcii antonimov v tekstah komi hudozhestvennoj literatury [Stylistic functions of antonyms in Komi fiction texts]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, Izhevsk, 2019, vol. 13, iss. 2, pp. 198-204. (In Russian).

Balli Sh. Francuzskaja stilistika [French Stylistics]. Moscow, Inostrannaja literatura, 1961, 394 p. (In Russian).

Beznosikova L.M. Antonimy i polisemantichnye slova v komi jazyke [Antonyms and polysemantic words in the Komi language]. *Leksikologija i leksikografija komi jazyka*, Syktyvkar, 1988, iss. 41, pp. 31-42. (In Russian).

Beznosikova L.M., Ljashev V.A. Slovar' antonimov komi jazyka [Dictionary of Komi Antonyms]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1992, 288 p. (In Russian).

Buzakova R.N., Lisina E.N. Erzjansko-russkij slovar' antonimov [Dictionary of Erzya-Russian Antonyms]. Saransk, Mordovskij universitrt, 2009, 240 p. (In Russian and Erzya).

Vvedenskaja L.A. Slovar' antonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian Antonyms]. Rostovskij universitet, 1971, 167 p. (In Russian).

Vvedenskaja L.A., Zimin V.I., Kolesnikov N.P. Slovar' sinonimov i antonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian Synonyms and Antonyms]. Moscow, AST, Astrel', 2009, 762 p. (In Russian).

Vodjasova L.P. Antonimicheskaja leksika kak sredstvo realizacii leksicheskogo sposoba svjazi v proizvedenijah K.G. Abramova [Antonymic vocabulary as a means of implementing the lexical method of communication in the works of K.G. Abramov]. *Bulletin of Ugric studies*, Hanty-Mansijsk, 2014, no. 3 (18), pp. 28-32. (In Russian).

Gavrilova A.S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo jazyka: 50000 sinonimov, 600 antonimicheskih par: 8+ [Dictionary of Synonyms and Antonyms of Modern Russian: 50,000 synonyms, 600 antonymic pairs: 8+]. Moscow, Adelant, 2014, 511 p. (In Russian).

Gel'blu Ja.I. Principy postroenija slovarja antonimov sovremennogo nemeckogo jazyka [Principles of compiling the dictionary of antonyms of the modern German language]. *Voprosy romano-germanskogo jazykoznanija. Tezisy dokladov V nauchnoj konferencii jazykovedov*, Ufa, 1966, pp. 153-156. (In Russian and in German).

Gerasimova D.V. Antonimy v mansijskom jazyke [Antonyms in the Mansi language]. *Lingvisticheskie voprosy severovedenija. Tezisy dokladov i soobshhenij Gercenovskih chtenij,* 1993–1994 gg. Saint Petersburg, 1997, pp. 48-51. (In Russian and in Mansi).

Ivanova V.A. Antonimija v sisteme jazyka [Antonymy in the language system]. Kishinev, 1982, 163 p. (In Russian).

Karinkina N.N. Antonimija kak ponjatijnaja kategorija i vopros vyrazhenija protivopolozhnosti v jazyke [Antonymy as a conceptual category and the issue of expressing opposition in language]. *I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university Bulletin*, Cheboksary, 2004, no. 1, pp. 150-154. (In Russian).

Kireev A.A. Ob antonimah [About antonyms]. *Russkij jazyk v shkole*, 1954, no. 3, pp.10-12. (In Russian).

Kolesnikov N.P. Slovar' antonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian Antonyms]. Ed. N.M. Shanskij. Tbilisi, Tbilisskij universitet, 1972, 314 p. (In Russian).

Kolesnikov N.P. Semonimicheskie slovari. Chast' I. Slovar' paronimov russkogo jazyka; Chast' II. Slovar' antonimov russkogo jazyka [Semionymic Dictionaries. Part I. Dictionary of Russian Paronyms; Part II. Dictionary of Russian Antonyms]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1995, 307 p. (In Russian).

Slovar' antonimov komi-permjackogo jazyka. Slovar' dlja obuchajushhihsja nachal'noj shkoly [Dictionary of Komi-Permian antonyms: for elementary school students]. Kudymkar, 2016, 88 p. (In Russian and in Komi-Permyak).

Komissarov V.N. Problema opredelenija antonima: O sootnoshenii logicheskogo i jazykovogo v semasiologii [The problem of defining an antonym: on the relationship between the logical and the linguistic in semasiology]. *Voprosy jazykoznanija*, 1957, no. 2, pp. 43-53. (In Russian).

Kochevatkin A.M. Sinonimicheskie i antonimicheskie otnoshenija v somaticheskoj leksike dialektov erzjanskogo jazyka [Synonymous and antonymous relations in the somatic vocabulary of the Erzya language dialects]. *Finno-ugristika-5. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov.* Saransk, 2003, pp. 118-123. (In Russian and in Erzya).

Lisina E.N. Antonimy v mordovskih jazykah (na materiale romana A.D. Kutorkina «Lazhnycja Sura») [Antonyms in the Mordovian languages (based on A.D. Kutorkina's novel 'Lazhnitsa Sura')]. *Voprosy finno-ugrovedenija. Tezisy dokladov na XVI Vsesojuznoj konferencii finno-ugrovedov,* Syktyvkar, 1979, pp. 69-70. (In Russian).

Lisina E.N. Erzja-mordovskie funkcional'nye analogi russkih prefiksal'nyh antonimichnyh glagolov dvizhenija [Erzya-Mordovian functional analogues of Russian prefixal antonymous verbs of motion]. *Vzaimodejstvie finno-ugorskih i russkogo jazykov*, Syktyvkar, 1984, pp. 169-177. (In Russian and in Erzya).

L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian Antonyms]. Ed. L.A. Novikova, Moscow, Russkij jazyk, 1978, 400 p. (In Russian).

Merkur'eva N.M. Slovar' antonimov russkogo jazyka. Slozhnye slova [Dictionary of Russian Antonyms. Difficult words]. Moscow, ZAO "Gazeta "Pravda", 1999, 480 p. (In Russian).

Nahracheva M.N. Antonimija v hantyjskom jazyke (na materiale shuryshkarskogo dialekta) [Antonymy in the Khanty language (based on the material of the Shuryshkar dialect)]. *Jazyki, istorija i kul'tura narodov Jugry. Materialy V molodezhnoj regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii,* Hanty-Mansijsk, 2010, pp. 111-116. (In Russian and in Hanty). (In Russian).

Nacional'nyj korpus marijskogo jazyka [National Corpus of the Mari Language], available at: https://corp.marnii.ru/ (accessed 16 October 2025). (In Mari).

Novikov L.A. Antonimija v russkom jazyke: (Semanticheskij analiz protivopolozhnostej v leksike) [Antonymy in Russian: (Semantic analysis of opposites in vocabulary)]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1973, 290 p. (In Russian).

Novikov L.A. Strukturnaja klassifikacija antonimov russkogo jazyka [Structural classification of Russian antonyms]. Izbrannye trudy. Problemy jazykovogo znachenija, Moscow, 2001, vol. 1, 672 p. (In Russian).

Pokrovskij M.M. Izbrannye raboty po jazykoznaniju [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1959, 381 p. (In Russian).

Sobirova B.B. Antonimija kak jazykovoe javlenie [Antonymy as a linguistic phenomenon]. *Molodoj uchenyj*, 2014, no. 4 (63). pp. 1240-1243, available at: https://moluch.ru/archive/63/9842 (accessed 13 November 2025). (In Russian).

Tverdohleb O.G. Funkcionirovanie antonimov raznyh tipov v paradoksal'nyh opredelenijah [The functioning of antonyms of different types in paradoxical definitions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo univarsiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika,* 2016, no. 4. pp. 69-71. (In Russian).

Fedosov Ju.V. Ideograficheskij antonimo-sinonimicheskij slovar' russkogo jazyka [Ideographic Antonymous and Synonymous Dictionary of the Russian Language]. Volgograd, Peremena, 2001, 107 p. (In Russian).

Shnirel'man A.I. Sinonimy i antonimy v nauchnoj i tehnicheskoj literature [Synonyms and Antonyms in Scientific and Technical Literature]. Moscow, Vserossijskij institut nauchnoj i tehnicheskoj informacii, 1987, 174 p. (In Russian).

Ercikova G.A. Dialektnye leksicheskie osobennosti v gornomarijskih antonimah [Dialectal lexical features in Hill Mari antonyms]. *XII Ignat'evskie chtenija: Problemy gornomarijskogo jazyka, literatury, istorii, kul'tury, obrazovanija. Materialy dokladov i vystuplenij na respublikanskoj nauchnoj konferencii.* 3 April 2012 g. Yoshkar-Ola, 2012, pp. 381-386. (In Mari).

Ercikova G.A. Nepolnye i kontekstual'nye antonimy v proizvedenijah N.V. Ignat'eva [Incomplete and contextual antonyms in the works of N.V. Ignatiev]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, Izhevsk, 2019, vol. 13, iss. 1, pp. 20-25. (In Russian and in Mari).

Ercikova G.A. Osobennosti upotreblenija polnyh antonimov v proizvedenijah N.V. Ignat'eva [Features of the use of full antonyms in the works of N.V. Ignatiev]. *XIV Ignat'evskie chtenija. Materialy dokladov i vystuplenij na Respublikanskoj ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj godu kul'tury v Rossii.* Koz'modem'jansk, 1 April 2014 g. Yoshkar-Ola, 2015, pp. 45-55. (In Russian and in Mari).

Jangajkina T.I. Leksicheskie antonimy v mokshanskom jazyke [Lexical antonyms in the Moksha language]. *Narodnoe obrazovanie Respubliki Mordovija. Nauchno-metodicheskij i informacionnyj zhurnal,* Saransk, 2005, no. 3-4, pp 172-178. (In Russian and in Moksha).

AntConc, available at: https://laurenceanthony.net/software.html (accessed 16 October 2025). (In Russian).

Cygwin, available at: https://cygwin.com/ (accessed 16 October 2025). (In Russian).

Митрускова Анжелика Ананьевна
младший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
аспирант ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: angel-ika.30@mail.ru

Anzhelika Mitruskova
Junior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Postgraduate student
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: angel-ika.30@mail.ru

УДК 811.511.132'373.2:639.1.052
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-34-44

ОБОЗНАЧЕНИЯ ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ, СООРУЖЕНИЙ И ПОСТРОЕК НА НИХ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКИ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА В КОМИ ЯЗЫКЕ

© 2026 г. А.Н. Ракин*

Введение. Работа посвящена лексике охотничьего промысла в коми языке. В ней в качестве самостоятельной микросистемы исследуются обозначения, употребляющиеся для номинации охотничьих угодий, сооружений и построек на них. **Цель статьи** – выявление системных признаков, отличающих предмет исследования от других компонентов лексики охотничьего промысла, установление истоков и основных этапов формирования и развития рассматриваемой микросистемы с древнейших времен до наших дней. **Материалы и методы.** Главным источником фактического материала для исследования послужила соответствующая часть основного словарного фонда коми языка, содержащаяся в лексикографических изданиях. Из числа диалектных обозначений привлекаются примеры, подобранные из нормативных и этимологических словарей. Приводятся сопоставительные примеры из коми-пермяцкого и удмуртского языков, прежде всего те из них, которые генетически связаны с анализируемым коми-зырянским материалом. Рассматриваются слова как исконного, так и иноязычного происхождения. При разработке темы исследования автор оперирует такими методами, как описательный, синхронно-сопоставительный, сравнительно-исторический и статистический. **Результаты исследования, обсуждение.** Работа представляет собой первый опыт лингвистического анализа обозначений охотничьих угодий. На основе систематизации реконструкций представлена диахронная иерархия исконной лексики, характеризующаяся наличием трех компонентов древних названий: прафинно-угорских, прафинно-пермских и пракоми. Установлены типы и количественный состав группы иноязычных названий, являющихся поздними заимствованиями. **Заключение.** Формирование лексики охотничьего промысла коми языка,

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

употребляющейся для номинации охотничьих угодий, происходило в течение многих тысячелетий, начиная с прафинно-угорской эпохи. Подавляющее большинство обозначений данной микросистемы принадлежит к исконному фонду словарного состава коми языка. Иноязычная часть микросистемы занимает незначительное место, ее проникновение происходило из двух внешних источников.

Ключевые слова: коми язык; лексика охотничьего промысла; обозначения охотничьих угодий; исконные слова; заимствования.

Введение

Лексика охотничьего промысла занимает важное место в словарном составе любого естественного языка, в том числе и коми. Охота, как и рыболовство, является древнейшим занятием по добыванию средств существования человека. Особенно большую роль она играла в жизни населения северных территорий земного шара, где суровые природно-климатические условия препятствовали успешному ведению других видов хозяйственной деятельности, например, земледелия и скотоводства.

Лексика охотничьего промысла коми языка неоднородна, она состоит из 21 структурного компонента или микросистемы. К настоящему времени завершено исследование 10 из них. Его результаты опубликованы в виде цикла научных статей с соответствующими тематическими заглавиями: обозначения субъекта охотничьего промысла [Ракин, 2021], обозначения объекта охотничьего промысла [Ракин, 2022а], названия крупных хищных и растительноядных животных [Ракин, 2022б], названия промысловых животных средних размеров [Ракин, 2023а], названия мелких пушных зверей [Ракин, 2023б], обозначения водоплавающих птиц [Ракин, 2023в], обозначения болотно-луговой и полевой дичи [Ракин, 2024а], обозначения боровой дичи [Ракин, 2024б], обозначения орудий лова промысловых животных [Ракин, 2025а], обозначения охотничьей экипировки и снаряжения [Ракин, 2025б].

Цель статьи – выявить состав денотативных признаков, отличающих предмет исследования от других компонентов лексики охотничьего промысла, установить с помощью сравнительно-исторического анализа истоки и основные этапы формирования и развития рассматриваемой микросистемы с древнейших времен до наших дней.

Материалы и методы

Основным источником фактического материала для проведения исследования послужила соответствующая часть основного словарного фонда коми литературного языка, содержащаяся в лексикографических изданиях [КРК, 2000; РКС, 2003]. В процессе подготовки статьи учитывались аналогичные публикации по другим финно-угорским языкам [Пекшеева, 2019 с. 18–23],

а также сведения об охотничьем промысле в некоторых этнографических изданиях [Конаков, 1983].

При разработке темы исследования автор оперирует такими методами, как описательный, синхронно-сопоставительный, сравнительно-исторический и статистический.

Результаты исследования, обсуждение

Термином охотничье угодье называется территория обитания лесных животных и зверей, имеющих промысловую ценность. Обозначения охотничьих угодий, сооружений и построек на них в составе лексики охотничьего промысла образуют самостоятельную микросистему, обладающую собственным составом объектов номинации, своей структурной организацией, происхождением и количественными показателями. Рассматриваемая микросистема состоит из 45 лексических единиц, относящихся к 18 объектам номинации. Данная совокупность названий употребляется для номинации общедоступных угодий, на территории которых разрешается заниматься добыванием диких животных и зверей как профессиональным, так и любительским промысловикам. Что касается таких угодий, которые закреплены за отдельными организациями или теми или иными охотобществами и предназначены только для своих охотников, а другим недоступны, нами не рассматриваются. Группа диалектных названий состоит из 8 примеров, которые содержатся в нормативных и этимологических словарях, они характеризуются не повсеместным, а территориально ограниченным употреблением и снабжены соответствующими пометами: 1) *алачуг* диал. ‘шалаш из гнутых берез, покрытый брезентом или дерном’ [КРК, 2000, с. 27], 2) *кола* диал. ‘лесная избушка’ [КРК, 2000, с. 284], 3) *куа* диал. ‘шалаш’[КРК, 2000, 312], 4) *лабаз* диал. ‘кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 342], 5) *овкӧтш* диал. ‘район, занятый угодьями, угодье’ [КРК, 2000, с. 452], 6) *овкӧдж* диал. ‘район, занятый угодьями, угодье’ [КРК, 2000, с. 452], 7) *талля* диал. ‘охотничье угодье’ [КРК, 2000, с. 635], 8) *турыш* диал. ‘лабаз, кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 664], 9) *чӧстым* диал. ‘охотничья тропа с ловушками, охотничье угодье’ [КРК, 2000, с. 714]. Приводятся сопоставительные примеры из коми-пермяцкого [КПРС, 1985] и удмуртского языков [УРС, 2008]. Прежде всего те из них, которые генетически связаны с коми-зырянским материалом.

Денотативная классификация обозначений охотничьих угодий и сооружений и построек на них

Предметно-понятийное содержание обозначений охотничьих угодий, сооружений и построек на них представляет собой определенную систему, которая позволяет распределить всю совокупность номинативных единиц данной группы по пяти разрядам:

1) обозначения пути следования на охотничьи угодья: *туй* ‘дорога, тропа’, *ордым* ‘тропа’, *кыйсян туй* ‘охотничья тропа’. Часть названий группы указывает на наличие ловушек на участках следования: *лэч туй* ‘охотничье угодье с силками’ (букв. ‘тропинка с силками’), *нальк туй* ‘охотничья тропа с ловушками’ (*нальк* ‘капкан’), *чӧс туй* ‘путик со слопцами’ (*чӧс* ‘слопец’), *пыльӧм туй* ‘путик с западней’ (*пыльӧм* ‘западня’);

2) обозначения охотничьих угодий: *вӧраланін* ‘охотничье угодье’, *вӧралан-кыйсянін* ‘место охоты, охотничьи угодья’, *вӧралан угоддьӧ* ‘охотничье угодье’, *кыйсянін* ‘место охоты, охотничье угодье’, *кыйсян места* ‘место охоты, охотничье угодье’, *кыйсян угоддьӧ* ‘охотничье угодье’, *овкӧдж* ‘район, занятый угодьями, угодье’, *талля* ‘охотничье угодье’, *угоддьӧ* ‘угодье’, *чӧстым* ‘охотничье угодье’;

3) обозначения долговременных построек для проживания на протяжении всего охотничьего сезона: *вӧралан керка* ‘охотничья избушка’ (*вӧралан* ‘охотничий’, *керка* ‘дом, избушка’), *вӧр керка* ‘лесная избушка’ (*вӧр* ‘лесной’, *керка* ‘дом, избушка’), *вӧр чом* ‘лесная избушка’ (*вӧр* ‘лесной’, *чом* ‘домик’), *кола* ‘лесная избушка’, *кыйсян керка* ‘охотничья избушка’ (*кыйсян* ‘охотничий’, *керка* ‘избушка’), *му керка* ‘землянка’ (*му* ‘земляной’, *керка* ‘избушка’), *пывсян* ‘промысловая избушка, банька’, *яг керка* ‘лесная избушка’ (*яг* ‘сосновый бор’, *керка* ‘избушка’);

4) обозначения сооружений для временного пребывания субъекта охотничьего промысла: *алачуг* ‘шалаш из гнутых берез, покрытый брезентом или дерном’, *куа* ‘шалаш’, *кыйсян чом* ‘охотничий шалаш’, *чом* ‘шалаш’, *шалаш* ‘шалаш’;

5) обозначения хозяйственных построек на территории охотничьих угодий: *лабаз* ‘кладовая при охотничьей избушке, охотничья кладовая’, *кок йыв лабаз* ‘кладовая на стойках’ (*кок йыв* ‘на ногах, на стойках’), *турыш* ‘лабаз, кладовая при охотничьей избушке’, *тшамъя* ‘промысловая кладовая на одном или нескольких столбах’.

Генезис обозначений охотничьих угодий и сооружений и построек на них

С точки зрения происхождения в составе анализируемой микросистемы, как и в других группах охотничьей лексики, можно выделить две части – исконную и заимствованную. По хронологии возникновения в исконном фонде различаются допермские, пракоми и собственно коми-зырянские образования. Древние названия прауральского и прапермского происхождения здесь отсутствуют.

Группа названий прафинно-угорского периода (начало IV – конец III тысячелетия до н.э.) [Основы, 1974, с. 424] состоит из 3 слов:

1) *кола* ‘лесная избушка’ [КРК, 2000, с. 284], кп. *кола* ‘шалаш’ [КПРС, 1985, с. 180], удм. *куала* ‘летняя кухня’ [УРС, 2008, с. 336] < ф.-у. **kota* ‘хижина, дом’ [Rédei, 1988, с. 190], генетические соответствия имеются в финском, эстонском, саамском, марийском, венгерском и мордовских языках;

2) *октас* ‘охотничье угодье с силками и с ловушками; охотничья тропа, вдоль которой ставят силки и ловушки, путик’ [КРК, 2000, с. 450], кп. *октас* ‘охотничье угодье с силками и ловушками’ [КПРС, 1985, с. 292] < ф.-у. **akta-* ‘вешать, насаживать, устанавливать’ [Rédei, 1988, с. 5], генетические примеры имеются в финском, эстонском, саамском, марийском, хантыйском и мордовских языках;

3) *чом* ‘шалаш’ [КРК, 2000, с. 309], кп. *чом* ‘нежилой дом, нежилое помещение’ [КПРС, 1985, с. 540], удм. *чум* ‘клеть, амбар (для одежды)’ [УРС, 2008, с. 738] < ф.-у. **c’okз -mз* (*c’oγз-mз*) ‘временное пристанище’ [Rédei, 1988, с. 38], генетические соответствия имеются в финском, карельском, хантыйском и мансийском языках.

К числу обозначений прафинно-пермского периода, просуществовавшего с конца III до II тысячелетия до н.э. [Основы, 1974, с. 433], относится слово *туй* ‘дорога, тропа’ [КРК, 2000, с. 660], кп. *туй* ‘дорога, тропа’ [КПРС, 1985, с. 492] < ф.-п. **teje* ‘путь, дорога’ [Rédei, 1988, с. 794], генетические соответствия имеются в финском и эстонском языках.

Группа названий пракоми происхождения характеризуется тем, что ее формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения общих предков коми с удмуртами, т.е. в период с IX по XI в. н.э. [Лыткин, 1957, с. 25]. Поэтому такие номинативные единицы употребляются лишь в двух северных пермских языках – коми-зырянском и пермяцком: кз. *вöраланін* ‘место охоты, охотничье угодье’ [КРК, 2000, с. 121], кп. *вöраланін* ‘место охоты, охотничье угодье’ [КПРС, 1985, с. 83]; кз. *вöралан керка* ‘охотничья избушка’ [КРК, 2000, с. 121], кп. *вöралан керку* ‘охотничья избушка’ [КПРС, 1985, с. 83]; кз. *куа* ‘шалаш’ [КРК, 2000, с. 312], кп. *куа* ‘шалаш’ [КПРС, 1985, с. 198]; кз. *пывсян* ‘промысловая избушка, банька’ [Конаков, 1983, с. 241], кп. *пывсян* уст. ‘баня’ [КПРС, 1985, с. 388]; кз. *лэч туй* ‘охотничье угодье с силками и ловушками’ [КРК, с. 375], кп. *лöч туй* ‘охотничья тропа, вдоль которой ставятся силки, ловушки’ [КПРС, 1985, с. 230]; кз. *пыльöм туй* ‘охотничья тропа, на которой расставлены ловушки, западни на зайцев, на зверей’ [КРК, 2000, с. 548], кп. сев. *пыльöм туй* ‘охотничья тропа с ловушками (западнями)’ [КПРС,1985, с. 341]; кз. *чöс туй* ‘охотничья тропа с ловушками, охотничье угодье’ [КРК, 2000, с. 713], кп. *чöс туй* ‘охотничья тропа’ [КПРС, 1985, с. 542].

Следует отметить, что из состава общекоми лексики в соответствующих источниках этимологизируются в основном одночленные названия. Что касается обозначений, состоящих из двух компонентов (слов) или более, которые,

вероятно, также возникли в пракоми эпоху, то они обычно в специальных работах не рассматриваются и реконструкции праформ для них не производятся.

В диахронической иерархии исследуемой микросистемы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-зырянские обозначения. Эти названия употребляются только носителями современного коми-зырянского языка, на территориях других родственных народов, в том числе коми-пермяков, они отсутствуют. Данная группа обозначений охотничьих угодий, сооружений и построек состоит из следующих названий: *кок йыв лобӧс* ‘кладовая на стойках’ [КРК, 2000, с. 354], *му керка* ‘землянка’ [КРК, 2000, с. 268], *овкӧдж* ‘район, занятый угодьями, угодье’ [КРК, 2000, с. 425], *ордым* ‘тропа’ [КРК, 2000, с. 459], *талля* ‘охотничье угодье’ [КРК, 2000, с. 635], *тшамъя* ‘кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 666] и т.д.

Иноязычный компонент микросистемы сформировался в результате заимствования из двух внешних источников – из севернорусских народных говоров и русского литературного языка: *алачуг* ‘шалаш’ [КРК, 2000, с. 27] < рус., ср. др.-рус. *алачуга* ‘хижина’ [КЭСК, 1999, с. 389]; *лабаз* ‘кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 342] < рус., ср. *лабаз* ‘небольшое строение в лесу на ветвях или на деревьях, которое охотники используют как склад продуктов, шкур и т.п.’ [СРНГ-16, 1980, с. 211]; *лабаз* ‘помост на деревьях, откуда бьют медведей’ [КРК, 2000, с. 342] < рус., ср. *лабаз* ‘небольшой помост на деревьях или столбах, на котором помещается охотник для подкарауливания медведя и других зверей’ [СРНГ-16, 1980, с. 212]; *лобӧс* ‘кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 354] < рус., ср. *лобоз* ‘небольшое строение в лесу на ветвях или на деревьях, которое охотники используют как склад продуктов, шкур и т.п.’ [СРНГ-17, 1981, с. 97]; *нажӧг* ‘очаг (в лесных избушках)’ [КРК, 2000, с. 420] < рус., ср. *нажог* ‘горящий костер’ [СРНГ-19, 1983, с. 272]; *турыш* ‘кладовая при охотничьей избушке’ [КРК, 2000, с. 664] < рус., ср. *турушка* ‘охотничий амбар на четырех высоких столбах около лесной избушки’ [СРНГ-45, 2012, с. 283]; *угоддьӧ* ‘угодье’ [КРК, 2000, с. 681] < рус., ср. *угодье* ‘охотничий участок с избушкой и устроенными ловушками на зверей’ [СРН-46, 2013, с. 216,]; *шалаш* ‘шалаш’ (КРК, 2000, с. 724) < рус., ср. *шалаш* ‘временная небольшая постройка для жилья из жердей, кольев, покрытых ветками, соломой и т.п.’ [СРЯ, 1984, т. 4, с. 698].

Заключение

Таким образом, впервые в пермском языкознании рассмотрена одиннадцатая по счету микросистема охотничьей лексики коми языка, предназначенная для номинации охотничьих угодий, сооружений и построек на них. В результате проведенного лингвистического анализа установлено, что формирование и развитие микросистемы происходило на основе внутренних ресурсов. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало,

что исконная часть рассматриваемого компонента охотничьей лексики имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, в соответствии с хронологией возникновения различаются допермский, пракоми и собственно коми-зырянский компоненты. Допермский фонд характеризуется наличием двух категорий древней лексики: прафинно-угорской и прафинно-пермской, особенностью которых, в отличие от групп более позднего происхождения, является то, что они сохранились и употребляются как в близкородственных, так и в дальнеродственных языках. Названия, появившиеся в пракоми эпоху, составляют общий фонд только для двух современных пермских языков – коми-зырянского и коми-пермяцкого. Самыми поздними являются лексемы, которые, кроме коми-зырянского языка, больше нигде не употребляются. Иноязычный компонент, участвовавший в пополнении рассматриваемой микросистемы, представляет собой поздние заимствования из двух внешних источников: из русского литературного языка (1 пример) и из севернорусских народных говоров (7 примеров). Из состава данной группы неисконной лексики только одна номинативная единица (*шалаш*) получила повсеместное распространение в коми языке, остальные обозначения употребляются в диалектной речи.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

диал. – диалектное слово; др.-рус. – древнерусское слово; кз. – коми-зырянский язык; кп. – коми-пермяцкий язык; рус. – русский язык; сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка; удм. – удмуртский язык; уст. – устаревшее слово; ф.-п. – финно-пермский праязык; ф.-у. – финно-угорский праязык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. М.: Наука, 1983. 248 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

КРК – Коми-роч кывчукӧр = Коми-русский словарь / Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000, 816 с.

КЭСК – Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1999, 430 с.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. Ч. I: Введение. Фонетика. 135 с.

Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / под ред. В.И. Лыткина, К.Е. Майтинской, Кароя Редеи. М.: Наука, 1974. 484 с.

Пекшеева Э.И. Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке // Финно-угроведение. 2019. № 1. С. 18–23.

Ракин А.Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения. 2021. № 2. С. 319–327. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327

Ракин А.Н. Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022а. Т. 14, № 2. С. 171–185. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185

Ракин А.Н. Названия крупных хищных и растительноядных животных в составе лексики охотничьего промысла в коми языке // Севернорусские говоры. 2022б. Вып. 21. С. 201–219. DOI: 10.30842/01348515202210

Ракин А.Н. Названия промысловых животных средних размеров // Пермистика 19: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. Сыктывкар: Коми респ. тип., 2023а. С. 262–268.

Ракин А.Н. Названия мелких пушных зверей в коми языке // Финно-угорский мир. 2023б. Т. 15, № 2. С. 180–188. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188

Ракин А.Н. Лексика охотничьего промысла в коми языке: обозначения водоплавающих птиц // Вестник Марийского государственного университета. 2023в. Т. 17, № 4. С. 543–551. DOI: https://doi.org/10.30914/2072.6783-2023-17-4-543-551

Ракин А.Н. Лексика охотничьего промысла в коми языке: обозначения болотно-луговой и полевой дичи // Севернорусские говоры. 2024а. Вып. 23. С. 120–139. DOI: 10.30842/01348515 202407.

Ракин А.Н. Лексика охотничьего промысла в коми языке (обозначения боровой дичи) // Современное финно-угроведение: наука – общество – культура: сб. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. финно-угроведов, посвящ. 300-летию Российской академии наук (Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 г.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2024б. С. 97–100.

Ракин А.Н. Номинация охотничьих орудий лова промысловых животных в коми языке // Пермские языки в полиэтничном пространстве: история и современное состояние: тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН. Вып. 79. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025а. С. 146–156.

Ракин А.Н. Обозначения охотничьей экипировки и снаряжения в коми языке // Linguistica Uralica. 2025б. LXI. № 1. С. 30–38. DOI: https://doi.org/10.3176/lu.2025.1.02

РКС – Русско-коми словарь / Л.М. Безносикова, Н.К. Забоева, Р.И. Коснырева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

СРНГ-16 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1980. Вып. 16. 376 с.

СРНГ-17 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. Вып. 17. 383 с.

СРНГ-19 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. Вып. 19. 360 с.

СРНГ-45 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2012. Вып. 45. 343 с.

СРНГ-46 – Словарь русских народных говоров / отв. ред. С.А Мызников. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 349 с.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4. 794 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: РАН, УрО, Удм. ин-т. ИЯЛ, 2008. 863 с.

Rédei, K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, 1988, Band 1–2. 906 s.

Anatoliy Rakin

DESIGNATIONS OF HUNTING GROUNDS AND BUILDINGS AS THE PART OF THE HUNTING GLOSSARY IN THE KOMI LANGUAGE

Introduction. The article is devoted to the hunting glossary in the Komi language. It examines, as an independent microsystem, the terms used to designate hunting grounds, structures and buildings. **The purpose** of the article is to identify the systemic features that distinguish the subject of the study from other components of the vocabulary of hunting, and to establish the origins and main stages of the formation and development of the microsystem in question from ancient times to the present day. **Materials and methods.** The main source of factual material for the study was the basic vocabulary of the Komi language contained in lexicographical publications. Examples of dialectal terms were taken from normative and etymological dictionaries. Comparative examples from the Komi-Permyak and Udmurt languages are given, primarily those that are genetically related to the Komi-Zyrian material under analysis. Words of both indigenous and foreign origin are considered. The research methodology is based on descriptive, synchronic-comparative, comparative-historical, and statistical methods. **Research results, discussion.** This article is the first attempt to analyse the hunting ground notions. Based on the systematisation of reconstructions, a diachronic hierarchy of the original lexicon is presented, characterised by the presence of three components of ancient names: Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permian, and Proto-Komi. The types and quantitative composition of the group of non-Komi names, which are late borrowings, have been established. **Conclusion.** The formation of the Komi language hunting vocabulary used to name hunting grounds took place over many millennia, beginning in the Proto-Finno-Ugric era. The vast majority of the terms in this microsystem belong to the original vocabulary of the Komi language. The borrowed part of the microsystem occupies an insignificant place, and its penetration came from two external sources.

Keywords: the Komi language; hunting vocabulary; designations of hunting grounds; indigenous words; borrowings.

REFERENCES

Konakov N.D. Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. [Komi hunters and fishermen in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, Nauka, 1983, 248 p. (In Russian).

Komi-permjacko-russkij slovar' [Komi-Permian-Russian Dictionary]. R.M. Batalova, A.S. Krivoshhjokova-Gantman. Moscow, Russkij jazyk, 1985, 624 p. (In Komi-permian and Russian).

Komi-russkij slovar’ [Komi-Russian Dictionary]. L.M. Beznosikova, E.A. Ajbabina, R.I. Kosnyreva. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 2000, 816 p. (In Komi and Russian).

Kratkij etimologicheskij slovar’ komi jazyka [Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. V.I. Lytkin, E.S. Guljaev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1999, 430 p. (In Komi and Russian).

Lytkin V.I. Istoricheskaja grammatika komi jazyka [Historical Grammar of the Komi Language]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1957, 135 p. (In Russian).

Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov) [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. Ed. by V.I. Lytkin, K.E. Majtinskaja, K. Redej. Moscow, Nauka, 1974, 484 p. (In Russian.).

Peksheeva E.I. Istoriko-geneticheskij analiz nekotoryh nazvanij ohotnich’ih lovushek v marijskom jazyke [Historical-geneticanalysis of hunting traps naming in the Mari language]. *Finno-ugrovedenie*, 2019, no. 1 (60), pp 18-23. (In Russian).

Rakin A.N. Oboznachenija sub”ekta ohotnich’ego promysla v komi jazyke [Designations of the subject of hunting in the Komi language]. *Vestnik ugrovedenija*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 319-327. (In Russian). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.

Rakin A.N. Nominacija ob’’ekta ohotnich’ego promysla v komi jazyke [Nomination of a hunting object in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 171-185. (In Russian). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.

Rakin A.N. Nazvanija krupnyh hishhnyh i rastitel’nojadnyh zhivotnyh v sostave leksiki ohotnich’ego promysla v komi jazyke [The names of large carnivorous and herbivorous animals as part of the hunting vocabulary in the Komi language]. *Severnorusskije govory*, 2022, no. 21, pp. 201-219. (In Russian). DOI: 10.30842/01348515202210.

Rakin A.N. Nazvanija promyslovyh zhivotnyh srednih razmerov [Names of medium-sized commercial animals]. *Permistika 19: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami. Sbornik nauchnyh statej*, Syktyvkar, Komi respublikanskaja tipografija 2023, pp. 262-268. (In Russian).

Rakin A.N. Nazvanija melkih pushnyh zverej v komi jazyke [Names of small fur-bearing animals in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir,* 2023, vol. 15, no. 2, pp. 180-188. (In Russian). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188.

Rakin A.N. Leksika ohotnich’ego promysla v komi jazyke: oboznachenija vodoplavajushhih ptic [Hunting vocabulary in the Komi language: designations of waterfowl]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 543-551. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.30914/2072.6783-2023-17-4-543-551.

Rakin A.N. Leksika ohotnich’ego promysla v komi jazyke: oboznachenija bolotno-lugovoj i polevoj dichi [Hunting vocabulary in the Komi language: designations for marsh-meadow and field game]. *Severnorusskie govory,* 2024, no. 23, pp. 120-139. (In Russian). DOI: 10.30842/01348515 202407.

Rakin A.N. Leksika ohotnich’ego promysla v komi yazyke (oboznachenija borovoj dichi) [Hunting Lexicon in the Komi language (Notions of upland fowl)]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie*: *nauka – obshhestvo - kul’tura. Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov, pocvjashhjonnoj 300-letiju Rossijskoj akademii nauk.* 27-30 June. Yoshkar Ola, 2024, pp. 97-100. (In Russian).

Rakin A.N. Nominacija ohotnich’ih orudij lova promyslovyh zhivotnyh v komi jazyke [Nomination of hunting gear for commercial animals in the Komi language]. *Permskie jazyki*

v polietnichnom prostranstve: istorija i sovremennoe sostojanie. Syktyvkar, Federal'nyj issledovatel'skij centr Komi nauchnyj centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2025, iss. 79, pp. 146-156. (In Russian).

Rakin A.N. Oboznachenija ohotnich'ej ekipirovki i snarjazhenija v komi jazyke [Designations of hunting equipment in the Komi language]. *Linguistica Uralica*, 2025, vol. LXI, no. 1, pp. 30-38. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.3176/lu.2025.1.02.

Russko-komi slovar' [Russian-Komi Dictionary]. Ed. by L.M. Beznosikova, N.K. Zaboeva, R.I. Kosnyreva. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2003, 1104 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F.P. Filin. Leningrad, Nauka; Leningradskoe otdelenie, 1980, iss. 16, 376 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F.P. Filin. Leningrad, Nauka; Leningradskoe otdelenie, 1981, iss. 17, 383 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F.P. Filin. Leningrad, Nauka; Leningradskoe otdelenie, 1983, iss. 19, 360 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F.P. Sorokoletov. Saint Petersburg, Nauka, 2012, iss. 45, 343 p. (In Russian).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. S.A Myznikov. Saint Petersburg, Nauka, 2013, iss. 46, 349 p. (In Russian).

Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed by. A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkij jazyk, 1984, vol. 4, 794 p. (In Russian).

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary]. Ed. L.E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2008, 863 p. (In Udmurt and Russian).

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch, Budapest, Akademiai Kiado, 1988, Band 1-2, 906 p. (In German).

Ракин Анатолий Николаевич
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Anatolij Rakin
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Institute
of Language, Literature and History
of the Komi Scientific Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: anatolij.rakin@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.151+512.111)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-45-63

УСТНАЯ ПРОЗА О КЛАДАХ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2026 г. Г.Г. Ильина, М.В. Пенькова

Введение. Взаимовлияние и взаимообогащение культур разных народов, живущих по соседству, является одним из уникальных этнокультурных процессов. Это проявляется в языковых особенностях, а также в различных направлениях общего духовно-культурного и материального наследия, и в фольклоре, в частности. Проблема дифференциации жанров, установление межжанровых границ всегда вызывала определенную трудность у фольклористов. Столь непростая задача остается нерешенной в области прозаического фольклора и сегодня. В публикациях и исследованиях происходит смешение терминов, употребление их как синонимов, слияние названий, употребление одного термина в качестве обобщающего. **Цель статьи** – обозначить постановку проблемы относительно определения жанровых свойств текстов несказочной прозы, в частности быличек; представить специфику повествовательно-стилистических особенностей устной прозы о кладах в чувашском и марийском фольклоре. **Материалы и методы.** Статья основана на теоретических исследованиях специалистов, опубликованных фольклорных записях, материалах архивных фондов, а также на полевых материалах, собранных авторами. Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, интервьюирование, анализ полевого материала. **Результаты исследования, обсуждение.** Сегодня успешными и результативными являются совместные комплексные исследования, на базе которых успешно реализуется сравнительное изучение той или иной темы (выбранного жанра). Благодаря сопоставительной работе появляется возможность более широкого и детального рассмотрения образцов устного народного творчества. В результате такого взаимовыгодного «научно-культурного» диалога многие жанры раскрываются более детально, в ряде случаев объясняя причины появления различного рода сюжетных вставок, ремарок

и т.д. **Заключение.** В ходе обзорного рассмотрения устной прозы о кладах в чувашском и марийском фольклоре выявлено общее функциональное пространство действия сюжета, схожая идейно-смысловая нагрузка, одинаковые составные части и персонажи в самом широком их проявлении.

Ключевые слова: совместная экспедиция; комплексные исследования; чувашский и марийский фольклор; устная несказочная проза; жанр; проблемы классификации; сюжетные особенности; идейно-смысловая нагрузка; клад.

Введение

Межкультурный диалог и интеграция народов-соседей – это ключевой аспект современных уникальных этнокультурных трансформаций. Он находит свое отражение в разнообразных направлениях этнокультурной общности, в том числе и в устном народном творчестве.

В чувашской и марийской фольклористике уделялось большое внимание проблеме классификации, характеристики и исследования жанров устной прозы, а также всей системы жанров фольклора по образцу русской фольклористики. Это позволило расширить фольклористическую терминологию для обозначения жанров народной прозы. Исследователями стали вводиться в научный оборот новые термины взамен укоренившихся в родных языках, особенно ярко это проявилось в чувашской науке.

Региональными исследователями неоднократно поднимались вопросы выделения быличек в самостоятельный жанр фольклора, этот вербальный вид словесного народного творчества отличается своей универсальностью и во многом схож у многих народов. Работе по определению тождественности таких текстов способствуют совместные комплексные научные экспедиции, в нашем случае состоявшиеся в целях изучения народного творчества и обрядности чувашей и мари, находящихся в контактной зоне. По результатам такой научно-исследовательской работы были выявлены самые различные близкие и взаимодополняющие традиции, в том числе и особенности касательно устной прозы и связанной с ней тематики.

Цель статьи – обозначить постановку проблемы относительно определения жанровых особенностей текстов несказочной прозы, в частности быличек; представить специфику повествовательно-стилистических отличий устной прозы о кладах в чувашском и марийском фольклоре. В центре внимания также стоит вопрос об обзорном рассмотрении в текстах локальной идентичности и ее выраженности в нарративах современников и культурной памяти.

Материалы и методы

Статья основана на теоретических исследованиях специалистов, опубликованных фольклорных записях, материалах архивных фондов, а также на

полевых материалах, собранных авторами. Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, интервьюирование, изучение полевого материала. Использовались также методы полевой этнографии и анализа нарративов. Основные источники – опубликованные фольклорные тексты, материалы научных рукописных фондов ЧГИГН и МарНИИЯЛИ.

Результаты исследования, обсуждение

В настоящее время с развитием междисциплинарных связей и усовершенствованием научных подходов появляется необходимость углубленного изучения и описания традиционного мировосприятия и культуры различных народов в сравнительном срезе. Для нас этот вопрос доказал свою актуальность несколько лет назад. В 2023 году сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева участвовали в совместной комплексной научной экспедиции. Это был уже второй по счету опыт проведения подобной работы. Данное исследование взяло свое начало еще в июне 2022 года, когда состоялась комплексная научная экспедиция в сельские поселения Звениговского района Республики Марий Эл, а сама идея о проведении совместных междисциплинарных полевых исследований зародилась во время проведения первой общей научно-практической конференции «Чуваши и марийцы – соседи по „общему дому”» (17 мая 2019 года). Форум стал первым совместным научно-практическим проектом ЧГИГН и МарНИИЯЛИ, он объединил усилия гуманитариев двух республик в изучении истории добрососедских отношений двух поволжских народов – чувашей и марийцев и в итоге дал успешный результат в виде двух научных сборников, в которых опубликованы исследовательские итоги ученых.

В процессе изучения в рамках данной научной экспедиции всевозможных особенностей устного народного творчества и обрядности чувашей и мари, находящихся в контактной зоне, были выявлены самые различные близкие и взаимодополняющие традиции, в том числе и особенности касательно устной прозы и связанной с ней тематики. Особенно полно это было обнаружено в рамках работы второй экспедиции.

Именно она наглядно показала общность сюжетных линий в текстах устной прозы, одинаковые функциональные особенности персонажей демонологической прозы, в ряде случаев их единство касательно описания их внешнего облика, семантики людской обережной практики от них и т.д. Материал записывался на территории контактной зоны от жителей чувашских (Моргаушский и Ядринский муниципальные районы Чувашской Республики) и марийских (Горномарийский район Республики Марий Эл) населенных пунктов. Во время сбора общего этнокультурного материала пристальное внимание было уделено народным повествованиям. Из рассказов респондентов – хранителей

традиционной культуры, языка, обрядов и т.д., дополняющих друг друга, получена общая картина фольклора чувашей и горных мари, проживающих на рассматриваемой территории.

Разнообразные вопросы по исследованию фольклора на протяжении долгого времени «занимали умы» многих исследователей, несказочная проза и сегодня остается продуктивной жанровой моделью, что делает задачу ее изучения еще более значимой при попытках описания как архаического мировосприятия, так и современного мировоззрения.

Трудности в изучении повествовательного фольклора связаны с нечеткостью дифференциации жанров, внутрижанровых категорий, отсутствием стабильного определения и описания соответствующих жанрообразующих признаков. Все эти положения специалисты объясняют близостью произведений несказочной прозы по их содержанию, форме, образной системе, постоянным взаимодействием жанров и видов.

Чувашскими и марийскими фольклористами неоднократно поднимались вопросы выделения быличек в самостоятельный жанр фольклора. Здесь у специалистов возникают следующие проблемы, связанные: 1) с номинацией данного термина на национальном языке; 2) с классификацией текстов; 3) выделением бывальщин.

В 40-х годах прошлого столетия на данный жанр в чувашской фольклористике впервые обратил внимание исследователь И.С. Тукташ. Теоретические положения в отношении этого жанра, высказанные им, довольно ценны: «К *тĕшмĕш халапĕсем* (суеверные рассказы) относятся рассказы о лешем, водяном, домовом, *Вупăр, Вутăш,* а также о других демонологических существах и колдунах. Эти рассказы произошли давно, потому что древние люди не понимали законов природы и верили разным «злым духам/существам» (здесь и далее перевод наш. – *Г.И.*) [Тукташ, 1941, с. 161]. Через столько лет мы приходим к выводу, что данный жанр действительно существует в чувашском фольклоре, тем более он распространен и в наши дни. До сегодняшнего времени не найден удовлетворяющий всех фольклористов чувашский аналог термина «былички». В научной литературе имеется опыт использования таких вариантов терминов, как *тĕлĕнтермĕш халапĕсем, юптармăш, курни-илтни.* Существующий терминологический разнобой связан, по-нашему мнению, с возрастанием интереса к данному жанру. Чувашский фольклорист Н.И. Егоров предлагает данный жанр использовать под термином *«тĕн-тĕшмĕш халапĕсем»* [Егоров, 2002, с. 64–68]. Им же предлагается следующая классификация быличек: 1) антеонические; 2) пананимонические; 3) пандемониумические.

Проблема идентификации усугубляется и тем, что тексты такого характера генетически связаны с мифами [там же, 33, с. 6], следовательно, публикация текстов мифологических быличек возможна в томе «Мифы» (исследова-

ние находится в рабочем процессе). Здесь речь идет о текстах, раскрывающих причины появления мифологических персонажей.

Количество таких текстов в чувашском фольклоре не велико, равно и в марийском фольклоре их не больше. Подавляющее большинство текстов с фактом «встречи с духом / нечистой силой» опубликовано в томах: «Мифсемпе халапсем» («Мифы и предания») (1987), «Мифсем. Легендăсем. Халапсем» («Мифы. Легенды. Предания») (2004). Видимо из этих же соображений известный марийский ученый-фольклорист В.А. Акцорин включил тексты с аналогичным сюжетом в том Свода марийского фольклора «Марий калык ойпого. Мифы. Легенды. Предания» (1991) в раздел «Демонологические легенды».

Русскому термину «быличка» в марийском фольклоре соответствуют марийские народные названия *ужмо-колмо* (об увиденном и услышанном), *лӱдыкш* (страхи), *таргылтыш нерген ойлымаш* (рассказы о встречах с лешими), *ия ужмо нерген ойлымаш* (рассказы о встречах с чертом), *келтӹмäш ужмы гишäн шая* (рассказы о встрече с чертом) [Тойдыбекова, 2007, с. 17].

Предшествующим справочнику исследованием была диссертационная работа Л.С. Киткаевой (после замужества – Л.С. Тойдыбековой) «Марийские былички» (г. Таллинн, 1990). Этот труд является первой попыткой цельной систематизации и классификации быличек в марийской фольклористике, в котором впервые были осмыслены вопросы о марийских быличках как об особом жанре фольклора, рассмотрены истоки происхождения ряда мифических образов, а также композиционные и стилистические особенности народных рассказов о тех или иных демонологических существах.

Этнографический справочник же являет собою исследовательский труд, включающий марийских богов, мифологические персонажи, некоторые символы, понятия традиционной духовной культуры мари и, как результат, работу, изучающую ментальность марийского народа, распознающую религиозно-мифологическую картину мироздания как своеобразную систему. Труд Л.С. Тойдыбековой полезен нам тем, что в нем автор дает свою классификацию, с выделением следующих групп:

1. Былички и бывальщины о духах природы: *чодыра оза, таргылтыш, вӱд оза, вӱд ия, вӱд ӱдыр, пасу оза.*

2. Былички и бывальщины о домашних духах: *пӧрт оза, монча оза, вӱча оза.*

3. Былички и бывальщины об *ия, увере,* кладах.

4. Былички и бывальщины о людях, обладающих сверхъестественными способностями, и о покойниках: *локтызо, мужедше.*

5. Былички и бывальщины о небесных силах: *юмын капка, юмо, суксо* [Тойдыбекова, 2007, с. 32].

В целом классификация Л.С. Тойдыбековой схожа с классификацией В.П. Зиновьева. По отношению пятой группы возникают вопросы, как и в случае с классификацией Н.И. Егорова, так как по традиции, сложившейся в фольклористике, в быличке происходит факт «встречи с демонологическими персонажами». Полемизировать с авторами выдвинутых положений не представляется возможным, так как и Н.И. Егоров, и Л.С. Тойдыбекова не аргументируют свои классификации, а просто приводят их. Тем не менее в пользу их концепций говорят такие факты, как то, что в последнее время ряд исследователей в своих трудах уходят от понятий «демонологический персонаж», заменяя его на «мифологический персонаж». Следующим, более важным аргументом, является то, что былички в отличие от преданий и легенд уже имеют признанные наукой указатели сюжетов-мотивов: С.М. Айвазяна [1975, с. 162–182], В.П. Зиновьева [1987, с. 305–320] и др. В классификации В.П. Зиновьева отсутствует раздел быличек о небесных силах, но в его указателе сюжетов под маркером «Ж» приводится сюжет, обозначенный как «небесные силы», с целым рядом вариантов сюжетов, которые актуальны и для чувашского фольклора.

Егоров Н.И. классифицирует материал по основному типу героя. В ней присутствует логика, построение материала, поскольку условный порядок деления пантеона чувашей таковым и является [Егоров, 2002, с. 49]. К замечаниям можно отнести такой момент, как отсутствие тематических рубрик, из которых можно было бы увидеть, какие именно тексты в чувашском фольклоре следует, на взгляд автора, отнести к быличкам. Имеется указатель сюжетов лесных персонажей чувашского фольклора, составленной Г.Г. Ильиной [2017, с. 94–97]. Возможным упущением указателя является то, что идентичные сюжеты по персонажам должны нумероваться под одним номером.

В отечественной фольклористике от былички (мемората), лишенной целостной сюжетной формы, исследователи отличают бывальщину (фабулат). Как показывает практика, специалисты редко могут провести четкую границу между быличкой и бывальщиной. Критерии по разграничению этих жанров до конца не выявлены. Не имеется на сегодняшний день четких представлений в этой области и у чувашских, и у марийских фольклористов. Л.С. Тойдыбекова их классифицирует без разграничений, отмечая о них едино – «былички и бывальщины о встречах с нечистой силой или о загадочном явлении природы, которые вызывают у людей страх перед непонятным и необычным в окружающем мире [Тойдыбекова, 2007, с. 17].

На сегодняшний день фольклористами двух республик не предложен термин для обозначения бывальщин.

Один из ведущих марийских фольклористов В.А. Акцорин произведения устной марийской прозы обозначил в рамках схожей терминологии с единой

семантической составляющей: «Материалы имеют собственные народные фольклорные термины, такие как: *тоштыеҥ ой* (рассказ предков), *тошто илыш гыч* (из жизни предков), *кугезе-влакын ойышт* (рассказы прадедов), *коча-шамычын ойышт* (рассказы дедов), *тошто марий шомак* (рассказы древних марийцев), *тошты мары шая* (рассказы старых марийцев). Иногда более древние мифы бытуют среди народа под терминами: *шоя* (сказка), *йомак* (сказка)» [Марий … , 1991, с. 5–6]. Разделяя устные народные произведения на две группы: в первом случае, по его мнению, *тоштыеҥ ой*, *тошты шая*, *шоя* относятся к мифам и легендам, а произведения, бытующие под терминами *тошты мары шая*, *тошто илыш гыч*, *тошто марий шомак*, *коча-шамычын ойышт* относятся к преданиям. Но в любом случае исследователь объединяет их всех в рамках одного жанра «*тоштыеҥ ой*», куда входят самые древние мифологические, космогонические произведения, отражающие представления древних людей о происхождении человека, возникновении жизни на Земле, необычных, экстремальных явлениях, происшедших в космосе, природе, на земной поверхности [Марий … , 1991, с. 6].

Ученый не выделяет отдельно демонологическую прозу. Единственно, по отношению к рассказам с подобным сюжетом, встречающимся у горных мари, он условно применил термин *лӱдӹшлӓ* («о страшном», «страшилки») [Акцорин, 1997, с. 135].

Для многих ученых, являющихся специалистами-полевиками и исследователями архивных фондов, всегда важен конечный результат. Поэтому, отрадным и весьма важным на сегодняшний день является публикация долгожданного издания по чувашскому фольклору в двух частях – «Ыр-усал халапӗсем = Былички» (2023, 2024).

Для исследователей марийского фольклора такая работа – труд на перспективу.

Попытаемся выделить основные сюжетные звенья чувашской былички:

1. Экспозиция. В большинстве случаев мы имеем дело с нахождением человека за пределами своего дома и в периферийных частях домашнего пространства (чердак, овин). Действие происходит обычно в «опасное» время: поздний вечер, ночь.

Такое описание пространства и времени дается не для повышения достоверности рассказа, как обычно полагают, а как раз для того, чтобы сигнализировать о нарушении границы. Вообще, с точки зрения традиционного человека мир насыщен потенциальными гранями, каждая из которых в любую минуту может стать основной границей между своим и чужим. Таким образом, можно говорить не только о реальности пространства в былинке, но и о его своеобразной символичности: лес, поле, река интересны былинке не сами по себе, а как знаки иного мира. Оказываясь в том пространстве, герой как бы попадает на «минное поле», где «взрыв» не произойти не может.

Если же событие произошло не на глазах рассказчика, то он обязательно стремится подтвердить достоверность сообщаемого убедительными для слушателей фактами. Для этого рассказчик подчиняет себе все изобразительные приемы повествования, композиционную структуру излагаемого материала, описываемые место действия и пейзаж.

2. Встреча. Характерным для быличек является то, что в центре каждой из них показывается встреча человека с демонологическими существами. Человек сталкивается с проявлением нечистой силы, причем в начале он может не видеть демонической природы происходящего, воспринимая его как странное необычное, но все же обыденное явление.

3. «Откровение» нечистой силы. Демон проявляет свою иномирную сущность. Нечистая сила «разоблачает себя по-разному». Присутствие сверхъестественных персонажей чаще всего проявляется шумом, либо резкими звуками, либо какими-нибудь впечатлениями.

Каждый образ является центром повествования и определяет кульминационный момент рассказа, поэтому часто дается описание его портрета. В подавляющем большинстве чувашских быличек портрет «иномирного» существа не определен и построен на каком-то одном признаке: рассказчик не называет того, кто ему встретился, он упоминает только, что кто-то захохотал, загремел, застучал, мелькнул, прикоснулся к нему лохматой шерстистой лапой и т.д. Очевидно, некоторую роль играет в данном случае запрет называть нечистого по имени.

4. Дальнейшие звенья былички могут включать описание злокозненных действий демона, направленных на человека, и упоминания о развязке.

Выше представлена структура простейших чувашских быличек. Текст былички может быть и усложненным. В таких текстах повествование приобретает разветвленность и устойчивость, присущую жанру сказки. Подобные усложнения русские фольклористы называют бывальщинами. При всей своей близости к сказке они сохраняют аутентичность, характерную для былички.

В своем большинстве выстраивание сюжетной канвы марийских быличек является схожим с чувашским. Что касается выделения «специфического, национального», исследователь Л.С. Тойдыбекова выделяет ряд составляющих моментов, на основе которых создавались былички и их образная система:

1) многовековой анализ различных явлений, свидетельствующих о связи человеческой жизни с космосом, понимание того, что небесные силы оказывают на человека как положительное, так и отрицательное влияние;

2) осмысление такого же воздействия (добра и зла) на человека силы природы и земли;

3) исторический опыт народа, особенно межплеменные, а затем межэтнические положительные или отрицательные отношения;

4) таинственные явления в человеческой психике и проявление сверхъестественных способностей у отдельных людей [Тойдыбекова, 1997, с. 80].

Марийские былички бытуют на основе этого «своеобразного симбиоза» индивидуального и общего мировосприятия, этнической идентичности, функционирования различных видов народного творчества, в том числе и устного.

Исследователи славянской традиционной культуры неоднократно указывали на сложности, связанные с дифференциацией фольклорной прозы о кладах. Эти народные произведения ряд фольклористов относят к быличкам и бывальщинам [Э.В. Померанцева, 1975; В.П. Зиновьев, 1987; Н.А. Криничная, 1987; О.А. Черепанова, 1996 и др.].

По мнению Н.А. Криничной, клад может принимать облик именно тех животных и птиц, которые считались священными и приносились в жертву [Криничная, 1987, с. 113]. Это подтверждают марийские архаические тексты [Тойдыбекова, 2007, с. 18].

Общие по тематике, эти повествования жанрово-стилистически разнородны: они могут быть отнесены к устным бытовым рассказам, историческим преданиям, поверьям, быличкам, побывальщинам; образы клада часто встречаются в разных видах сказок [Владыкина, 2017, с. 59].

И в чувашской, и в марийской устной прозе утверждается, что народ или прятал деньги, или искал их, или находил (обнаруживал случайно) и т.п. У чувашей: «*Халапланă тăрăх, ялта нумайăшĕн мул пулнă, ăна çĕр ăшне чава-чава чикнĕ*» («Существует предание, что в деревне многие имели клады, которые зарывали в землю»). [Ыр-усал … , 2024, с. 275]. У марийцев: *«Тойымо окса лийын. Ожно марий-влак мландышке оксам чӱчкыдынак оптат улмаш»* («Были спрятанные деньги. В старину марийцы часто зарывали деньги в землю») [Марий тошто ой-влак, 1972, с. 78].

Разнообразный ряд демонологических персонажей, оригинальный сюжет, причинно-следственные связи, своеобразный спектр разных манипуляций, связанный с рассматриваемым действом, вытекающие оттуда последствия, смысловая нагрузка, идентичные этнокультурные коды и т.д. широко представлены в разных текстах у обоих народов. Рассмотрим ряд сюжетных линий.

Клады, по поверьям чувашей и мари, показывались людям в разных образах, часто в том месте, где спрятано богатство, горел огонь. Зачарованные клады являлись в виде животных, человека и в другом облике. Иногда клад сам может просить человека, чтобы тот нашел его. Найти его не так-то просто, в частности его будто бы можно выкопать в ночь Семика, для этого нужно запрячь в соху петуха и вспахав землю. Кладоискатели, увидев клад, тотчас немеют, по возвращении домой вскоре могут и умереть [ПМА ИГГ].

В марийском фольклоре клад довольно часто напрямую ассоциируется с огнем и деньгами – *окса тул, оксатул* (огненные деньги) спрятаны посред-

ством заговора (наговора), чтобы им завладеть, человек должен знать его. В устно-поэтическом творчестве марийцев до настоящего времени сохранились архаические рассказы об огнях над кладом, богатствами, якобы оставленными жрецами, купцами или разбойниками. Клад может быть зарыт под дубом, сосной или липой. Местом нахождения клада могут быть колодцы, реки, ворота, подполье. Бытует поверье, что заговоренный *окса тул* всегда охраняется какой-либо волшебной силой [Тойдыбекова, 1997, с. 209].

У горных мари, в частности, встречается сюжет о поиске клада по блуждающему огоньку, падающему на землю в том месте, где зарыт клад. Но тот, кто его выкопает, не сможет забрать его с собой, у него онемеют руки. Или, согласно другому тексту, на месте зарытого клада в полночь можно услышать кошачье мяуканье, в данном случае животное (кот / кошка) выступает в роли охранника сокровища [ПМА ПМВ].

Исследователь Л.С. Тойдыбекова считает, что рассказы об *окса тул*, бытующие среди марийцев, возникли не случайно. Они сформировались как особый вид несказочной прозы в дидактических целях. Основной идейный мотив этих рассказов связан с мыслью о том, что человек не должен зариться на чужие богатства, он должен сам путем тяжелого труда создавать для себя богатство. Потребительское сознание ведет к гибели, созидательный и творческий труд является источником богатства каждого человека [Тойдыбекова, 2007, с. 211].

Из всего корпуса чувашских текстов о кладах выделяются те, в которых поясняется, как зарывается клад, с какими условиями. Клад зарыт в котле, в 8-ведерной посудине с наговором: «Кто пожелает взять мои деньги, тот пусть в землю провалится» [ФЭ, 896, л. 283]. По рассказам старых людей, в старину богатые люди будто бы зарывали в землю, заговаривая, горшки с деньгами. Будто бы их прятали, заговаривая их на 10–15 лет и более. Когда подходил намеченный срок, заговоренные деньги будто бы превращались в белую курицу и примерно на полчаса выходили на поверхность тайника [РФА, 920, с. 67]. Если подойти к месту, где сидит курица и произнести: «Дыры-щели, чрр!», и ткнуть курицу железным предметом, курица будто бы превращается в деньги. Эта курица будто бы явится лишь очень счастливому человеку [там же].

По понятию чуваш, зарытый клад находится в распоряжении злой силы. Если человек желает получить клад, то он должен продать злой силе свою душу, для этого он должен сделать на мизинце порез и дать одну каплю крови злой силе. Если эти деньги лежат несколько лет, то к ним якобы привязываются *шуйтаны*. Эти деньги *узалы* в полночь вытаскивают на поверхность. Ровно в полдень деньги будто бы кладут сушить [РФА, 918, с. 275].

Есть немало рассказов, указывающих на то, что кладоискательство является довольно опасным мероприятием. Судьба искателей во многом трагич-

на. По рассказам старожилов, «на станции Тюрлема, по сообщению Карачăм Санькки (Санькка, сын Герасима), в их саду имеется клад. Его, если верить людским пересудам, зарыл какой-то богатый чувашин. Однажды прадед Саньки со своим братом пошли искать этот клад. Пошедшие кладоискатели, как только увидели клад, тотчас же онемели. По возвращении домой они вскоре померли» [ФЭ, 896, л. 288].

Схожий мотив «опасности» встречается и в марийском фольклоре: «У нас соседи были очень богатые. Разбогатели, благодаря кладу. Хозяин вышел за огород, смотрит – горит огонек на дереве. А в следующий день он обнаружил клад, но вскоре сам умер. Он же не дал жертву, обещанному духу клада. Духу клада если не дашь жертву, он забирает человека» [Тойдыбекова, 1997, с. 210]. Исследователем отмечено, что убийство людей духами кладов ассоциируется с наказанием за алчность и корыстолюбие, главную идейно-смысловую нагрузку в таких текстах несет народное изречение – «…богатство – это временное явление, а богатство души – навечно» [там же].

И в чувашской, и в марийской устной прозе о кладах важен мотив, связанный с охраной сокровища. Считалось, что у каждого клада имеется свой сторож, дух. У чувашей, в частности, в примерах встречается образ солдата, оберегающего сокровища [Ыр-усал … , 2024, с. 271]. В марийском тексте, к примеру, клад защищает «огромный огненный шар, испускающий пламя и искры» [Тойдыбекова, 1997, с. 210]. Зарывая клад, обычно приносили жертву, читали заговоры или заклятья, чтобы дух жертвы его оберегал. Она становилась духом клада. Определенный ритуал всегда оберегал клад от похитителей [там же].

Из содержания рассказов о кладах становится очевидным, что существуют некоторые запреты, правила, нарушив которые клад исчезает обратно: «В одной чувашской деревне был обнаружен клад. Услышав их разговоры, будто бы пришли русские и копали. Когда русские вытаскивали деньги, будто бы вымолвили: «Господи!» – и деньги будто бы ушли обратно (в землю)» [РФА, 899, с. 172]. Старики рассуждали: «Если идти в полночь, эти деньги можно без шума выкопать из земли. Если скажешь хоть одно слово, эти деньги опустятся обратно. А потом, при возвращении домой, будто бы досаждают усалы» [РФА, 918, с. 275].

Согласно другому тексту, нашлись отчаянные люди: «Пошли ночью, в полночь; будто бы ходили выкапывать вдвоем. Добираются до того огня и начинают копать. Сами не издают ни звука. Когда копали, один из них вдруг видит бочку с деньгами, от радости как закричит: «Получилось!» Во время его крика бочка с деньгами с грохотом и опускается (обратно в землю). И эти (два старика) думают: «Пропали!» [РФА, 918 с. 276].

Бывает, что находят деньги и обычные люди. Но и в этом случае наказание неминуемо – заговоренные деньги могут ослепить нашедшего его человека:

«Сначала здесь была большая дорога. Был тракт, высаженный березами, там женщина по имени Йеренга увидела, что деньги лежат, набирает одну горсть и заносит (в дом), становится незрячей, вообще слепая, ничего не видит. Ах, говорит, котел с деньгами стоит, пойду, брошу эти деньги. Берет деньги, идет (в огород) и бросает, котел исчезает из глаз, нет его, и у нее глаза становятся зрячими [РФА, 894, с. 404]. Информатор, упоминая конкретное место и конкретного человека, хочет указать на достоверность рассказанного.

Непростое занятие клад добывать: «Солдат, который охраняет эти деньги якобы во сне поведал человеку: «(Деньги) достанутся тому, кто заколет и преподнесет в жертву белую лошадь, но нужна якобы совершенно белая лошадь» [РФА, 893, с. 48–51].

О способности к оборотничеству свидетельствуют многие рассказы. Так чувашская вдова, занимаясь обычным делом у себя в доме обнаружила клад: «Она топила печь. Вдруг из подпола выскочила желтая-прежелтая собака. У собаки глаза горели словно угольки, из пасти изрыгалось пламя. От испуга женщина вначале ничего не могла сделать, затем быстро схватила руками кочергу и р-раз! огрела собаку. В тот же миг собака чынгыр! разбилась. Вместо собаки образовался котел с деньгами. В котле лежали, сверкая, желтые золотые монеты. Вдове для воспитания детей действительно весьма пригодился даровой клад» [РФА, 917, с. 69].

Или следующее: «Метрик Мулендейкин видел его (клад) в образе сивой лошади. Однажды он, взяв кнут, очень сильно ударил эту лошадь. Лошадь превратилась в золотые монеты» [РФА, 921, с. 39].

Другие очевидцы обнаружили клад в образе курицы: «Если подойти к месту, где сидит курица, произнести: «Дыры-щели, чрр!» – и ткнуть курицу железным предметом, курица будто бы превращается в деньги. Эта курица будто бы явится лишь очень счастливому человеку» [РФА, 920, с. 68].

Другой текст: «Мустайское мольбище – около Старого Узеева. Там, якобы, является на белой лошади человек в белой одежде с мечом и ружьем, на золотом седле» [РФА, 918, с. 276].

У горных марийцев клад может быть связан с образом черной собаки: «*Шим пим пӹц йыдым ужын тӹкнет гӹнь, паштекшӹ кеен шоктет гӹнь, ши окса вӓрӹшкӹ шон кердӓт*» («Если в непроглядной темной ночи вдруг сможешь различить черную собаку, если угонишься за ней, то сможешь дойти до серебряных монет (клада)») [ПМА ПМВ]. «Зачарованный» клад, за редким исключением, на поверхности земли не показывается и только иногда в полночь или при знании заговора (произнесенном заклинании) появляется в образе лошади, жеребенка, теленка, овцы, свиньи [Тойдыбекова, 1997, с. 209].

Нам попался удачный чувашский текст с описанием того ужаса, который испытал человек при виде клада: «Одна из быличек вот такая (по рассказу де-

душки по отцовской линии). Как-то раз с наступлением ночи вышел я на улицу. Ночь тихая и теплая, ниоткуда никакого ветра, слов нет, как хорошо. Вышел и иду в сторону церкви. Вот шагаю вперед – неожиданно йылдыр! заблестело, у меня потемнело в глазах, закружилась голова – чуть не грохнулся назад. Вот глянул я получше, сам себя успокаивая: совсем недалеко, впереди меня, медленно поднимается вверх зеленый огонь, будто пламя маленькой свечи. Я вот наблюдаю, думая, что будет дальше, и вдруг – поднимался, поднимался и превратился в человека. «Ах, Господи, что же это?» Я не умею даже молиться, волосы встали дыбом, а сам смотрю, не отводя глаз. Тот снова йылдыр! блеснул и вмиг погас. Погас да, чуть погодя смотрю да – на том месте впереди меня стоит аж бык с огромными как ковш глазами, сам ревет. Куда идти? Не знаю, куда, а бык все ревет, мне страшно. Думаю: будь что будет, и решился шагнуть вперед. Вот умора. Сделал я один шаг – и ничего нет впереди меня: ни быка, ни огня – я прям удивился» [РФА, 917, с. 69.].

В марийском фольклоре поиск клада или случайное его обнаружение тоже довольно часто связаны со страхом перед злыми духами, демоническими персонажами и т.д. Как следствие, в центре текста фигурируют злые духи, описывается испуг главного персонажа, в отдельных случаях показано его послушание, выполнение необходимых назиданий, подчинение и безропотность. Человек прислушивается к себе и использует для своего спасения различного рода обрядовую магию (или вспоминает сам, либо обращается к знающим лицам – *мужанче, шӱведыше, локтызо, палыше / шинчыше*).

В народном обиходе мари существует поверье, что там, где обитает мифический персонаж, могут быть зарыты деньги (сокровища): *«Овда вынем – кӱнченыт ик гана, вара кок метр кӱнчымеке, памаш йогымо йӱкым колыныт. Кычалыныт шӧртньым да логалын огыл, уке»* («Пещера Овды – один раз там копали, выкопав (землю) до двух метров, услышали журчанье бегущей воды (родника). Искали золото, но оно им не попалось, нет») [МФЭ – 78. № 107. С. 32].

Большинство сверхъестественных персонажей в устной прозе марийцев в целом объединены в собирательном образе *ия*. Многогранный и собирательный персонаж *ия* универсален – он несет в себе практически все функциональные особенности духов. Универсальность демонологического персонажа *ия* находит свое выражение и в превращении в неодушевленные предметы, так или иначе связанные с колдовством в самом широком значении слова, а сам клад оказывается под защитой темных злых духов *шырт*. В одном из рассказов охотник, встретив *ия*, ударяет его прутом и тот превращается в горшок, полный медных монет. Но и в данном случае клад, как это часто встречается в народных повествованиях, не совсем «прост»: прежде всего, он оказывается «недозрелым» и забирать его домой запрещается, о чем охотнику сообщают во время его сна – *«Тиде оксан але жапше шуын огыл. Тудлан эше шӱдӧ ий кияш*

кӱлеш. Кушто муынат, тушкак нангае! От нангае гын, кужу курыман от лий. Тӧкет кажне йӱдым шырт-влак кошташ тӱнгалыт» («У этих денег время еще не пришло. Им нужно пролежать еще сто лет. Где нашел, туда же отнеси! Если не унесешь, укоротишь свой век. Каждую ночь к тебе будут являться злые духи *шырт*») [Марий тошто ой-влак, 1972, с. 78]. В рассматриваемом тексте местный знахарь (*шинчыше ен*) делится советом, как можно вернуть клад. Для этого необходимо вернуться за ним на то же место, но идти туда нужно, обернувшись спиной – *«шӱргӧ дене села велыш, тупшо дене чодыра велыш»* («лицом к деревне, спиной к лесу»).

Марийскую устную прозу о кладах может отличать назидательно-нравоучительный тон. К примеру, в одном из текстов встречается такое: *«Авам мылам ойла ыле: «Оксам мо муына, верештына да тыге манына – тыгай унам ончен огына мошто, вӱд ава, тый нангай»»* («Моя мама мне говорила: «Если мы находили деньги, натыкались на них, то так говорили – такого гостя мы не умеем угощать (ухаживать), мать воды, ты забирай»») [МФЭ – 90. № 169. С. 2]. Подобного рода превентивная мера необходима для устранения возможных нелицеприятных случайностей наподобие обвинения в воровстве, в таком видении заключено высоконравственное понятие о том, что чужое трогать нельзя, и четко прослеживается почитание и опасение перед потайными сакральными смыслами, так или иначе связанными с кладами (деньгами / сокровищами).

Также и по современным взглядам мари, клад – это не про богатство и легкие деньги, а про ответственность. Быстрая нажива не всегда может осчастливить, клад должен быть заслужен по праву, а его обладатель обязан понимать, достоин ли он этой награды. Такую мысль озвучил нам Г.А. Актершев – глава Общины Марийской Традиционной Религии «Марий кумалтыш» Моркинского района Республики Марий Эл, встреча с которым состоялась в рамках работы по проекту Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева «Определение границ территорий объектов культурного наследия – священных рощ, расположенных на территории Республики Марий Эл» (МарНИИЯЛИ был приглашен к совместной работе в данном проекте в 2022 году; в настоящее время исследование продолжается в рамках обоюдного официального соглашения о сотрудничестве). Георгий Архипович поделился с нами следующим: *«Арам окса эре сайжак огыл. Нунылан амал лийшаш. Мый кладын верым палем, икана шогем да ужам – пеш сото тул йӱла, пуйто лампочкым чӱктеныт, клад вер, шӧртньӧ уло, но мый тудым ом нал, шижам да палем, мылам огыл тудо, ок йӧрӧ налаш»* («Легкие деньги не всегда к добру. Им нужна причина (их нужно заслужить). Я знаю, где зарыт клад, однажды стою и вижу – горит огонек светлый, словно лампочку включили, это место клада, там есть золото, но я его не беру, чувствую и знаю, что оно не мое. Оно не мне предназначено, лучше не трогать») [ПМА ПМВ].

Былички и остальные образцы устного словесного творчества чувашей продолжают аналогично бытовать в вербальной среде, сохраняя идейные этнокультурные ценности и являясь средоточием и хранилищем древней мудрости, духовной культуры, быта и обрядности чувашского народа. Чувашская народная проза несет в себе высоко информационное значение. Произведения являются неиссякаемым богатством чувашей. Их можно назвать зеркалом жизни [Ыр-усал … , 2023, с. 30].

Заключение

Современное сближение культур соседних народов через взаимное обогащение – это яркое проявление уникальных этнокультурных процессов. Сегодня научная разработка вопросов истории межэтнических контактов имеет большое теоретическое и практическое значение и является весьма актуальной в современной гуманитарной науке, призванной способствовать дальнейшему этнокультурному развитию и совершенствованию межнациональных и межконфессиональных отношений в нашей стране.

Говоря о фольклоре, особо выделим, что положительный опыт работы подобного формата может помочь в решении новых проблем, связанных с сравнительно-историческим планом, выявлением возможных единых, либо близких генетических корней и основ, позволяет проследить развитие жанров, образов, мотивов и т.д. в сопоставительном срезе, обнаружить совместные истоки и выявить общие сюжетные линии, а также наметить возможные пути решения спорного вопроса относительно определения критериев по разграничению жанров несказочной прозы.

Относительно обзорного рассмотрения устной прозы о кладах в чувашском и марийском фольклоре нами прослежены и выявлены единое функциональное пространство действия персонажей, в ряде случаев – детальная картина похожих внешних признаков, схожесть сюжетных линий, смысловая нагрузка, идентичные этнокультурные коды и т.д. (особенно это относится к приграничной территории Ядринского района Чувашской Республики и Горномарийского района Республики Марий Эл).

Научные исследования никогда не стоят на одном месте, одним из продуктивных возможностей для продолжения сбора и изучения не только фольклорного материала, а общего историко-культурного наследия народов является межрегиональное сотрудничество.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА ИГГ – полевые материалы автора Ильиной Галины Геннадьевны
ПМА ПМВ – полевые материалы автора Пеньковой Марии Викентьевны

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 162–182.

Акцорин В.А. Ӧрӹктӓрӹшӹ лӱдӹшвлӓ = Удивляющие страшилки // У сем. 1997. № 7. С. 135–145.

Владыкина Т.Г., Панина Т.И. Удмуртская народная проза о кладах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Том 11. № 4. С. 58–72.

Егоров Н.И. Чӑваш фольклорӗн проза жанрӗсене ушкӑнласси тата терминологи ыйтӑвӗсем // Халӑх ӑс-хакӑлӗ = Классификация прозаических жанров чувашского фольклора и вопросы терминологии // Народная память. 2002. № 1. С. 20–25.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 305–320.

Ильина Г.Г. Чӑваш халӑх сӑмахлахӗ. Вӑрманти ыр-хаярсем = Чувашское народное словотворчество. Лесные духи. Учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. 116 с.

Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Л.: Наука, 1987. 325 с.

Лидия Тойдыбекова. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu. 1997. 397 с.

Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 188 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

МФЭ – 78. № 107. Материалы фольклорной экспедиции 1978 года. Куженерский район, д. Конганур.

МФЭ – 90. № 169. Сысоево, Мари-Турекский район. 22 июня – 11 июля 1990 года. Тойдыбекова Л.С.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справ. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

Тошто марий ой-влак. Тошты мары шаявлӓ / Марийские легенды и предания. На мар. яз. Йошкар-Ола, 1972. 216 с.

Тукташ И.С. Чӑваш фольклорӗ = Чувашский фольклор / И.С. Тукташ хатӗрленӗ, 1941. 214 с.

Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–182.

Чувашское устное народное творчество: в 6 т. Т. 6.: Мифы и предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 447 с.

Ыр-усал халапӗсем = Былички. Текст. IV том. Кн. 1. / сост. Г.Г. Ильиной, Е.В. Федотовой, предисл., коммент., указатель ключевых слов Г.Г. Ильиной / филол. пер. и примеч. А.П. Леонтьева; науч. ред. Н.Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т, гуманит. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2023. 400 с.

Ыр-усал халапӗсем = Былички. Текст. IV том. Кн. 2. / сост. Г.Г. Ильиной, Е.В. Федотовой, предисл., коммент., указатель ключевых слов Г.Г. Ильиной / филол. пер. и примеч.

А.П. Леонтьева; науч. ред. Н.Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2024. 400 с.

РФА. 893. НА ЧГИГН. I. 31. С. 48–51.

РФА. 894. НА ЧГИГН. I. 21. С. 404–405.

РФА. 899. НА ЧГИГН. I. 380. С. 172.

РФА. 917. НА ЧГИГН. I. 334. С. 69.

РФА. 918. НА ЧГИГН. I. 308. Л. 275–276.

РФА. 920. НА ЧГИГН. III. 193. С. 67–68.

РФА. 921. НА ЧГИГН. III. 202. С. 37–40.

ФЭ. 896. НА ЧГИГН. I. 581. Л. 283; 288.

Galina Ilyina, Maria Penkova

ORAL PROSE ABOUT TREASURES IN CHUVASH AND MARI FOLKLORE: A PROBLEM STATEMENT

Introduction. The mutual influence and mutual enrichment of cultures of different peoples living in close proximity is one of the unique ethnic and cultural processes, which is manifested in linguistic features, as well as in various aspects of the common spiritual, cultural and material heritage, and in folklore in particular. The problem of genre differentiation and the establishment of inter-genre boundaries has always posed a certain difficulty for folklorists. This complex task remains unresolved in the field of prose folklore even today. In publications and studies, there is a confusion of terms, their use as synonyms, the merging of names, and the use of one term as the general one. **The purpose** of this article is to identify the problem of defining the genre characteristics of non-fairy-tale prose texts, in particular, household stories (bilicki); to present the specific narrative and stylistic features of oral prose about treasures in Chuvash and Mari folklore. **Materials and methods.** The article is based on theoretical studies, published folklore records, archival materials, and field materials collected by the authors. Research methods include comparative analysis, interviews, and analysis of field materials. **Research results, discussion.** Today, joint comprehensive studies are successful and effective, and they provide a basis for the successful implementation of comparative studies of a particular topic (selected genre). Comparative work makes it possible to examine examples of oral folk art more broadly and in greater detail. As a result of such a mutually beneficial 'scientific and cultural' dialogue, many genres are revealed in greater detail, in some cases explaining the reasons for the appearance of various types of plot insertions, remarks, etc. **Conclusion.** During a review of oral prose about treasures in Chuvash and Mari folklore, a common functional space for the plot, similar ideological and semantic content, and identical components and characters in their broadest manifestation were identified.

Keywords: joint expedition; comprehensive research; Chuvash and Mari folklore; oral non-fairy-tale prose; genre; classification problems; plot features; ideological and semantic content; treasure.

REFERENCES

Ajvazjan S., Jakimova O., Pomeranceva E.V. Ukazatel' sjuzhetov russkih bylichek i byval'shhin o mifologicheskih personazhah [An index of Russian household stories (bilicki) and anecdotes about mythological characters]. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore.* Moscow, Nauka, 1975, pp. 162-182. (In Russian).

Akcorin V.A. Udivljajushhie strashilki [Magical short stories]. *U sem,* 1997, no. 7, pp. 135-145. (In Mari).

Vladykina T.G., Panina T.I. Udmurtskaja narodnaja proza o kladah [Udmurt folk prose about treasures]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij,* 2017, vol. 11, no. 4, pp. 58-72. (In Russian).

Egorov N.I. Klassifikacija prozaicheskih zhanrov chuvashskogo fol'klora i voprosy terminologii [Classification of prose genres of Chuvash folklore and issues of terminology]. *Narodnaja pamjat',* 2002, no. 1, pp. 20-25. (In Chuvash).

Zinov'ev V.P. Ukazatel' sjuzhetov-motivov bylichek i byval'shhin [Index of plots and motives of household stories (bilicki) and anecdotes]. Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, Nauka, 1987, pp. 305-320. (In Russian).

Il'ina G.G. Chuvashskoe narodnoe slovotvorchestvo. Lesnye duhi [Chuvash Folklore. Forest Spirits]. Cheboksary, Chuvashskij universitet, 2017, 116 p. (In Chuvash).

Krinichnaja N.A. Russkaja narodnaja istoricheskaja proza [Russian Folk Historical Prose]. Leningrad, Nauka, 1987, 325 p. (In Russian).

Lidija Tojdybekova. Marijskaja jazycheskaja vera i etnicheskoe samosoznanie [Mari Pagan Faith and Ethnic Identity]. *Joensuu*, 1997, 397 p. (In Russian).

Marijskij fol'klor: Mify, legendy, predanija [Mari Folklore: Myths, legends, tales]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 188 p. (In Russian).

Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa [Northern Russian Mythological Stories and Legends]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet, 1996, 212 p. (In Russian).

Materialy fol'klornoj ekspedicii 1978 goda. № 107. Kuzhenerskij rajon, d. Konganur.

Materialy fol'klornoj ekspedicii 1990 goda. Sysoevo, Mari-Turekskij rajon. 22 ijunja – 11 ijulja 1990 goda. № 169. Tojdybekova L.S.

Tojdybekova L.S. Marijskaja mifologija. Etnograficheskij spravochnik [Mari Mythology: an Ethnographic Handbook]. Yoshkar-Ola, 2007, 312 p. (In Russian).

Marijskie legendy i predanija. Na marijskom jazyke [Mari Legends and Myths. In the Mari language]. Yoshkar-Ola, 1972, 216 p. (In Mari).

Tuktash I.S. Chuvashskij fol'klor [Chuvash Folklore]. 1941, 214 p. (In Chuvash).

Pomeranceva E.V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore [Mythological characters in Russian folklore]. Ukazatel' sjuzhetov russkih bylichek i byval'shhin o mifologicheskih personazhah. Moscow, Nauka, 1975, pp. 162-182. (In Russian).

Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Tom 6. Mify i predanija [Chuvash Oral Folklore. Vol 6. Myths and Legends]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 447 p. (In Russian).

Bylichki [Household Stories (Bilicki)]. Ed. N.G. Il'ina. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2023, vol. IV, book 1, 400 p. (In Chuvash).

Bylichki [Household Stories (Bilicki)]. Ed. N.G. Il'ina. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2024, vol. IV, book 2, 400 p. (In Chuvash).

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 893. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Handwritten folklore archive. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 31, pp. 48-51.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 894. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Handwritten folklore archive. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 21, pp. 404-405.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 899. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Handwritten folklore archive. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 380, p. 172.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 917. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Handwritten folklore archive. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 334, p. 69.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 918. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Handwritten folklore archive. Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 308, pp. 275-276.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 920. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. III, 193, pp. 67-68.

Rukopisnyj fol'klornyj arhiv. 921. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. III, 202, pp. 37-40.

Fol'klornye ekspedicii. 896. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. I, 581, pp. 283; 288.

Ильина Галина Геннадьевна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН,
г. Чебоксары
e-mail: galiil69@mail.ru

Galina Ilyina
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher at the Chuvash
State Institute of Humanities,
Cheboksary
e-mail: galiil69@mail.ru

Пенькова Мария Викентьевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: penkova25@mail.ru

Maria Penkova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: penkova25@mail.ru

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73- 64-73

СЛОВООБРАЗ «МАРИЙ» В ЛИРИКЕ ЛИДИИ ИКСАНОВОЙ

© 2026 г. У.Н. Савицкая, Р.А. Кудрявцева

Введение. Использование этнонима в литературном тексте – это способ создания контекста национального мира и средство выражения авторской этноидентичности. **Целью исследования** в данной статье является выявление особенностей использования этнонима «мари» и связанного с ним словообраза «марий» в лирике современного марийского поэта Лидии Геннадьевны Иксановой. **Материалы и методы.** Эмпирическим материалом исследования стали стихотворные тексты, вошедшие в ее сборник «Муро шулдыран чонем» («Крылатая мелодия души», 2016). Методы исследования – историко-генетический и структурно-семантический. В работе использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений. **Результаты исследования, обсуждение.** Описаны центральные образы марийского мира, связанные с этнонимом «марий» (марийская песня / мелодия и марийская девушка); определены особенности их семантики и поэтики; выявлена мифопоэтическая природа образа «марийская девушка». **Заключение.** Словообраз «марий» в лирике Лидии Иксановой занимает значительное место; он отмечен позитивной авторской коннотацией, способствует созданию контекста марийского мира (древнего и современного), помогает автору презентовать особенности национальной культуры народа мари, а также этноидентифицировать себя с помощью художественного слова.

Ключевые слова: современная марийская поэзия; лирика; Лидия Иксанова; контекстуальная поэтика; этноним «марий»; словообраз; авторская концепция; мифопоэтика.

Введение

Этноним «мари» – самоназвание марийского народа – происходит от слова «мар» (переводится как «человек», «муж») [см.: Шкалина, 2025, с. 10]. Использование его в литературном тексте – это способ выражения этноидентич-

ности художника, и в этом случае безусловный интерес представляет изучение авторской коннотации, понимаемой как «дополнительный смысл или эмоциональный оттенок, который слово несет помимо своего основного, словарного значения «денотата» [Коннотация в литературе, 2025].

В рамках контекстуальной поэтики [Старыгина, 2016; Кудрявцева, Старыгина, Крылова, 2025; Савицкая, Кудрявцева, 2025; Старыгина, Кудрявцева, 2025] этноним в художественном тексте можно отнести к числу «поэтических средств и приемов, актуализирующих контекстуальные смыслы и значения» [Старыгина, Кудрявцева, 2025, с. 328]. В этом отношении, помимо поэтики авторской коннотативности, важное значение приобретает исследование способов превращения этнонима в словообраз, который в лирическом сюжете разворачивается до картины национального мира, рефлексируемого автором.

Целью исследования в данной статье является выявление особенностей использования этнонима «мари» и связанного с ним словообраза «марий» в современной марийской лирике, а именно в творческом опыте Лидии Геннадьевны Иксановой (родилась в 1966 году). Такое исследование в рамках марийской литературной науки проводится впервые.

Материалы и методы

Эмпирическим материалом исследования стали стихотворные тексты, вошедшие в сборник Иксановой «Муро шулдыран чонем» (в редакторском переводе на русский язык – «Крылатая мелодия души»), изданный в 2016 году Марийским книжным издательством [Иксанова, 2016, с. 6–238. Далее цитируем данное издание, страницы указываем в тексте статьи в квадратных скобках. – *У.С., Р.К.*]. Методы исследования – историко-генетический и структурно-семантический; в работе использованы текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализы художественных произведений.

Результаты исследования, обсуждение

Слово «марий» в лирических текстах, представленных в сборнике «Крылатая мелодия души», в его разделах «Муро шулдыран чонем: почеламут йолва» (в буквальном переводе – «Моя душа с песенными крыльями: бахрома из стихотворений») и «Юмынӱдыр – марий ӱдыр: “Юмынӱдыр” мюзикл гыч» («Дочь Бога – марийская девушка: из мюзикла “Юмынӱдыр”»), встречается в тех или иных смысловых и грамматических вариантах более 40 раз (в первом разделе – 18 раз, во втором – 23 раза). В отдельных стихотворениях оно является рефренным словообразом, например, в одностраничном стихотворении «Марий муро – чоныштем» («Марийская песня – в сердце моем») используется автором шесть раз.

Использование этнонимического словообраза «марий» минимально представлено в любовной лирике Иксановой, которая по своей тематике и проблематике большей частью универсальна. Исключение, пожалуй, только одно –

это стихотворение «Чевер-мотор ӱдыр» («Красивая-изящная девушка»), написанное в песенной форме с присущими ей припевами. Композиционно песня представляет собой не традиционный для любовных стихотворений Иксановой монолог лирической героини, обращенный к своему возлюбленному, а обращение очарованного прекрасной девушкой парня к своей возлюбленной: *«Чевер-мотор ӱдыр, / Шыма-ныжыл кушкыл, / Эрта ыле ӱмыр / Уждe-палыде»* [с. 29, 30] (Красивая-изящная девушка, / Нежное-ласковое растение, / Прошла бы жизнь, / Не увидев, не узнав [тебя. – *У.С.*, *Р.К.*]). В этом контексте и появляется этноним «марий», который представлен в повторяющемся припеве песни в составе сравнения *(«Марий тӱр гай кумыл»* [с. 29, 30] – «Настроение, сродни марийской вышивке»), которое призвано пояснить состояние юноши, поглощенного любовью, и одновременно выразить его восторг красотой девушки. В результате оба образа оказываются вписанными в марийский мир, что еще более усиливается введением в стихотворение мотива марийской песни, живущей в душе героя:

...Марий муро семын (…Как марийская песня,
Илет шӱмыштем – шыҥенат курымлан Живешь в моем сердце – ты вместилась
[с. 29] навеки).

Таким образом, этнонимический словообраз, ассоциированный с культурными традициями народа мари (вышивка, песня), использован в тексте не только для придания лирическому повествованию романтики любви, но и для создания авторского контекста, в котором чрезвычайно важно марийское, присутствующее в нем как «этническое бессознательное» (К. Юнг).

Слово «марий» появляется каждый раз, когда у автора есть необходимость в создании контекста марийского мира, когда автору нужно этноидентифицировать себя или репрезентировать особенности национальной культуры и очертить (создать) национально-культурные образы. Рассмотрим эти случаи.

Центральными образами марийского мира в сборнике «Крылатая мелодия души», создаваемыми вокруг этнонима «марий», становятся «марий муро» (марийская песня) / «марий сем» (марийский напев, мелодия) (в соответствии с песенным лейтмотивом всего сборника) и «марий ӱдыр» (марийская девушка).

Марийская песня заявляется уже во втором стихотворении сборника – как личностно значимый для автора этномотив. В этом плане безусловную важность имеет вынесенная в сильную позицию текста (в заглавие) и повторенная в основном тексте фраза *«Марий муро – чоныштем»* («Марийская песня – в моей душе»). Марийская песня для лирической героини – это естественный (она их поет сама), востребованный, необходимый компонент ее жизни. К ней

она обращается всегда, в разные, в том числе диаметрально противоположные по смыслу и пафосу, ситуации своей жизни:

Кунам чонышто куан –	(Когда на душе радость –
Марий мурым мый мурем.	Марийскую песню я пою.
Кунам шӱм-чон шӱлыкан –	Когда на душе грустно –
Марий мурым мый мурем.	Марийскую песню я пою.
Кунам пиалан улам,	Когда я счастлива,
Кунам шинчавӱд, ойган,	Когда слезы, печаль,
Марий мурым муралтем.	Марийскую песню пою.
*Марий муро – чонышт*ем [с. 7]	Марийская песня – в моей душе).

Этноидентификационная значимость марийской песни для автора и создаваемый с помощью этого лейтмотивного образа контекст марийского мира в последней строфе углубляются за счет обращения к этнониму «марий» в сопряжении с образами красивой родной земли, родной природы – все это вместе вдохновляет поэта на раскрытие поэтической души, на общение с людьми, на духовное обогащение и добро.

Размышления автора о вдохновляющей силе марийской песни продолжаются в стихотворении «Марий сем» («Марийский напев»): *«Марий сем шокта. / Чон помыжалтын»* [с. 75] («Звучит марийский напев. / Душа проснулась»). В конце стихотворения марийская мелодия, буквально обволакивающая женское сердце лирической героини, напрямую сопряжена с корнями, родовой памятью:

Марий сем шарла,	(Растекается марийская мелодия,
утыр виянгын.	все усиливаясь.
Шарныктен мылам	Напомнив мне
тукым вож мучашем [с. 75]	истоки родства).

Словообраз «марийская песня» завершен в стихотворении «Марий муро» («Марийская песня»), заключающем в сборнике Иксановой раздел «Юмынӱдыр – марий ӱдыр», который сформирован из песен, специально написанных автором для мюзикла «Юмынӱдыр» (премьера прошла в Марийском национальном театре драмы им. М. Шкетана 26 апреля 2023 года, режиссер-постановщик – Роман Алексеев).

В первой и третьей строфах этого стихотворения рефрен «Марий муро» представлен в виде «тотальной» анафоры, а во второй и четвертой строфах – три раза в виде эпифоры. В позиции анафоры этнонимический словообраз сопровождается целым рядом позитивных авторских рефлексий, передаваемых с помощью природных параллелей и тропов в изобразительно-выразительной функции: марийская песня сравнивается / сопрягается с летним лугом, вкусом и ароматом земляники, свободной жар-птицей, золотой осенью, серебром

морозного узора, неизведанной луной, волшебными звездами. Эти словесные образы призваны подчеркнуть красоту, уникальность и богатство песенного творчества народа мари.

В позиции эпифоры рефрен «марий муро» главным образом подчеркивает значение марийской песни в жизни народа и каждого его представителя:

Уло гын тӱняште марий муро, (Если есть на свете марийская песня,
Нигунам чонем огеш шоҥгем. Никогда душа моя не состарится.
Уло гын тӱняште марий муро, Если есть на свете марийская песня,
Мландӱмбалне пеҥгыдын шогем [с. 238] На земле крепко стою).

Муро ден пашам ыштем, илем! [с. 238] (С песней работаю, живу!).

Также автор говорит об объединяющей силе марийской песни: *«Еҥ-влакым уша тӱняште муро!»* [с. 238] («Людей объединяет в мире песня!»), ее роли в воспитании любви к родному краю. В авторской рефлексии родной край с притяжательным суффиксом – *«Марий Элем»* («Моя Марийская страна»). Соответственно, стихотворение, начинающееся с восхищения марийской песней, заканчивается соединением в единое целое песни, этнической идентичности автора и родного марийского края.

Именно любовью к родному краю и родному народу, уникальность которых в их языческой культуре, Иксанова завершает один из ярких песенных текстов к мюзиклу «Юмынӱдыр» («Йӧратымаш – эн тале вий» – «Любовь – самая мощная сила») и связывает между собой древнюю и современную историю своего народа, мироощущение мифологических персонажей и свою этнорефлексию:

Шнуй марий мландым йӧратен, (Священную марийскую землю любя,
Шӱм тулна калык верч йӱла. Огни наших сердец горят за народ.
Пырля Ош Юмо мемнан ден – С нами вместе Белый Бог –
Ме Коркашӱдыр гыч улына [с. 236] Мы с Большой Медведицы).

Этноориентированный словообраз «марий ӱдыр» (марийская девушка) в сборнике Иксановой заявлен в названии второго лирического раздела «Юмынӱдыр (в буквальном переводе: Дочь Бога. – *У.С., Р.К.*), а также в рамочном и основном текстах целого ряда произведений: в стихотворении «Марий ӱдыр» («Марийская девушка»), в частушечных циклах «Мотор ӱдыр мый улам» («Я красивая девушка») и «Такмак-влак» («Частушки»), а также в песенной интерпретации (для хорового исполнения в мюзикле) мифологической истории о дочери Бога, спустившейся на землю, о ее любви к земному юноше Салию и о рождении первопредка (родоначальника) народа мари (название этого поэтического текста повторяет название раздела – «Юмынӱдыр – марий ӱдыр»).

Именно последний текст становится ключевым с точки зрения создания образа марийской девушки. В нем наиболее ярко представлен контекст марийского мира, переданный средствами мифопоэтики. Стихотворения же первого раздела, в которых присутствует образ марийской девушки, лишь повторяют / усиливают / продолжают некоторые образные мотивы и структурные элементы этого словообраза из второй части.

Так, любовь Дочери Бога и Салия представлена как союз мари, и этноним в данном случае написан с заглавной буквы: *«О Юмынӱдыр, Юмынӱдыр, / Тӱжем кокла гыч тый Марим йӧратенат»* [с. 234] («О Дочь Бога, Дочь Бога, / Из тысяч ты полюбила марийца»). Такое обстоятельство подчеркнуто и в частушечном цикле первого раздела («Я красивая девушка»): «*Мотор ӱдыр мый улам – / Марий рвезым кычалам»* [с. 216] («Я красивая девушка – / Ищу парня мари»).

Также в этом ключевом тексте заявлен мотив предопределенности судьбы Дочери Бога – принадлежать не себе, а народу, стать матерью (прародительницей) народа мари, родить сына, чтобы размножить богатырский род:

...Калыкланна пӱралтынат.
Волен кава гыч, пуышыч эргым –
Онарле тукым шарлыже кумда тӱняш.
О Юмынӱдыр, Юмынӱдыр!
Пӱралтын марий калыклан
ТЫЛАТ ава лияш [с. 234]

(…Предназначена нашему народу.
Спустившись на землю, дала сына –
Пусть распространяется богатырский род
в широкий мир.
О Дочь Бога, Дочь Бога!
Суждено марийскому народу
ТЕБЕ быть матерью).

Дочь Бога в изображении Иксановой соответствует марийской мифологической концепции; она – «средоточие» «Центра мира и времени Начала» [Шкалина, 2019, с. 85].

Продолжая семантику мотива предопределенности судьбы, в «Частушках», обращенных уже к современности, Иксанова, как будто вспоминая древний миф, заявляет о предопределенности любой марийской девушки / женщины (своей в том числе) – появиться на свет и жить не только на радость родителям, но и для родного народа; и лирическая героиня с благодарностью принимает эту судьбу *(«...Марий калыклан тау»* – «…Спасибо народу мари»):

Шочынам да кушкынам
Ачам-аван куанлан.
Шочынам да кушкынам
Шочмо марий калыклан [с. 219]

(Родилась и росла
На радость матери-отцу.
Родилась и росла
Для родного народа мари).

В мифологическом поэтическом тексте Дочь Бога, верховная богиня матриархального пантеона, выступает и в небожественной роли – роли культур-

ного героя. Иксановой она изображена как покровитель, учитель и воспитатель земных марийских женщин:

…Туныктенат тый чылалан, усталыклан:	(…Научила ты всему, мастерству:
Тӱрлаш, пидаш, вынер куаш да	Вышивать, вязать, ткать холсты и
Йочам кушташ,	Детей растить,
Йолташ лияш шке пелашлан.	Стать другом для своего мужа.
Туныктенат илаш тӱняште	Научила жить на свете
Келшен пӱртӱс ден,	В согласии с природой,
Умылен кугу тӱням [с. 234]	Понимая большой мир).

Такую двойственную природу Дочери Бога культуролог Г.Е. Шкалина объясняет следующим образом: «…*Юмынӱдыр* прядет нитки. Этому искусству она научила всех женщин-мари. Ее прялкой является *кава меҥге* (небесный столб), а веретено у Дочери Бога называется *шӱдыр*, что на русский язык переводится словом *звезда*. Следовательно, *кава меҥге* – это сакральный объект. Это есть ось мира, сидя на которой *Юмынӱдыр* прядет, т.е. приводит в движение весь *звездный мир*. Таким образом, в марийской мифологии женский образ *Юмынӱдыр* держит в своих руках Верхний мир, которому неизбежно должен соответствовать мир земной» [Шкалина, 2002, с. 72].

Иксанова, обращаясь к *Ош Поро Кугу Юмо* (Белому Доброму Великому Богу), благодарит его за то, что он подарил небу и народу девушку-мари – красивую и надежную; называет ее *Ош Юмынӱдыр* (Белая Дочь Бога), обращаясь к определению «ошо», традиционно используемому для именования верховного бога марийского пантеона, и характеризует, согласно мифологическому представлению, как ***небесно-земную*** подругу и жену *(«Улат кавасе-мландысе йолташ, / Пелаш»* [с. 235]), оберегающую и поныне древний род, марийский мир.

Элементы такой мифопоэтики в словообразе «марийская девушка» прослеживаются и в стихотворении «Марийская девушка»: «*Шӱдыр шуко, ну а икте / Йӱла волгыдын, чолган»* [с. 152] («Звезд много, а вот одна / Горит ярко, смело») – указание на небесную (божественную) природу; *«Ӱдыр-шамыч, чевер-шамыч, / Ош тӱням сӧрастарат. / Ӱдыр шовыч – ошо шовыч, / Марий ӱдыр, тый улат»* [с. 152] («Девушки, красавицы, / Украшают белый свет. / Девичий платок – белый платок, / Марийская девушка – это ты») – обращение к мифологеме белого цвета, а также, возможно, и аллюзивный намек на сюжетную ситуацию мифа о Дочери Бога, которая, влюбившись в земного юношу, дарит ему «свой девичий платок», «становится женой смертного, породнив небеса с землей» [Ситников, 2006, с. 150].

Заключение

Итак, этнонимический словообраз «марий» в лирике Лидии Иксановой занимает значительное место. Он отмечен позитивной авторской коннота-

цией, способствует созданию контекста марийского мира (древнего и современного), помогает автору презентовать особенности национальной культуры народа мари, а также этноидентифицировать себя с помощью художественного слова. Центральными образами марийского мира в сборнике «Крылатая мелодия души» являются марийская песня (мелодия) и марийская девушка. В некоторых поэтических текстах, в которых представлен образ марийской девушки (например, «Юмынӱдыр – марий ӱдыр»), контекст марийского мира представлен средствами мифопоэтики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Иксанова Л.Г. Муро шулдыран чонем: почеламут, поэме = Моя песнокрылая душа: стихотворения, поэмы. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2016. 274 с.

Коннотация в литературе: эмоции, которые говорят больше слов // Penfox. Сайт для писателей. URL: https://penfox.org/blog/chto-takoe-konnotaciya/ (дата обращения: 23.11.2025).

Кудрявцева Р.А., Старыгина Н.Н., Крылова О.С. Локализация пространства как способ организации художественного текста (на материале русской и марийской литературы): коллект. моногр. / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева; науч. ред. Н.Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2025. 162 с.

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 24–35. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76189. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76189 (дата обращения: 19.11.2025).

Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Т. 1: Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.

Старыгина Н.Н. Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н.С. Лескова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5 (158). С. 98–104.

Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Контекстуальная поэтика национальных литератур (к постановке проблемы) // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: материалы V Междунар. науч.-практ. семинара (25–26 сент. 2025 г., г. Казань) / сост. А.Ф. Ганиева, Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ, 2025. С. 327–336.

Шкалина Г.Е. Мари – народ Онара // Полилингальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 9–14.

Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019. 303 с.

Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари: моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2002. 160 с.

Ulyana Savitskaya, Raisiya Kudryavtseva

THE WORD-IMAGE ‘MARI’ IN THE LYRICS OF LIDIA IKSANOVA

Introduction. The use of ethnonyms in literary texts is a way of creating a national context and a means of expressing the author’s ethnic identity. **The purpose** of the article is to identify the characteristics of the use of the ethnonym ‘Mari’ and the related word ‘Mariy’ in the poetry of the contemporary Mari poet Lydia G. Iksanova. **Materials and methods.** The empirical material for the study was the poetic texts included in her collection ‘Muro shuldyran chonem’ (‘Winged Melody of the Soul’, 2016). The research methodology is based on historical and genetic, structural and semantic analysis of literary works. The article employs textual, inter-textual, and contextual analysis of poems. **Research results, discussion.** The central images of the Mari world associated with the ethnonym ‘Mari’ (Mari song / melody and Mari girl) are described; the peculiarities of their semantics and poetics are identified; the mythopoetic nature of the image of the ‘Mari girl’ is revealed. **Conclusion.** The word form ‘Mari’ occupies a significant place in Lydia Iksanova’s poetry; it has a positive connotation for the author, contributes to the creation of the context of the Mari world (ancient and modern), and helps the author to present the features of the national culture of the Mari people, as well as to identify herself ethnically through the use of artistic language.

Keywords: contemporary Mari poetry; lyrics; Lydia Iksanova; contextual poetics; ethnonym ‘Mari’; word form; author’s concept; mythopoetics.

REFERENCES

Iksanova L.G. Moja pesnokrylaja dusha: stihotvorenija, poemy [The winged melody of my soul: poems]. Yoshkar-Ola, Marij kniga izdatel’stve, 2016, 274 p. (In Mari).

Konnotacija v literature: emocii, kotorye govorjat bol’she slov [Connotation in literature: emotions that say more than words], available at: https://penfox.org/blog/chto-takoe-konnotaciya / (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Kudrjavceva R.A., Starygina N.N., Krylova O.S. Lokalizacija prostranstva kak sposob organizacii hudozhestvennogo teksta (na materiale russkoj i marijskoj literatury) [Localization of space as a way of organizing a literary text (based on the material of Russian and Mari literature)]. Yoshkar-Ola, 2025, 162 p. (In Russian).

Savickaja U.N., Kudrjavceva R.A. Epigraf kak priem kontekstual’noj poetiki v lirike Al’berta Vasil’eva [Epigraph as a Technique of Contextual Poetics in the Lyrics of Albert Vasilyev]. *Filologija: nauchnye issledovanija,* 2025, no. 10, pp. 24-35, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76189 (accessed 19 November 2025). (In Russian).

Sitnikov K.I. Slovar’ marijskoj mifologii. Tom 1. Bogi, duhi, geroi [Dictionary of Mari Mythology. Vol. 1. Gods, spirits, heroes]. Yoshkar-Ola, 2006, 160 p. (In Russian).

Starygina, N.N. Motiv kak sredstvo predstavlenija kontekstual'nogo soderzhanija v svjatochnyh rasskazah N.S. Leskova [Motive as a Means of Presenting Contextual Content in N.S. Leskov's Christmas Stories]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2016, no. 5 (158), pp. 98-104. (In Russian).

Starygina N.N., Kudrjavceva R.A. Kontekstual'naja poetika nacional'nyh literatur (k postanovke problemy) [Contextual Poetics of National Literatures (On the Problem Statement)]. *Tatarovedenie v situacii smeny paradigm: teorija, metodologija, praktika. Materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara.* 25-26 September. Kazan', Institut jazyka, literatury i iskusstva, 2025, pp. 327-336. (In Russian).

Shkalina G.E. Mari – narod Onara [Mari – the People of Onar]. *Polilingal'nost' i transkul'turnye praktiki,* 2025, vol. 22, no. 1, pp. 9-14. (In Russian).

Shkalina G.E. Svjashhennyj mir marijskij [Sacred World of Mari]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019, 303 p. (In Russian).

Shkalina G.E. Tradicionnaja kul'tura naroda mari [Traditional Culture of the Mari People]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2002, 160 p. (In Russian).

Савицкая Ульяна Николаевна
магистрант ФГБОУ ВО
«Марийский государственный
университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: Ulyana2407@mail.ru

Ulyana Savitskaya
Student of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: Ulyana2407@mail.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры финно-угорской
и сравнительной филологии
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: kudsebs@rambler.ru

Raisiya Kudryavtseva
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Associate Professor of the Department
of the Mari language and literature
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: kudsebs@rambler.ru

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-74-84

ПАЛИТРА СХОДСТВ: ПРИНЦИПЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2026 г. Н.А. Федосеева

Введение. Понимание закономерностей развития марийской литературы требует обращения к трудам ее основных исследователей. В этом контексте достойно внимания творчество литературоведа Г.Н. Бояриновой – ключевой фигуры марийской литературной науки конца XX – начала XXI века. **Целью исследования** является выявление принципов «декодирования» марийской литературной традиции, заложенных в структурно-семантическом и типологическом методах Г.Н. Бояриновой, и представление их как целостного «алфавита» для понимания диалектики общего и особенного. **Материалы и методы.** Эмпирическую базу исследования составили научные труды Г.Н. Бояриновой – монографии, статьи и учебно-методические работы по марийской литературе. В работе применен комплексный подход, включающий историко-литературный и сравнительно-типологический методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Структурно-семантический и типологический методы в интерпретации Г.Н. Бояриновой образуют единую исследовательскую «палитру сходств», каждый аспект которой вносит свой вклад в формирование целостного «алфавита» марийской литературы. Система Г.Н. Бояриновой становится важной не только как метод анализа, но и как способ осмысления литературы малого народа в широком историческом и культурном контексте. Такой подход позволяет вести диалог с современными идеями об обмене между культурами и о взаимопонимании. Он показывает, как исследование частного случая (марийской литературы) может обогащать общую теорию литературы. Следовательно, типологическая «палитра» Бояриновой служит ключом, который не только открывает дверь в мир марийской литературы, но и предоставляет исследователю четкий «алфавит» для расшифровки ее внутренних кодов и внешних связей. **Заключение.** Исследование подтверждает, что подход Г.Н. Бояриновой представляет собой целостную и продуктивную стратегию осмысления марийской литературы в ее взаимосвязях с универсальными культурными процессами.

Ключевые слова: палитра сходств; «алфавит»; декодирование; литературная традиция; Г.Н. Бояринова; марийская литература; компаративистика; типологические константы.

Введение

Понимание закономерностей развития национальной литературы невозможно без обращения к трудам ее основных исследователей, чьи концепции и методологические подходы формируют научный ландшафт и задают векторы осмысления художественного процесса. Особенно значима эта работа в контексте литератур, обладающих богатой и сложной традицией, тесно переплетенной с фольклорным сознанием, исторической судьбой народа и процессом постоянного диалога с инонациональными культурными мирами. В этом контексте фундаментальное значение приобретает творчество Галины Никитьевны Бояриновой – одной из центральных фигур марийского литературоведения конца XX – начала XXI века. Ее многолетняя исследовательская деятельность, сфокусированная преимущественно на драматургии, но выходящая далеко за пределы ее жанровых рамок, представляет собой целостную научную школу. В ее трудах марийская словесность предстает не как сумма отдельных имен и произведений, а как живой, развивающийся организм, где архетипы мифофольклорного сознания, усвоенные и переосмысленные классиками первой трети XX века, проходят сложную трансформацию в творчестве последующих поколений.

Цель статьи – систематизация ключевых принципов декодирования литературной традиции, реализованные в трудах Г.Н. Бояриновой, и ее научной школы. В данном труде они представлены в качестве целостной исследовательской модели, которую можно определить как «палитру сходств» – многомерный аналитический инструментарий для расшифровки культурных кодов, закрепленных в поэтике литературного произведения. В этой модели особое место занимает метафора «алфавита» марийской литературы – системы устойчивых знаков, образов, мотивов и сюжетных схем, которые, подобно буквам, образуют «азбуку» национальной художественной традиции и требуют компетентного прочтения.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составил корпус научных трудов Г.Н. Бояриновой. В их числе монография «Проблема характера в современной марийской драматургии» (2005), проблемно-тематические и поэтологические статьи, посвященные творчеству классиков марийской литературы и современных авторов, а также учебно-методические пособия, в которых исследовательская оптика ученого последовательно транслируется в плоскость школьного и вузовского преподавания. В ходе анализа были использованы историко-литературный и сравнительно-типологический методы.

Результаты исследования, обсуждение

Актуальность обращения к научному наследию Г.Н. Бояриновой сегодня многократно возрастает в свете задач по осмыслению культурной идентичности народов России в их историческом единстве и многообразии. Ее аналитический метод, выявляющий способы проявления глубинного культурного кода народа через литературные формы и символы, позволяет увидеть в марийской словесности уникальную модель сохранения и творческого обновления национальной картины мира. Закономерным и наиболее полным воплощением этого метода стала монография Г.Н. Бояриновой «Проблема характера в современной марийской драматургии», увидевшая свет в 2005 году. Подготовленная на основе кандидатской диссертации, эта работа знаменовала собой качественно новый этап в осмыслении марийской драмы: впервые в национальном литературоведении объектом системного анализа стали характеры в их жанрово-типологическом многообразии – от историко-героической и психологической драмы до пьес на производственную тему. Развивая и углубляя научные традиции, заложенные Аркадием Евдокимовичем Ивановым («Марийская драматургия: основные этапы развития», 1969), исследователь не просто продолжила, но существенно обогатила теоретический инструментарий национальной филологической школы, предложив оригинальную типологию драматических характеров, в которой органично соединились структурная строгость и чуткость к национально-специфическому содержанию.

Параллельно с разработкой фундаментальных научных проблем Г.Н. Бояринова на протяжении трех десятилетий ведет интенсивную учебно-методическую работу, результаты которой воплотились в серии пособий, получивших широкое признание в педагогическом сообществе. Методическая система ученого последовательно развертывается в трех жанрово-тематических направлениях, каждое из которых завершилось изданием капитальных трудов: «Драмым тунемына: туныктышо-влаклан полыш» («Изучаем драму: в помощь учителю», 1996), «Школышто тӱрлӧ жанран сочинений ым возыктымаш» («Обучение разным жанрам сочинений в школе», 2004), а в последние годы – трилогия «Сылнымутан произведенийым лончылымаш» («Анализ художественного произведения»), включающая прозу (2021), драму (2022) и поэзию (2023).

Особое место в научно-педагогическом наследии Г.Н. Бояриновой принадлежит созданию учебно-программной документации и учебников нового поколения. Ею разработана программа по марийской литературе для общеобразовательных школ (2004, 2011). В соавторстве с ведущими специалистами Республики Марий Эл были подготовлены и выдержали переиздания: учебник-хрестоматия по марийской литературе для 9 класса (1994, 2011), учебные пособия «Марий литератур» («Марийская литература») для 10–11 классов (1995), книга для старшеклассников «Марий сылнымут аршаш» («Антология

марийской литературы», 2001), двухтомная хрестоматия для 11 класса (2007, 2009), хрестоматия для 10 класса (2010). Все эти издания, выпущенные под грифом Министерства образования и науки Республики Марий Эл, стали настольными книгами для учителей марийского языка и литературы, студентов национальных отделений вузов [Максимов, 2020, с. 468], сформировав целостное учебно-методическое пространство, в котором органично соединились академическая фундаментальность и практико-ориентированный подход.

Закономерно, что столь масштабная и многолетняя учебно-методическая деятельность Г.Н. Бояриновой сформировала не только корпус школьных и вузовских пособий, но и тот концептуальный фундамент, на котором выстроена ее исследовательская работа. Именно в процессе осмысления задач преподавания, в необходимости перевести сложный язык академического анализа на уровень доступного и вместе с тем не упрощенного школьного изучения вызревала та уникальная методология, которая в полной мере раскрылась в ее трудах по марийской литературе. В этих работах, обращенных уже не к учителю, а к научному сообществу, Г.Н. Бояринова предстает как тонкий интерпретатор художественных традиций, чьи аналитические стратегии, отточенные в многолетней педагогической практике, образуют целостную систему декодирования устойчивых механизмов преемственности и трансформации в национальной словесности.

Отправным принципом этой аналитической системы, во многом определившим ее объяснительный потенциал, становится понимание традиции не как линейной преемственности, а как сложно организованного диалога. Г.Н. Бояринова убедительно демонстрирует, что традиция в марийской драматургии формируется не как прямое наследование, а как постоянное взаимодействие с глубинным фольклорно-мифологическим и этнографическим материалом – тем «культурным бессознательным» нации, которое в каждый новый исторический период требует нового прочтения и актуализации. В ранней драме 1920-х годов этот пласт выступает открыто, становясь основой образности, сюжетостроения и этической системы [Бояринова, 2013]. В дальнейшем происходит не отказ, а интериоризация этих элементов: они переходят из плана бытописания в план символики, психологизма, философского подтекста. Таким образом, традиция декодируется как умение художников разной эпохи актуализировать архетипические образы и сюжеты в новых исторических и эстетических контекстах.

Важнейший принцип анализа Г.Н. Бояриновой – рассмотрение традиции через динамику стилевых направлений. Она четко обозначает две линии, заложенные классиками: лирико-романтическую с ее песенной поэтикой, эпическим размахом и тяготением к идеальному, и реалистическо-психологическую, сконцентрированную на социальном и внутреннем конфликте. Последующее

развитие марийской драмы предстает в ее работах как сложное взаимодействие, диалог и синтез этих векторов. Традиция здесь – не монолит, а поле напряжения, где позднейшие авторы находят свой голос, совмещая психологическую глубину с лиризмом или философской обобщенностью.

Галина Никитьевна мастерски прослеживает, как канонические жанры, усвоенные из русской и мировой литературы, наполняются национальным содержанием и видоизменяются. Трагикомедия, например, становится ключом к пониманию современности, где смех и абсурд служат для вскрытия глубоких общественных и экзистенциальных противоречий [Бояринова, 2012; 2018]. Комедия анализируется как наиболее живой и чуткий к изменениям жанр, в котором карнавальная народная смеховая культура адаптируется к новым социальным условиям. Традиция декодируется здесь как способность национальной драмы осваивать универсальные жанровые формы, насыщая их специфическим марийским мировосприятием [Бояринова, 2020, с. 30].

Исследователь уделяет особое внимание устойчивым символическим комплексам (огонь, вода, дорога, дом), которые пронизывают драматургию разных периодов [Бояринова, 2024]. Эти символы часто уходят своими корнями в мифологию и фольклор. Они обеспечивают связь между различными авторами и эпохами, создавая единое семантическое поле марийской драмы.

Апробация этих принципов на конкретном материале – в анализе драмы Никона Игнатьева «Шык» («Скупой») [Бояринова, 2023], пьес Вячеслава Абукаева-Эмгака [Бояринова, 2025], Юрия Байгузы [Бояринова, 2024а], Арсия Волкова [Бояринова, 2021], Геннадия Гордеева [Кузьмина, Бояринова, 2017], Александра Петрова [Щербакова, Бояринова, 2019] – демонстрирует их интерпретационные возможности. Г. Бояринова последовательно выявляет сквозные темы и их семантические поля, анализирует символические образы как носителей традиции, исследует речевую организацию текста, учитывает мифопоэтический подтекст.

Сфера научных интересов Г.Н. Бояриновой не ограничивается анализом драматических произведений, столь же пристально она всматривается в поэзию и прозу. Например, ее исследование, посвященное художественному миру лирики Геннадия Сабанцева-Ояра, представляет собой углубленный опыт декодирования национальной литературной традиции через систему образов, мотивов и ценностных ориентиров [Бояринова, 2023а]. Именно в этом исследовании метафора «алфавита» обретает особую наглядность: поэзия Г. Ояра предстает как сокровенная суть национального мировидения, где каждый образ-символ – родник, хлеб, солнце, бабочка-душа – является буквой этого алфавита, несущей устойчивое, веками выработанное значение.

Анализ строится на выявлении того, как общечеловеческие темы (природа, труд, материнство, память, война) преломляются через призму национального

мировосприятия. Солнце становится «караваем», зима – девушкой-марийкой, вышившей холсты серебром, весна – «молодицей» [Бояринова, 2023а, с. 49].

Важным аспектом декодирования становится выявление связей творчества Г. Ояра с предшествующей и современной ему марийской литературой. Г. Бояринова указывает на поэтов-предшественников (М. Казакова, В. Колумба, Сем. Николаева) [2023а, с. 56], чье творчество стало фундаментом и ориентиром. Тем самым демонстрируется, что литературная традиция – это живой диалог, а не застывший канон. Г. Ояр, усваивая эту традицию (например, через тему поэта и слова), вносит в нее личностную интонацию и образность. Г.Н. Бояринова убедительно доказывает, что формальные особенности лирики Ояра (лаконизм, метафоричность, опора на песенно-фольклорную интонацию) напрямую связаны с ее содержательным ядром – крестьянским мировидением [2023а, с. 60]. Поэтика «образно-стилевого лаконизма», тяготеющая к конкретности и предметности, является естественным выражением этого мировоззрения. Декодирование традиции происходит на уровне стиля: простота и ясность образов – это сознательная эстетика, отражающая этику и взгляд на мир.

Исследователь акцентирует, что для Г. Ояра родной язык – не инструмент, а сущность, «выросшая из наших душ». Через анализ стихотворения «Мой марийский язык» исследователь показывает, как язык становится хранителем исторической памяти (связь с мифическими героями народа мари Онаром, Чоткаром), формой духовного сопротивления (в контексте репрессий) и критерием жизнеспособности народа: «Будет народ – сохранится язык. Это аксиома» [Бояринова, 2023а, с. 56]. Декодирование традиции невозможно без понимания этой языковой рефлексии.

Интересны другие исследования Г.Н. Бояриновой о поэзии. Например, ее работы, посвященные анализу романа в стихах Никандра Ильякова «Опак Микита» [Бояринова, 2023б, 2023в], служат яркой иллюстрацией того, как методология «палитры сходств» и «алфавита» применяется к крупной эпической форме. Через пристальное внимание к двум ключевым компонентам текста – лирическим отступлениям и портретным характеристикам – ученый выявляет сложное переплетение авторского голоса, социально-исторического контекста и глубинных пластов национальной культурной памяти.

Галина Бояринова рассматривает лирические отступления не как формальный прием, а как ключевой инструмент выражения авторского голоса и связи с литературной традицией. В ее анализе лирические отступления выполняют ряд функций: раскрывают внутренний мир героя (размышления Микиты о молодости, любви, войне), служат средством авторской рефлексии о социальных и исторических процессах (коллективизация, война, послевоенное время), связывают индивидуальную судьбу с судьбой народа, реализуя тем самым принцип типизации. Особо подчеркивается, что именно через лирические от-

ступления автор обогащает текст поэтическими средствами – антитезой, метафорой, стилистическим повтором, цветовой символикой, что свидетельствует о сознательной ориентации на поэтическую традицию марийской литературы [Бояринова, 2023в]. Через анализ лирических отступлений Г.Н. Бояринова декодирует не только авторский замысел, но и ту эпическую традицию, в рамках которой индивидуальное переживание осмысливается как часть коллективного исторического опыта.

Предметом отдельного исследования Галины Никитьевны [2023б] стала поэтика портрета в романе в стихах Н. Ильякова «Опак Микита». Ученым демонстрируется, как через внешность, детали костюма и жесты раскрывается характер, социальный статус и внутренняя динамика персонажей. Ее анализ выявляет контрастность портретов, социальную функцию портрета, этнографическую детализацию, психологическую функцию [Бояринова, 2023б, с. 151]. Портрет в интерпретации Г.Н. Бояриновой предстает как код, позволяющий прочитать социальный контекст, индивидуальную психологию и связь с этнокультурной средой одновременно.

Если в анализе поэтики портрета исследователь работает на уровне микроструктур текста, то в другой своей работе она обращается к макроуровню, рассматривая художественное целое. В статье Г.Н. Бояриновой, посвященной прозе Валерия Апакаева, реализован иной вектор декодирования – через тематический анализ и выявление устойчивых нравственных доминант. Исследователь рассматривает рассказы писателя как единый текст, скрепленный сквозными темами и системой ценностей.

Исследователь отмечает, что тематический спектр прозы В. Апакаева сосредоточен вокруг нескольких узловых проблем: трудовой подвиг сельских жителей, жизнь тыла во время Великой Отечественной войны, борьба с пьянством, любовь и семейные отношения, детские печали и восторги. Ею подчеркнуто, что в творчестве В. Апакаева особое место занимает цикл рассказов об Онтоне и Парпоне, где реализуется принцип парной образности. Два персонажа, противопоставленные по внешности, темпераменту, семейному положению, в совокупности создают целостный образ марийского крестьянина – трудолюбивого, добродушного, не лишенного лукавства, но всегда готового прийти на помощь.

Заключение

Подводя итог анализу исследовательской стратегии Г.Н. Бояриновой, можно утверждать, что ее научное наследие представляет собой целостную, иерархически организованную методологию декодирования литературной традиции. Эта методология не является жестко фиксированным алгоритмом, напротив, она демонстрирует уникальную гибкость, способность адаптироваться к жанровой природе, стилистике и мировоззренческой установке каж-

дого конкретного автора. Труды Г. Бояриновой убедительно доказывают следующее: локальное, частное, «региональное» при глубоком, методологически выверенном прочтении оборачивается универсальным, позволяя ставить и решать вопросы, значимые для филологической науки в целом – о механизмах культурной памяти, способах трансляции ценностей, путях сохранения идентичности в эпоху глобализации.

Введение метафоры «алфавита» марийской литературы позволяет концептуализировать тот огромный эмпирический материал, который систематизирован и интерпретирован исследователем. Подобно тому как буквы образуют бесконечное множество текстов, устойчивые культурные коды (образы-символы, жанровые модели, композиционные приемы, ценностные доминанты) в различных комбинациях формируют уникальный художественный мир марийской словесности. Задача исследователя-декодировщика – не только опознать эти «буквы», но и понять законы их сочетания, динамику их трансформации в разные исторические эпохи и в творчестве разных художников. Собранный и систематизированный Галиной Никитьевной Бояриновой «алфавит» становится тем ключом, который открывает доступ к глубинным смыслам национальной культуры, ее исторической памяти и духовному потенциалу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бояринова Г.Н. А. Волковын «Майрук» драмыже: поэтике йодыш = Драма А. Волкова «Майрук»: вопросы поэтики // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сб. ст. VIII заочной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Йошкар-Ола, 2021. С. 74–77.

Бояринова Г.Н. В. Абукаев-Эмгакын драматургийже: поэтике йодыш = Драматургия В. Абукаева-Эмгака: вопросы поэтики // Финно-угроведение. 2025. № 1 (69). С. 49–65.

Бояринова Г.Н. Валерий Апакаевын прозыжо = Проза Валерия Апакаева // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2024б. С. 91–99.

Бояринова Г.Н. Жанр комедии в марийской драматургии XXI века // Жанрово-стилевое развитие национальных литератур в XX–XXI вв. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост. А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань, 2020. С. 28–34.

Бояринова Г.Н. Жанр трагикомедии в марийской драматургии // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. С. 121–124.

Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Шык» драмыжын йылме могырым семантике рӱдыжӧ = Языковые особенности семантики в драме Н. Игнатьева «Шык» («Скупой») // II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Йошкар Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 268–280.

Бояринова Г.Н. Н. Ильяковын «Опак Микита» романже: лирике сынан чакналтыш-влак = Роман Н. Ильякова «Опак Микита»: лирические отступления // Этнический фактор в социокультурном развитии Марийского края. Материалы VIII Респ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023в. С. 133–144.

Бояринова Г.Н. Н. Ильяковын «Опак Микита» романже: портрет поэтике = Роман Н. Ильякова «Опак Микита»: поэтика портрета // Этнический фактор в социокультурном развитии Марийского края. Материалы VIII Респ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023б. С. 144–151.

Бояринова Г.Н. Поэтика драматургии Юрия Байгузы // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики. Материалы Всерос. науч.-практ. семинара. Казань, 2024а. С. 162–170.

Бояринова Г.Н. Проблема характера в современной марийской драматургии: моногр. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т., 2005. 126 с.

Бояринова Г.Н. Современная марийская драматургия: традиции и новаторство // Современное финно-угроведение: наука – общество – культура. Сб. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. финно-угроведов, посвящ. 300-летию Российской академии наук. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. С. 381–386.

Бояринова Г.Н. Стилевое направление и жанровое многообразие марийской драматургии // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 60–65.

Бояринова Г.Н. Художественная функция фольклорно-этнографических картин в марийской драматургии 20-х годов XX века // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 202–206.

Бояринова Г.Н. Художественный мир лирики Г. Сабанцева-Ояра // Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России. Сб. ст. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2023а. С. 47–60.

Иванов А.Е. Марийская драматургия: основные этапы развития. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 276 с.

Максимов В.Н. Галине Никитьевне Бояриновой – 60 // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 4. С. 468–469.

Nadezhda Fedoseeva

PALETTE OF SIMILARITIES: PRINCIPLES OF DECODING MARI LITERARY TRADITION

Introduction. Understanding the patterns of development of Mari literature requires reference to the works of its leading researchers. In this context, the work of literary scholar Galina N. Boyarinova is of particular interest. She is one of the key figures in Mari literary studies of the late twentieth and early twenty-first centuries. **The purpose** of the article is to identify the principles of 'decoding' the Mari literary tradition, laid down in Galina N. Boyarinova's structural and semantic, typological methods, and to present them as a comprehensive 'alphabet' for understanding the dialectic of the general and the particular. **Materials and methods.** Scientific works of Galina N. Boyarinova, her monographs, articles and teaching materials on Mari literature formed the empirical basis of the study. Research methods include a comprehensive approach, historical and literary, comparative and typological methods. **Research results, discussion.** The structural and semantic, typological methods in

Galina N. Boyarinova's interpretation form a unified research 'palette of similarities,' each aspect of which contributes to the formation of a holistic 'alphabet' of Mari literature. Galina N. Boyarinova's system is important not only as a method of analysis, but also as a way of understanding the literature of a small nation in a broad historical and cultural context. This approach allows the dialogue with contemporary ideas about intercultural exchange and mutual understanding and it demonstrates how the study of a specific case (Mari literature) can enrich general literary theory. Consequently, Galina N. Boyarinova's typological 'palette' serves as the key that not only opens the door to the world of Mari literature, but also provides researchers with a clear 'alphabet' for deciphering its internal codes and external connections. **Conclusion.** The study confirms that Galina N. Boyarinova's approach is a comprehensive and productive strategy for understanding Mari literature in its interrelationships with universal cultural processes.

Keywords: palette of similarities; 'alphabet;' decoding; literary tradition; Galina N. Boyarinova; Mari literature; comparative studies; typological constants.

REFERENCES

Bojarinova G.N. A. Drama A. Volkova «Majruk»: voprosy poetiki [A. Volkov's drama 'Mayruk': the problem of poetics]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej VIII zaochnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Yoshkar-Ola, 2021, pp. 74-77. (In Mari).

Bojarinova G.N. Dramaturgija V. Abukaeva-Emgaka: voprosy poetiki [Dramaturgy of V. Abukaev-Emgak: questions of poetics]. *Finno-ugrovedenie*, 2025, no. 1 (69), pp. 49-65. (In Mari).

Bojarinova G.N. Proza Valerija Apakaeva [The prose of Valery Apakaev]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej*. Yoshkal-Ola, 2024b, pp. 91-99. (In Mari).

Bojarinova G.N. Zhanr komedii v marijskoj dramaturgii XXI veka [Genre of comedy in the Mari dramaturgy of the XXI century]. *Zhanrovo-stilevoe razvitie nacional'nyh literatur v XX-XXI vv. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Kazan', 2020, pp. 28-34. (In Russian).

Bojarinova G.N. Zhanr tragikomedii v marijskoj dramaturgii [Genre of tragicomedy in Mari dramaturgy]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej*. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2018, pp. 120-122. (In Russian).

Bojarinova G.N. Jazykovye osobennosti semantiki v drame N. Ignat'eva «Shyk» («Skupoj»). [Language and semantic center of N. Ignatyev's drama 'Shyk' ('Greedy')]. *II Vasil'evskie chtenija. Aktual'nye problemy sovremennoj komparativistiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2023, pp. 268-280. (In Mari).

Bojarinova G.N. Roman N. Il'jakova «Opak Mikita»: liricheskie otstuplenija [N. Ilyakov's novel 'Opak Mikita': lyrical digressions]. *Etnicheskij faktor v sociokul'turnom razvitii Marij-*

skogo kraja. Materialy VIII Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Yoshkar-Ola, 2023v, pp. 133-144. (In Mari).

Bojarinova G.N. Roman N. Il'jakova «Opak Mikita»: poetika portreta [N. Ilyakov's novel 'Opak Mikita': poetics of a portrait]. *Etnicheskij faktor v sociokul'turnom razvitii Marijskogo kraja. Materialy VIII Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Yoshkar-Ola, 2023b, pp. 144-151. (In Mari).

Bojarinova G.N. Poetika dramaturgii Jurija Bajguzy [The poetics of Yuri Baigusa's drama]. *Nacional'nye literatury Povolzh'ja i Priural'ja: issledovatel'skie paradigmy i praktiki. Materialy Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminara*. Kazan', 2024a, pp. 162-170. (In Russian).

Bojarinova G.N. Problema haraktera v sovremennoj marijskoj dramaturgii [The Problem of Character in Modern Mari Dramaturgy]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2005, 126 p. (In Russian).

Bojarinova G.N. Sovremennaja marijskaja dramaturgija: tradicii i novatorstvo [Modern Mari dramaturgy: traditions and innovations]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie: nauka – obshhestvo – kul'tura. Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov, posvjashhennoj 300-letiju Rossijskoj akademii nauk,* 27-30 June. Yoshkar-Ola, 2024, pp. 381-386. (In Russian).

Bojarinova G.N. Stilevoe napravlenie i zhanrovoe mnogoobrazie marijskoj dramaturgii [Styles and genre variety of Mari drama]. *Finno-ugorskij mir*, 2012, no. 3/4, pp. 60-65. (In Russian).

Bojarinova G.N. Hudozhestvennaja funkcija fol'klorno-etnograficheskih kartin v marijskoj dramaturgii 20-h godov XX veka [Expressive function of folklore and ethnographic pictures in Mari drama in the 1920s]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 202-206. (In Russian).

Bojarinova G.N. Hudozhestvennyj mir liriki G. Sabanceva-Ojara [The artistic world of G. Sabantsev-Oyar's poetry]. *Prosvetitel'stvo v istorii i sovremennom razvitii literatury, kul'tury i obrazovanija narodov Rossii. Sbornik statej*. Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 47-60. (In Russian).

Ivanov A.E. Marijskaja dramaturgija: osnovnye etapy razvitija [Mari Drama: Main Stages of Development]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, 276 p. (In Russian).

Maksimov V.N. Galine Nikit'evne Bojarinovoj – 60 [Galina N. Boyarinova is celebrating 60th anniversary]. *Finno-ugorskij mir,* 2020, vol. 12, no. 4, pp. 468-469. (In Russian).

Федосеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: fedna74@mail.ru

Nadezhda Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: fedna74@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 32:316.65(470.345)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-85-96

ПОЛИТИКА МНОГОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

© 2026 г. И.Г. Кильдюшкина, А.Ю. Яковлева

Введение. Политологическая оценка многоязычного культурного плюрализма населения Республики Мордовия, образовавшегося в ходе расселения и сохранившего свою этнокультурную и языковую самобытность, в трудах российских ученых XX–XXI столетий остается важной, но малоизученной темой в современной общепринятой системе разграничения этнических общностей. **Цель статьи** – провести анализ уровня консолидации и институализации мордовского этноса учеными-регионоведами XX–XXI веков, генезис формирования этничности, дуализации и аккультурации мокшан и эрзян в контексте внутреннего и внешнего этнополитического измерения нациестроительства, ассимиляции и взаимовлияния поликомпонентных факторов пространственного (политико-территориального) развития, специфика которых во многом идентифицирует многослойность этнического самосознания мордвы в ракурсе актуализации общероссийской гражданской идентичности, риторики деструктивного спектра и подходов к интерпретации моделей нациестроительства в восприятии традиционно сложившихся мордовских сообществ. **Материалы и методы.** Основным материалом статьи служат труды известных российских политологов, правоведов, историков, этнографов и специалистов в области этнонациональной и интеграционной политики, пространственного развития и государственного управления на рубеже XX–XXI веков. Методы исследования: конкретно- и сравнительно-исторический, многофакторный анализ историографической ситуации, описательный, междисциплинарный и историко-генетический подходы. **Результаты исследования, обсуждение.** Оценка уровня развития древнемордовской семьи племен, эволюции мокшанской и эрзянской соплеменностей, территорий их проживания и контактов с соседними инокультурами, наряду с процессами этногенеза, консолидации и дуализации мордвы, его бинарности и наличия этнических общностей вторичного порядка произ-

водилась лишь несколькими исследователями, причем в рамках конкретного проблемного поля на основе этноконсолидационного уклона в вопросах общемордовской интеграции, либо мокшанского и эрзянского этноцентризма. Ученые, с одной стороны, исходили из статуса субэтносов мокши и эрзи во внутренней структуре этноса, который стал недавно разрабатываться, и степени их консолидации в единую этническую общность, по-разному трактуемых и в программах мордовских национальных организаций, и в отечественной этнологии, с другой, – из комплекса разделительно-объединительных тенденций принудительной и естественной аккультурации, связанной в России с ассимиляционной эрозией (политической, экономической и др.), положительным опытом нациестроительства и модернизацией этнополитической модели по линии монолитности мордовско-русских связей, корреляции языкового фактора, близости социокультурных ценностей и образов, показавших высокий уровень консолидации и межэтнической толерантности в структуре идентичности жителей Республики Мордовия. Российские исследователи начала XXI столетия, анализируя риторику деструктивного толка, степень ее презентации и символьные конструкции гражданской идентичности, актуальные в восприятии различных групп населения республики, выделяют драйверы актуализации общероссийской гражданской идентичности, характерные для жителей Мордовии – этническая ассимиляция по направлению депопуляции на фоне постсоветского этнополитического транзита. **Заключение.** Российские ученые XX–XXI веков при оценивании многоязычного культурного плюрализма населения Республики Мордовия на рубеже столетий в основном следовали разработке методологии многофакторного анализа государственной политико-территориальной системы, основанной на федеративной платформе, административной и культурной автономий, поддержке политики многоязычного культурного плюрализма региона.

Ключевые слова: консолидация; мордовский этнос; нациестроительство; этнические общности; мокша и эрзя; самосознание; бинарность; ассимиляция; идентификация.

Введение

При объектировании темы консолидации мордовского этноса в первую очередь следует учитывать отсутствие его этнотерриториальных и диаспоральных групп в современной общепринятой системе разграничения этнических общностей и в отечественной, и в мировой науке. Исходя из точки зрения профессора Г.А. Корнишиной, основными признаками для этого должны быть история формирования, уровень консолидации и институализации, а также демографические, социоэкономические и культурные характеристики традиционно сложив-

шихся мордовских сообществ, образовавшихся в ходе расселения и сохранивших свою этнокультурную и языковую самобытность [Корнишина, 2015].

По нашему мнению, анализ генезиса мордовской этничности, дуализации и аккультурации мокшан и эрзян следует проводить в контексте нациестроительства и ассимиляции этноса. При изучении фундаментальных трудов И.В. и О.В. Бахловых, Н.И. Изергиной, М.Н. Казаковой, Г.А. Корнишиной, И.В. Курлевского, А.С. Лузгина, С.А. Мальчёнкова, Е.Н. и Н.Ф. Мокшиных, И.Г. Напалковой, Ю.Н. Сушковой, В.А. Тишкова, Н.В. Шилова, Е.В. Ширманова и других исследователей необходимо обратить внимание на то, что некоторые из них выделяют наиболее существенные факторы этнического самосознания мордвы, а также аспекты модернизации модели развития региона и нациестроительства в целом в условиях постсоветского этнополитического транзита.

Цель статьи – провести анализ уровня консолидации и институализации мордовского этноса учеными-регионоведами XX–XXI веков, генезис формирования этничности, дуализации и аккультурации мокшан и эрзян в контексте внутреннего и внешнего этнополитического измерения нациестроительства, ассимиляции и взаимовлияния поликомпонентных факторов пространственного (политико-территориального) развития, специфика которых во многом идентифицирует многослойность этнического самосознания мордвы в ракурсе актуализации общероссийской гражданской идентичности, риторики деструктивного спектра и подходов к интерпретации моделей нациестроительства в восприятии традиционно сложившихся мордовских сообществ.

Материалы и методы

Основным материалом статьи служат труды известных российских политологов, правоведов, историков, этнографов и специалистов в области этнонациональной и интеграционной политики, пространственного развития и государственного управления на рубеже XX–XXI веков. В данной работе нашли применение следующие методы исследования: конкретно- и сравнительно-исторический для выяснения эволюционной последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов; многофакторный анализ историографической ситуации для выявления воздействия внутреннего и внешнего этнополитического измерения нациестроительства, ассимиляции и взаимовлияния поликомпонентных факторов пространственного (политико-территориального) развития национальных историографических традиций; описательный для описания характеристик изучаемого явления; междисциплинарный подход к изучению объекта для использования знаний различных научных направлений и их интеграции в решении анализируемых проблем; историко-генетический подход к анализу развития исторических явлений и процессов в их последовательности и взаимосвязи.

Результаты исследования, обсуждение

Отправной точкой мордовской этничности выступает древнемордовская семья племен, появившаяся в конце первобытнообщинного строя в Среднем Поволжье. Эти племена по родственным диалектам, заложившим основу эрзянского и мокшанского наречий, языкам, антропологии, традиционной культуре и быту были близкими. Уже с первой половины I тысячелетия нашей эры начинается эволюция мокшанской и эрзянской соплеменностей, более явственных позднее. Обширные территории проживания этноса, затруднявшие контакты наряду с миграционными дрейфами, расселение булгар и создание Волжской Булгарии, а также монголо-татарское нашествие и казанско-ханское господство на столетия растягивают процессы дуализации мокшан и эрзян [Мокшин, Лузгин, 2012; Мокшин, Мокшина, Сушкова]. Не последнюю роль в этногенезе и консолидации мордвы играл вопрос этимологии этнонимов «мордва», «эрзя» и «мокша» и их использования как демонстрации этнического самосознания.

Г.А. Корнишина, Н.Ф. Мокшин и другие авторитетные ученые особенностью мордовского этноса считают его бинарность и наличие этнических общностей вторичного порядка. Развивая этот тезис, они отмечают, что этноконсолидационному уклону в процессах общемордовской интеграции всегда противостояли мокшанский и эрзянский этноцентризм (хотя те и другие осознают себя единым мордовским народом) [Корнишина, Шилкина, 2018; Мокшин, Мокшина, 2015]. В связи с этим Г.А. Корнишина и А.С. Шилкина небезосновательно предлагают глубже изучать статус субэтносов мокши и эрзи во внутренней структуре этноса (с его определенной иерархией этнических и этнокультурных таксонов, многочисленными локальными вариациями, отличающимися лишь второстепенными компонентами), который стал недавно разрабатываться, и степени их консолидации в единую этническую общность, до сих пор по-разному трактуемых и в программах мордовских национальных организаций, и в отечественной этнологии [Корнишина, 2015; Корнишина, Шилкина, 2018].

Процессы принудительной и естественной аккультурации мордвы соединялись в России с ассимиляционной эрозией – политической, экономической и др. [Корнишина, 2015]. По предположениям Е.Н. Шульгова, наибольшее влияние на ассимиляцию оказывало, наряду с набирающей обороты урбанизацией, территориальное рассредоточение, ускоренное сближение мордвы с инонациональным населением. К началу XX века расселение этноса приобрело смешанный характер, как в первоначальном районе его обитания, так и за его пределами. Утрата территориальной целостности вредила этническим связям и вела к ассимиляции мордвы, расселившейся в Латвии, Литве и Эстонии; Украине, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении и других странах постсоветского пространства [Шульгов, 2022, с. 46–48].

Мордовский народ был одним из самых разобщенных в России, а отсутствие компактного национального центра не позволяло создать государственность. Исходной точкой в решении этого вопроса послужили инициативы ВЦИК 1925 и 1926 годов. Так, до 1928 года на территории Мордовии сформировались уже более 600 сельских советов и около 20 волостей. 16 июля 1928 года ознаменовалось появлением Мордовского округа (центр – город Саранск) и стало мощным импульсом социальной консолидации народов, развития их языков и культуры [Журов, 2021]. Профессор, академик РАН В.А. Тишков, резюмируя об обращении этноса в «социалистическую нацию», его культуре и достижениях, отмечает вполне объективным считать мордву одной из российских наций, поскольку нелегко найти больших россиян по самосознанию, чем жители Мордовии, не затрагивая большей части российской мордвы, проживающей за пределами республики [Тишков, 2013, с. 47].

Модернизация этнополитической модели в постсоветский период сопровождалась комплексом разделительно-объединительных тенденций, порожденных распадом СССР в начале 1990-х годов. Н.В. Шилов, в частности, противопоставляет этому явлению этническую дивергенцию, радикальный национализм и мигрантофобию, с одной стороны, этническую консолидацию, самосознание и своеобразие культур, необходимость их межнационального и этноконфессионального диалога, – с другой. Автор апеллирует корреляцией языкового фактора с этнополитической ситуацией. Основой ее в поликультурном регионе России оставалась социально-психологическая общность представителей разных этнических групп, образованная по территориальному признаку, а показателем – интеграция в общероссийское культурное пространство, формируемая на близости их социокультурных ценностей и образов [Шилов, 2016].

Нерешенность ряда региональных проблем, безусловно, создает определенные угрозы в силу зарубежной информационной и финансовой поддержки этнонациональных движений. По данным Н.В. Шилова, несмотря на ряд деструктивных явлений (в сфере языковой политики, православно-протестантские противоречия, организационный раскол в умме Республики Мордовия, исламский экстремизм, проникновение салафитов и отдельных тоталитарных религиозных организаций, «этнический криминалитет» и других негативных факторов [Шилов, 2014]), Мордовия смогла сплотиться и на фоне «парада суверенитетов».

Становление с 1990-х годов новых общественных движений и партий – от леворадикальных до консервативных – не брало во внимание национальной идентификации и проникнувшего в конструктивное политическое русло страны местного общенационального движения. Громоотводом кризиса в республике к середине десятилетия стало обсуждение тематики суверенизации

[Имяреков, 2006], уклонившись от которой она доказала монолитность мордовско-русских связей [Мокшин, Мокшина, Сушкова]. Пиком самостийности мордвы оказалось преобразование МАССР в МССР в соответствии с «Декларацией о государственно-правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики» (1990 год), закрепившей социокультурные, духовные и языковые ценности мордовского народа [Журов, 2021; Мокшин, Мокшина, Сушкова]. Статус оплота советского строя Мордовия сохранила и до прихода к власти парламентского корпуса в январе 1995 года и впоследствии [Кильдюшкина, 2017, № 2; Кильдюшкина, 2017, № 3; Мокшин, Мокшина, Сушкова].

Нынешний образец регионализации Республики Мордовия на фоне постсоветского этнополитического транзита закрепился благодаря новому концепту общегосударственного механизма, реализации Программы национального развития и межнационального сотрудничества ее народов и решению ряда социально-экономических задач, в том числе за ее пределами, где проживает 2/3 численности мордовского народа Российской Федерации, структур национально-культурной автономии [Шилов, 2016].

Эволюция положительной практики нациестроительства, как сложного и многомерного процесса, и этнической идентификации республики, с точки зрения профессоров О.В. Бахловой и И.В. Бахлова, а также других ученых Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва была связана с уменьшением значения «этнического капитала» как политического инструмента, сокращением/устранением атрибутики стратегий суверенизации постсоветской эпохи, конструктивной активизацией этнокультурных организаций в общероссийских проектах [Бахлова, Бахлов, 2020]. С этим трудно не согласиться. Исследование пространственного и политико-территориального факторов, а также специфики этнонационального пространства в контексте концептуализации государственной политики нациестроительства, национальной идеи и взаимовлияния внутреннего и внешнего измерений представляет особый интерес для специалистов в области этнонациональной и интеграционной политики, пространственного развития и государственного управления [Бахлова, Бахлов, Изергина, Казакова, Мальчёнков, Напалкова, Солдатова, 2020].

Наиболее выраженными элементами этнической консолидации в структуре идентичности ее жителей, как полагает Е.В. Ширманов, являются: полноценное и неоспоримое вхождение в общегражданское политическое сообщество, бесконфликтное существование различных народностей на ее территории, политическая стабильность и отсутствие идейного радикализма, в том числе восприятие Мордовии развивающимся регионом [Ширманов, 2015]. Подтверждением тому служат массовые опросы 1206 человек, проведенные на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва в мок-

ша и эрзя-мордовских селах Мордовии в 1995–2015 годах, по которым значительная часть интервьюированных из числа мордовской национальности гордится своим этнонимом, порицает попытки раскола мордвы на эрзю и мокшу [Мокшин, Лузгин, 2012; Мокшин, Мокшина, 2015], что подтвердилось и на семи съездах мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, 1992, 1995, 1999, 2004, 2009, 2014 и 2019 годы). Эпохальным для всего финно-угорского мира оказался V съезд (2009 год), объявивший «Консолидацию мордовского народа в условиях глобализации (Навеки в единстве!)».

Масштабные празднования, посвященные 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства (2012 год) также показали высокий уровень этнической, религиозной консолидации и межэтнической толерантности, традиционно характерных для Мордовии [Шилов, 2016, с. 119]. Однако самосохранению мордовского народа угрожает этническая ассимиляция по линии депопуляции, о чем свидетельствуют данные переписей населения: наивысший пик численности мордвы зафиксирован в 1939 году – 1456 тысяч человек (в 1897 году – 1024 тысяч, в 1989 году – 1164 тысяч) [Мокшин, Мокшина, 2015]. В 2002 году эта цифра составляла 845 тысяч, в 2010 году – 744 тысячи, в 2020 году – 484 тысячи человек [Население Мордовии].

Заключение

В контексте небезызвестной формулы единства в многообразии гражданская общность россиян в целом формирует государство, децентрализованное на федеративной платформе, административной и культурной автономий. Политика двуязычного или многоязычного культурного плюрализма представляется самой перспективной и на этапе нового политического витка в жизни региона-13, начавшегося 18 ноября 2020 года с Указа Президента России В.В. Путина о назначении временно исполняющим обязанности Главы Республики Мордовия А.А. Здунова. Стратегический курс в сфере национальной и кадровой политики региона – оптимальное и последовательное удовлетворение интересов субэтносов мордвы – окажет позитивный вектор на развитие его основных социально-экономических параметров и этнопсихологические установки единого мордовского народа, что, безусловно, умерит внутриэтническую настороженность и упрочит мордовскую государственность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахлов И.В., Курлевский И.В. Республика Мордовия в системе российского федерализма: специфика статусно-ролевых характеристик // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 106–115.

Бахлова О.В., Бахлов И.В. Механизмы нациестроительства и соотношение идентичностей: региональное измерение (опыт республик Марий Эл и Мордовия, 2013–2019) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 286–302 [Электронный ресурс]. URL: https://

sciup.org/mehanizmy-naciestroitelstva-i-sootnoshenie-identichnostejregionalnoe-izmerenie-147217984?ysclid=lnmwp0zowi777068541 (дата обращения: 02.11.2025).

Бахлова О.В., Бахлов И.В., Изергина Н.И., Казакова М.Н., Мальченков С.А., Напалкова И.Г., Солдатова А.С. Нациестроительство в современной России в ракурсе пространственного развития: внутреннее и внешнее измерения: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 288 с.

Журов Э.С. История правового становления Мордовии // Контентус. 2021. № 6. С. 34–42 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs (дата обращения: 11.09.2025).

Имяреков В.С. Общественно-политическое развитие Мордовии во второй половине 1980-х – 1990-х гг.: основные тенденции: моногр. Саранск, 2006. 314 с.

Кильдюшкина И.Г. «Примеряя платье» парламентской республики, или Почему в Мордовии не закрепился институт президентства (I часть) // Центр и периферия. 2017. № 2. С. 55–63.

Кильдюшкина И.Г. «Примеряя платье» парламентской республики, или Почему в Мордовии не закрепился институт президентства (II часть) // Центр и периферия. 2017. № 3. С. 51–60.

Корнишина Г.А. Структура мордовского этноса: методологические аспекты проблемы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 2 (30). С. 10–18 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mordovskogo-etnosa-metodologicheskie-aspekty-problemy (дата обращения: 14.09.2025).

Корнишина Г.А., Шилкина А.С. Статус структурных подразделений мордовского этноса в программных документах национальных общественных организаций конца XX – начала XXI в. // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию первого этносоциологического исслед. в СССР, Казань, 6–7 сент. 2018 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 46–50.

Мокшин Н.Ф., Лузгин А.С. Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 256 с.

Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Этнические процессы у мордвы на современном этапе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 4 (32). С. 26–30 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-protsessy-u-mordvy-na-sovremennom-etape-1 (дата обращения: 01.08.2025).

Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н. Основные этапы формирования и развития мордовской этничности и государственности [Электронный ресурс]. URL: https://ep.mrsu.ru/journal/1-18/Mokshin.html (дата обращения: 21.03.2025).

Население Мордовии [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 15.04.2025).

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2013. 648 с.

Шилов Н.В. Основные тенденции этнополитического развития в современной Мордовии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2016. № 1. С. 119–127.

Шилов Н.В. Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита = Ethnopolitical development of Mordovia in the post-soviet transit: моногр. Саранск: Науч.-исслед. ин-т гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. 262 с.

Ширманов Е.В. Региональная идентичность как фактор политического процесса // Регионология. 2015. № 3. С. 14–21.

Шульгов Е.Н. Миграция мордвы на территорию стран ближнего зарубежья и этнические процессы в конце XIX – начале XXI в.: историко-этнографический анализ. Саранск, 2022. 256 с.

Irina Kildyushkina, Anastasia Yakovleva

POLICY OF MULTILINGUAL CULTURAL PLURALISM IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Introduction. The political assessment of the multilingual cultural pluralism of the population of the Republic of Mordovia, which was formed in the course of resettlement and has preserved its ethno-cultural and linguistic identity, remains an important but little-studied topic in the works of Russian scholars of the 20th-21st centuries in the modern generally accepted system of differentiation between ethnic communities. **The purpose** of the article is to analyse the level of consolidation and institutionalisation of the Mordovian ethnic group by regional scholars of the 20th- 21st centuries, the genesis of the formation of ethnicity, dualisation and acculturation of the Moksha and Erzya peoples in the context of the internal and external ethno-political dimensions of nation-building, assimilation and mutual influence of multi-component factors of spatial (political-territorial) development, the specificity of which largely identifies the multi-layered nature of the Mordovian ethnic self-awareness in the context of the actualisation of all-Russian civic identity, the rhetoric of the destructive spectrum and approaches to the interpretation of nation-building models in the perception of traditionally established Mordvin communities. **Materials and methods.** The main material of the article includes the works of well-known Russian political scientists, legal experts, historians, ethnographers, and specialists in the field of ethno-national and integration policy, spatial development, and public administration at the turn of the 20th and 21st centuries. Research methods include concrete and comparative historical, multi-factorial analysis of the historiographical situation, descriptive, interdisciplinary and historical-genetic approaches. **Research results, discussion.** Assessment of the level of development of the ancient Mordovian family of tribes, the evolution of the Moksha and Erzya tribes, their territories of residence and contacts with neighbouring cultures, along with the processes of ethno-genesis, consolidation and dualisation of the Mordvins, its binary nature and the existence of secondary ethnic communities, has been carried out by only a few researchers, and within the framework of a specific problem area based on an ethno-consolidation bias in issues of general Mordvin integration, or Moksha and Erzya ethnocentrism. On the one hand, scholars proceeded from the status of the Moksha and Erzya sub-ethnic groups within the internal structure

of the ethnic group, which had recently begun to be developed, and the degree of their consolidation into a single ethnic community, interpreted differently in the programmes of Mordovian national organisations and in domestic ethnology. On the other hand, from a complex of divisive and unifying tendencies of forced and natural acculturation associated in Russia with assimilation erosion (political, economic, etc.), the positive experience of nation-building and modernisation of the ethno-political model along the lines of the monolithic nature of Mordovian-Russian ties, the correlation of the linguistic factor, the proximity of sociocultural values and images, which have shown a high level of consolidation and interethnic tolerance in the identity structure of the inhabitants of the Republic of Mordovia. Russian researchers at the beginning of the 21st century, analysing destructive rhetoric, the degree of its presentation and the symbolic constructions of civic identity relevant to the perception of various population groups in the republic, identify the drivers of the actualisation of all-Russian civic identity characteristic of the inhabitants of Mordovia: ethnic assimilation in the direction of depopulation against the backdrop of post-Soviet ethno-political transition. **Conclusion.** When assessing the multilingual cultural pluralism of the population of the Republic of Mordovia at the turn of the century, Russian scientists of the 20th and 21st centuries mainly followed the development of a methodology for multifactorial analysis of the state political-territorial system based on a federal platform, administrative and cultural autonomy, and support for the region's policy of multilingual cultural pluralism.

Keywords: consolidation; Mordovian ethnic group; nation building; ethnic communities; Moksha and Erzya; self-awareness; binary nature; assimilation; identification.

REFERENCES

Bahlov I.V., Kurlevskij I.V. Respublika Mordovija v sisteme rossijskogo federalizma: specifika statusno-rolevyh harakteristik [The Republic of Mordovia in the system of Russian federalism: the specificity of status and role characteristics]. *Finno-Ugric World,* 2012, no. 3/4, pp. 106-115. (In Russian).

Bahlova O.V., Bahlov I.V. Mehanizmy naciestroitel'stva i sootnoshenie identichnostej: regional'noe izmerenie (opyt respublik Marij El i Mordovija, 2013-2019) [Mechanisms of Nation-Building and the Relationship of Identities: the Regional Dimension (The Experience of the Republics of Mari El and Mordovia, 2013-2019)]. *Finno-Ugric World,* 2020, vol. 12, no. 3, pp. 286-302. (In Russian).

Bahlova O.V., Bahlov I.V., Izergina N.I., Kazakova M.N., Malchenkov S.A., Napalkova I.G., Soldatova A.S. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii v rakurse prostranstvennogo razvitija: vnutrennee i vneshnee izmerenija [Nation-building in Modern Russia from the Perspective of Spatial Development: Internal and External Dimensions]. Saransk, Mordovskij Universitet, 2020, 288 p. (In Russian).

Zhurov E.S. Istorija pravovogo stanovlenija Mordovii [History of the legal development of Mordovia]. *Contentus,* 2021, no. 6, pp. 34-42. (In Russian).

Imjarekov V.S. Obshhestvenno-politicheskoe razvitie Mordovii vo vtoroj polovine 1980-h – 1990-h gg.: osnovnye tendencii [Social and Political Development of Mordovia in the second half of the 1980s – 1990s: the Main Trends]. Saransk, 2006, 314 p. (In Russian).

Kil'djushkina I.G. «Primerjaja plat'je» parlamentskoj respubliki, ili Pochemu v Mordovii ne zakrepilsja institut prezidentstva (I chast') ['Trying Parliamentary Republic Dress on', or Why the Institution of the Presidency Did Not Work in Mordovia (Part I)]. *Centr i periferija,* 2017, no. 2, pp. 55-63. (In Russian).

Kil'dyushkina I.G. «Primerjaja plat'je» parlamentskoj respubliki, ili Pochemu v Mordovii ne zakrepilsja institut prezidentstva (II chast') ['Trying Parliamentary Republic Dress on', or Why the Institution of the Presidency Did Not Work in Mordovia (Part II)]. *Centr i periferija,* 2017, no. 3, pp. 51-60. (In Russian).

Kornishina G.A. Struktura mordovskogo etnosa: metodologicheskie aspekty problemy [The structure of the Mordvin ethnic group: methodological aspects of the problem]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija,* 2015, no. 2 (30), pp. 10-18. (In Russian).

Kornishina G.A., Shilkina A.S. Status strukturnyh podrazdelenij mordovskogo etnosa v programmnyh dokumentah nacional'nyh obshhestvennyh organizacij konca XX – nachala XXI vv. [The status of structural divisions of the Mordvin ethnic group in the program documents of national public organizations of the late 20th – early 21st centuries]. *Pozitivnyj opyt regulirovanija etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 50-letiju pervogo etnosociologicheskogo issledovanija v SSSR.* Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2018, pp. 46-50 (In Russian).

Mokshin N.F., Luzgin A.S. Mordovskij narod v istorii i kul'ture Rossijskogo gosudarstva [Mordvin people in the history and culture of the Russian state]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012, 256 p. (In Russian).

Mokshin N.F., Mokshina E.N. Etnicheskie processy u mordvy na sovremennom etape [Ethnic processes among the Mordvins at the present stage]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija,* 2015, no. 4 (32), pp. 26-30. (In Russian).

Mokshin N.F., Mokshina E.N., Sushkova Ju.N. Osnovnye etapy formirovanija i razvitija mordovskoj etnichnosti i gosudarstvennosti [The main stages of the formation and development of Mordovian ethnicity and statehood]. (In Russian).

Naselenie Mordovii [Population of Mordovia], available at: https://ru.wikipedia.org/wiki (accessed 15 April 2025). (In Russian).

Tishkov V.A. Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samosoznanija [Russian People: History and Meaning of National Self-awareness]. Moscow, Nauka, 2013, 648 p. (In Russian).

Shilov N.V. Osnovnye tendencii etnopoliticheskogo razvitija v sovremennoj Mordovii [Main trends of ethnic and political development in modern Mordovia]. *Bulletin of Moscow University, Series 8 History*, 2016, no. 1, pp. 119-127. (In Russian).

Shilov N.V. Etnopoliticheskoe razvitie Mordovii v uslovijah postsovetskogo tranzita [Ethnopolitical development of Mordovia in the post-Soviet transit]. Saransk, Nauchno-issledovatel'skij institut gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija, 2014, 262 p. (In Russian).

Shirmanov E.V. Regional'naja identichnost' kak faktor politicheskogo processa [Regional identity as a factor in the political process]. *Regionologija,* 2015, no. 3, pp. 14-21. (In Russian).

Shulgov E.N. Migracija mordvy na territoriju stran blizhnego zarubezh'ja i etnicheskie processy v konce XIX – nachale XXI v.: istoriko-etnograficheskij analiz [Migration of the Mordvins to the Territory of Neighboring Countries and Ethnic Processes in the late 19th – early 21st centuries: Historical and Ethnographic Analysis]. Saransk, 2022, 256 p. (In Russian).

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск
e-mail: irakil1967@mail.ru

Яковлева Анастасия Юрьевна
кандидат искусствоведения,
преподаватель отдела
струнно-щипковых инструментов
Детской музыкальной школы № 7
имени А.С. Ключарёва,
г. Казань
e-mail: 8nastya8@list.ru

Irina Kildyushkina
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Leading Researcher
Research Institute of Humanities
under the Government of the
Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: irakil1967@mail.ru

Anastasia Yakovleva
Candidate of Art History,
Lecturer in the Department
of Stringed Instruments
Children's Music School No. 7
named after A.S. Klyucharyov,
Kazan
e-mail: 8nastya8@list.ru

УДК 27(=511.151)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-1-73-97-106

ПЕРЕВОД ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА КАК МИССИОНЕРСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ (К 25-ЛЕТИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМИССИИ ЙОШКАР-ОЛИНСКОЙ И МАРИЙСКОЙ ЕПАРХИИ)

© 2026 г. Г.Н. Михеев

Введение. В статье рассматривается историческая роль и современная деятельность по переводу православной литературы на марийский язык как ключевого элемента просветительской деятельности Русской Православной Церкви в Республике Марий Эл. **Цель статьи** – комплексный анализ переводческой деятельности как средства православной миссии в марийском регионе, с акцентом на работе Переводческой комиссии епархии за последние 25 лет. **Материалы и методы.** В качестве материалов для исследования использованы изданные книги, радиопередачи и журналы на марийском языке, труды исследователей истории переводов и литературоведов, а также архивные материалы Йошкар-олинской и Марийской епархии. В работе использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. **Результаты исследования, обсуждение.** На основе анализа исторических предпосылок, основных этапов переводческой деятельности и ее социокультурных последствий доказывается, что переводы сакральных текстов способствуют не только религиозному просвещению, но и сохранению языковой идентичности марийского народа, выполняя важную функцию в укреплении межконфессионального диалога. **Заключение.** За 25 лет своей деятельности Комиссия не только возродила, но и существенно развила богатые традиции дореволюционного перевода.

Ключевые слова: марийский язык; перевод православной литературы; миссия; инкультурация; Йошкар-Олинская епархия; Переводческая комиссия; религиозное просвещение; этноконфессиональная идентичность.

Введение

Современная религиозная ситуация в полиэтничных регионах России характеризуется сложным переплетением традиционных верований, мировых религий и процессов секуляризации. В этих условиях деятельность религиозных институтов, направленная на установление диалога с местным сообществом, требует поиска особых, культурно-чувствительных подходов. Для Марийского края, где наряду с Православием сохраняет влияние традиционная марийская религия, вопрос о языке богослужения и религиозного просвещения всегда имел особую актуальность.

Йошкар-Олинская и Марийская епархия, осуществляя свою миссию, активно использует средства национальной культуры, что делает ее деятельность уникальным примером инкультурации вероучения. Центральное место в этой стратегии занимает систематическая работа по переводу православной литературы на марийский язык, институциональным выражением которой стала Епархиальная комиссия по переводу Священного Писания на марийский язык. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления новых стратегий взаимодействия между религиозными институтами и поликультурным обществом, где язык выступает не только инструментом коммуникации, но и мощным ресурсом культурной идентичности.

Целью статьи является комплексный анализ переводческой деятельности как средства православной миссии в марийском регионе, с акцентом на работе Переводческой комиссии епархии за последние 25 лет. Для достижения цели поставлены задачи: выявить исторические предпосылки и этапы перевода православной литературы на марийский язык; охарактеризовать основные направления и результаты деятельности Переводческой комиссии Йошкар-Олинской епархии; проанализировать влияние переводческой деятельности на сохранение и развитие марийского языка и культуры.

Материалы и методы

Основой исследования стали научные публикации ведущего научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Н.А. Федосеевой, активно изучающей дореволюционные переводы и издания марийской литературы, и принимающей непосредственное участие в работе Комиссии по переводу Священного Писания на марийский язык. Также важным материалом для анализа стали годовые отчеты Йошкар-Олинской и Марийской епархии в части переводческой и просветительской деятельности. В работе использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования, обсуждение

История перевода православных текстов на марийский язык насчитывает более двух столетий и может быть разделена на три основных периода: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционный период (XIX – начало XX века) ознаменовался началом систематической работы по переводу. Важнейшую роль сыграл Указ Святейшего Синода 1803 года, предписывавший перевод церковных молитв, Символа веры и катехизиса на «черемисский» язык. В 1804 году увидел свет первый переводной катехизис, а в 1821 году по инициативе Российского Библейского общества было издано Евангелие от Луки и Четвероевангелие на горномарийском наречии. Особый вклад в этот процесс внес священник Андрей Альбинский, который не только переводил тексты Евангелия, но и по просьбе архиепископа Казанского Амвросия в 1819 году выполнил перевод «Божественной литургии Иоанна Златоуста». Исторические источники свидетельствуют, что уже в 1820-х годах в марийских приходах совершались богослужения на родном языке [Федосеева Н.А. Труды по переводу...].

Советский период стал временем принудительной секуляризации и разрыва естественной передачи религиозной традиции. Антирелигиозная политика государства привела к практически полному прекращению официальной переводческой деятельности, хотя языковая и культурная память марийского народа сохранила элементы дореволюционных переводов.

Современный период (с 1993 года) начался с образованием самостоятельной Йошкар-Олинской и Марийской епархии. В конце XX века издание духовной литературы на марийском языке оставалось уделом отдельных священнослужителей. В это время был переиздан дореволюционный текст Нового Завета, выпущены небольшим тиражом молитвословы. Важной вехой стало создание при епархии в 2001 году Комиссии по переводу Священного Писания на марийский язык, которая систематизировала и активизировала работу по переводу богослужебных текстов. Осознание епархиальным руководством того, что «простая ретрансляция богослужения на церковнославянском языке была недостаточной для установления контакта с марийскоязычным населением», привело к формированию парадигмы инкультурации, где марийский язык и культура стали рассматриваться не как препятствие для проповеди, а как ее необходимый инструмент [100 лет...].

Создание Переводческой комиссии ознаменовало новый, системный подход к переводческой деятельности. Ее работа строится по нескольким ключевым направлениям. Основным является перевод и издание литературы. За 25 лет деятельности Комиссией проделан колоссальный объем работы по формированию корпуса основных богослужебных и библейских текстов на марийском языке. Помимо прочего Комиссия готовит и материалы для работы Миссионерского отдела Йошкар-Олинской епархии. За 25 лет работы комиссией как самостоятельно, так и при участии Института перевода Библии

(г. Хельсинки), кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета были изданы на луговом наречии:

1. Брошюры: Мироносец лудыш (Мироносицкий вестник), 2001–2008, 10 номеров;

2. Марла молитва-влак (Молитвослов, 2005);

3. У Сугынь (Новый Завет, 2007);

4. Вес тӱнясе илыш нерген. Колымо деч варасе суд але Феодора аван мытарстве-влакым эртымыже (О жизни после смерти. Мытарства блаженной Феодоры, 2008);

5. Молитвам лудаш тунемына (Учимся читать молитвы. По книге Артемия Владимирова «Молитвослов для самых маленьких», 2008);

6. Молебен, панихиде, 2009;

7. Библий каласкала (Библейские рассказы, 2009);

8. Псалтирь марий йылме дене, 2012;

9. Юмылан курымла годсек йӧрышӧ чыла святойлан акафист (Акафист всем святым, 2013);

10. Тӱҥалтыш (Бытие, 2014);

11. Божественная литургия святого Иоанна Златоуста, 2014;

12. Последование Божественной литургии с нотным приложением, 2014;

13. Чин исповедания грехов и как причащать больного, 2014;

14. Святой-влакын илышышт (Жития святых по Е. Поселянину, 2015);

15. Йӱдвошт кумалмаш да шагат-влак (Всенощное бдение и часы, 2015);

16. Молитва-влак. Святой причастийлан ямдылалтмаш (Молитвослов. Последование ко святому причащению, 2016);

17. Юмын Закон йоча-влаклан (Закон Божий для детей, 2016);

18. Листовки ко крестным ходам: Мироносиц лышташ (Мироносицкий листок), 2006–2016, 12 наименований;

19. «Умылен-пален налдыме ӱшанымаш тӱня» («Непознанный мир веры», 2017);

20. «Святой-влакын илышышт» («Жития святых», 2018);

21. Андрей Критскийын кугу канонжо (Великий канон Андрея Критского, 2019);

22. Псалтирь. Колышо-влак верч лудаш келыштарыме (Псалтирь по усопшим, 2020);

23. Чудым ыштыше Святитель Николай Мирликийский (Житие и акафист, 2020);

24. Листовки на марийском (луговом) языке: «Памятка для чтения перед исповедью», «Церковные песнопения на Божественной литургии для мирян», 2021;

25. Илышын куанже Юмо дене ушнымаште веле (Радость жизни только в Боге. Проповеди Святейшего Патриарха Кирилла, 2022);

26. Листовки на марийском (луговом) языке: Черке да тудын Таинствыже-влак (Церковные Таинства); Юмын 10 шӱдымашыже (10 заповедей Бога); Поро пиалан улмо нерген шӱдымаш-влак (Заповеди блаженства); Юмо нерген (О Боге), 2023;

27. Аралыше святой Суксылан канон ден акафист (Святому Ангелу-Хранителю канон и акафист, 2023);

28. Кугун орланыше да паремдыше святой Пантелеимон (Великомученик и целитель Пантелеимон, 2023);

29. Мироносиц монастырь нерген йоча-влаклан (Истории о Мироносицком монастыре для детей, 2024);

30. Тынеш пурташ ямдылышылан полыш (Пособие по оглашению, 2024);

31. Воинын молитвословшо (Молитвослов воина, 2024);

32. Журнал «Шӱм-чон изолык» («Луг духовный») (издается ежемесячно, с марта 2013 года по настоящее время издано 150 номеров).

На горном наречии:

1. Мироносец шамак (Мироносицкий вестник, 2002–2004, 8 номеров);
2. Псалтирь на горномарийском языке, 2009;
3. Часослов на горномарийском языке, 2012;
4. У Согонь (Новый Завет, 2014);
5. Молитвослов на горномарийском языке, 2014;
6. Йымын Закон гишӓн увертӓрӹмӓш. Молитван силажы (Благая весть о Законе Божьем. Сила молитвы, 2015);
7. Йымылан ӹнянӹмӓш гишӓн тетявлӓлӓн шамак (Детям о вере, 2018);
8. Газета «Уанымаш» («Надежда») (ежеквартально, с IV квартала 2015 года по настоящее время издано 37 номеров).

Помимо названных изданий в разные годы выпускались календари, листовки, осуществлялся перевод для изготовления стендов и наглядных пособий. Издательская работа продолжается и сегодня, включая в себя не только перевод, но и научную редактуру текстов, а также музыкальную адаптацию песнопений.

Важным направлением деятельности является научно-богословская и редакторская работа. Перевод сакральных текстов требует высочайшей квалификации и ответственности. Комиссия работает в тесном сотрудничестве со священнослужителями-мари, профессиональными филологами и учеными, такими как Надежда Александровна Федосеева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Одной из сложнейших задач является выработка сакральной терминологии, которая либо калькируется с оригинальных текстов, либо формируется через актуализацию и переосмысление слов традиционного лексикона. Эта деятельность имеет не только религиозное, но и огромное филологическое значение, так как участвует

в языковом планировании, расширяет функциональные стили марийского языка и обогащает его лексику [В Йошкар-Оле…].

Реализуются культурно-просветительские и миссионерские проекты. Переводы активно используются в практической миссионерской работе. Ярким примером является проект «Благословлю Господа на всяком месте» (2014 год), в рамках которого был создан мобильный храм-палатка, посещавший отдаленные населенные пункты республики. По благословению митрополита Иоанна богослужения в этих деревнях совершались на марийском языке с использованием изданных комиссией текстов. Этот проект стал катализатором миссионерской деятельности: его результатом стало крещение десятков человек, обеспечение всех храмов республики текстами Литургии на марийском языке, начало систематического изучения марийского языка духовенством и учреждение смотра-конкурса миссионерских хоров [Михеев, 2016, с. 12–13].

В продолжение проекта в домовом храме епархиального управления, а затем в Православном духовно-просветительском центре Йошкар-Олы стали регулярно совершаться Литургии на марийском языке. Начиная с 2021 года по воскресным и праздничным дням в Кафедральном соборе Благовещения Пресвятой Богородицы г. Йошкар-Олы ранняя Литургия совершается клириками храма на марийском языке [Литургии на марийском…]. Для обеспечения совершения служб Переводческой комиссией подготовлены Тропарион[1] на каждый день года и сборник изменяемых песнопений Божественной литургии, включающий в себя антифоны и задостойники праздников, прокимены, причастные стихи и другие песнопения. В процессе верстки находится богослужебный «Апостол» [На марийском (луговом)…].

Важную роль в просветительском служении Йошкар-Олинской епархии играет выпуск радиопередач на марийском языке, готовящихся при участии сотрудников Переводческой комиссии А. Таныгиной и А. Чемековой. На радиостанции «Марий Эл Радио» (FM 105.5) еженедельно по вторникам в 15 часов 45 минут выходит в эфир православная радиопередача «Шӱм-чон изолык» («Луг духовный»). Повтор осуществляется по субботам в 14 часов 45 минут. На ГТРК «Марий Эл» (FM 106) два раза в месяц по средам в 18 часов 40 минут транслируется радиожурнал «Чан» («Колокол»). В 2024 году в эфир вышло 23 передачи. В передачах освещаются вероучительные и культурно-исторические темы, рассказывается о значимых событиях церковной жизни, проводятся беседы со священнослужителями.

Помимо радиопередач Алевтиной Таныгиной готовятся видеофильмы о святынях Марийского края, традициях православных праздников, историче-

[1] Тропарион – сборник тропарей и кондаков святым и праздникам Православной церкви.

ски значимых событиях. Более 50 видеоматериалов размещено в сети Интернет [Вашталтмаш...].

Названная выше деятельность вносит существенный вклад в сохранение марийского языка и укрепление общественной стабильности.

Деятельность Переводческой комиссии оказывает многоплановое позитивное влияние на социокультурный ландшафт республики. Использование родного языка в сакральной сфере – богослужении, молитве, религиозной литературе – позволяет марийцам воспринимать Православие не как нечто чужеродное и навязанное, а как органичную часть своей обновленной национальной идентичности.

Придание марийскому языку статуса языка богословия и богослужения значительно повышает его социальный престиж. Это мощный противовес процессам языкового сдвига в пользу русского языка, особенно среди молодежи. Переводческая работа является формой «языкового строительства», способствуя развитию литературных норм, обогащению лексики и расширению сфер функционирования марийского языка.

Уважительное и бережное отношение епархии к марийской языковой культуре способствует разрушению стереотипов и формированию отношений взаимного уважения между русским и марийским населением. Через общее участие в культурно-религиозных событиях, таких как фестиваль духовной песни «Мыйын Юмемлан мурем», формируется единое гражданское пространство.

Заключение

Просветительская и миссионерская деятельность Йошкар-Олинской и Марийской епархии, краеугольным камнем которой является планомерная работа Переводческой комиссии, представляет собой эффективную и современную модель диалога между религиозным институтом и полиэтничным сообществом. Отойдя от имперской модели миссии, епархия избрала путь инкультурации, основанный на диалоге и уважении к национальной культуре.

За 25 лет своей деятельности Комиссия по переводу Священного Писания на марийский язык не только возродила, но и существенно развила богатые традиции дореволюционного переводчества. Благодаря ее трудам марийский язык обрел голос в православном богослужении, что имеет непреходящее значение как для религиозной жизни верующих, так и для сохранения языкового наследия марийского народа.

Данный миссионерский и культурный проект демонстрирует, что в современном российском контексте православная миссия может выступать как созидательная сила. Способствуя укреплению религиозной идентичности через родной язык, он одновременно вносит вклад в укрепление гражданской солидарности, гармонично соединяя этнокультурную самобытность с общероссийской гражданской принадлежностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

100 лет Марий Эл. Духовное возрождение Марийского края: к 25-летию Марийской епархии [Электронный ресурс] // Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна. URL: https://nbmariel.ru/content/100-let-mariy-el-duhovnoe-vozrozhdenie-mariyskogo-kraya-k-25-letiyu-mariyskoy-eparhii (дата обращения: 23.11.2025).

В Йошкар-Оле прошла конференция «Православие в Марийском крае: люди, события, факты» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Йошкар-Олинской епархии. 2023. URL: https://www.mari-eparhia.ru/all_newses/news/?id=16967 (дата обращения: 23.11.2025).

Вашталтмаш // Вконтакте [веб-сайт]. URL:https://vk.com/vashtaltmash (дата обращения: 24.11.2025).

Православие в Марийском крае: люди, события, факты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Йошкар-Олинской епархии. 2023. URL: https://mari.eparhia.ru/all_newses/news/?ID=16967 (дата обращения: 23.11.2025).

Литургии на марийском языке начали служить в главном храме Йошкар-Олы // Приход.РУ: [веб-сайт]. URL: https://prichod.ru/opyt-prihodov/liturgii-na-marijskom-jazyke-nachali-sluzhit-v-glavnom-hrame-joshkar-oly/ (дата обращения: 24.11.2025)

Майкова Л.Е. К вопросу о деятельности Переводческой Комиссии, учрежденной при Братстве Св. Гурия в г. Казани (по материалам отчетов Переводческой Комиссии) [Электронный ресурс] // Миссионерский отдел Йошкар-Олинской и Марийской епархии. URL: https://missia-mari.ru/history/?id=169 (дата обращения: 23.11.2025).

Михеев Г.Н. «Последние язычники Европы» молились на православных богослужениях // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 36. С. 10–14. URL: http://e-koncept.ru/2016/46703.htm (дата обращения: 09.11.2025)

Федоров В.А. Глава 5. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/5 (дата обращения: 23.11.2025).

Федосеева Н.А. Литературные переводы на марийский язык: историко-культурный аспект // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22, № 1. С. 172–181.

Федосеева Н.А. Труды по переводу православной литературы на марийский язык: история и современность [Электронный ресурс] // Миссионерский отдел Йошкар-Олинской и Марийской епархии. URL: https://missia-mari.ru/history/?id=208 (дата обращения: 23.11.2025).

Grigory Mikheev

TRANSLATION OF ORTHODOX LITERATURE INTO MARI IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY AS A MISSIONARY AND CULTURAL PROJECT (ON THE 25TH ANNIVERSARY OF THE TRANSLATION COMMISSION OF THE YOSHKAR-OLA AND MARI EPARCHY)

Introduction. The article examines the historical role and modern activities of translating Orthodox literature into Mari as the key element of the educational activities of the Russian Orthodox Church in the Republic of Mari El. **The purpose**

of the article a comprehensive analysis of translation activities as a means of the Orthodox mission in the Mari region, with an emphasis on the work of the Translation Commission of the Eparchy over the past 25 years. **Materials and methods.** Published books, radio broadcasts and magazines in the Mari language, the works of translation history researchers and literary critics, as well as archival materials from the Yoshkar-Ola and Mari Eparchy were used as research materials. The method of historical analysis is used in the work. **Research results, discussion.** Based on the analysis of historical prerequisites, the main stages of translation activity and its socio-cultural consequences, it is proved that translations of sacred texts contribute not only to religious education, but also to the preservation of the linguistic identity of the Mari people, performing an important function in strengthening interfaith dialogue. **Conclusion.** Over the 25 years of its activity, the Commission has not only revived, but also significantly developed the rich traditions of pre-revolutionary translation.

Keywords: the Mari language; translation of Orthodox literature; mission; inculturation; Yoshkar-Ola Eparchy; Translation Commission; religious education; ethno-confessional identity.

REFERENCES

100 let Marij El. Duhovnoe vozrozhdenie Marijskogo kraja: k 25-letiju Marijskoj eparhii [Mari El is 100. Spiritual Revival of the Mari Land: to the 25th Anniversary of the Mari Eparchy], available at: https://nbmariel.ru/content/100-let-mariy-el-duhovnoe-vozrozhdenie-mariyskogo-kraya-k-25-letiyu-mariyskoy-eparhii (accessed 23 November 2025). (In Russian).

V Yoshkar-Ole proshla konferencija "Pravoclavie v Marijskom krae: ljudi, sobytija, facty" [Conference „Orthodoxy in the Mari Land: People, Events, Facts" held in Yoshkar-Ola]. Oficial'nyj sajt Yoshkar-Olinskoj eparhii, 2023, available at: https://mari.eparhia.ru/all_newses/news/?ID=16967 (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Preobrazhenie [Changing], available at: https://vk.com/vashtaltmash (accessed 24 November 2025). (In Mari).

Pravoslavie v Marijskom krae: ljudi, sobytija, fakty [Orthodoxy in the Mari Land: People, Events, Facts] 2023, available at: https://mari.eparhia.ru/all_newses/news/?ID=16967 (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Liturgii na marijskom jazyke nachali sluzhit' v glavnom hrame Yoshkar-Oly [Liturgies in Mari began in the main cathedral of Yoshkar-Ola], available at: https://prichod.ru/opyt-prihodov/liturgii-na-marijskom-jazyke-nachali-sluzhit-v-glavnom-hrame-joshkar-oly/ (accessed 24 November 2025). (In Russian).

Majkova L.E. K voprosu o dejatel'nosti Perevodcheskoj Komissii, uchrezhdennoj pri Bratstve Sv. Gurija v g. Kazani (po materialam otchetov Perevodcheskoj Komissii) [On the Activities of the Translation Commission Established under the Brotherhood of St. Guriy in Kazan (Based on the Reports of the Translation Commission)], available at: https://missia-mari.ru/history/?id=169 (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Miheev G.N. «Poslednie jazychniki Evropy» molilis’ na pravoslavnyh bogosluzhenijah [‘The Last Pagans of Europe’ prayed at Orthodox services]. *Koncept*, 2016, vol. 36, pp. 10-14, available at: http://e-koncept.ru/2016/46703.htm (accessed 9 November 2025). (In Russian).

Fedorov V.A. Glava 5. Missionerskaja dejatel’nost’ Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Chapter 5. Missionary Activity of the Russian Orthodox Church]. *Azbuka Very*, available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/5 (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Fedoseeva N.A. Literaturnye perevody na marijskij jazyk: istoriko-kul’turnyj aspekt [Literary translations into Mari: historical and cultural aspects]. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki*, 2025, vol. 22, no. 1, pp. 172-181. (In Russian).

Fedoseeva N.A. Trudy po perevodu pravoslavnoj literatury na marijskij jazyk: istorija i sovremennost’ [Works on translation of Orthodox literature into Mari: history and modern state], available at: https://missia-mari.ru/history/?id=208 (accessed 23 November 2025). (In Russian).

Михеев Григорий Николаевич
аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: ustavshik-nds@yandex.ru

Grigory Mikheev
Postgraduate student
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: ustavshik-nds@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 821.511.131.0

«МЫ ЕДИНОГО БРАТСТВА ЗВЕНО» (к юбилею В.М. Ванюшева)

© 2026 г. А.В. Камитова

10 февраля 2026 года исполнилось 90 лет ведущему удмуртскому литературоведу, доктору филологических наук, главному научному сотруднику Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН Василию Михайловичу Ванюшеву. Всесторонне одаренный человек, талантливый поэт и писатель, авторитетный ученый и педагог более 50 лет своей жизни посвятил служению науке. Его перу принадлежат фундаментальные труды по истории, теории и методологии изучения удмуртской литературы и литератур народов Урало-Поволжья, которые являются важной частью финно-угорского гуманитарного контекста.

За время своей многолетней деятельности В.М. Ванюшев установил широкие научные связи с литературоведами национальных республик и финно-угорских государств – Чувашии, Татарстана, Мордовии, Марий Эл, Коми, Венгрии, Финляндии, Эстонии и др. Его заслуги отмечены рядом значимых государственных наград, премий и званий. Среди них – орден Дружбы, которым ученый был награжден в 2012 году, и юбилейная медаль «300 лет Российской академии наук», врученная ему в 2024 году.

Ванюшев В.М. родился в удмуртской деревне Нижняя Кусо-Какся Кизнерского района Удмуртской Республики. Творческий псевдоним – Воръявай

Василей – взят по названию реки. После семилетней школы с 1951 по 1955 год Василий Михайлович учился в Можгинском педучилище. С отличием окончив удмуртское отделение педучилища, поступил на факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1960 году вернулся в Ижевск с дипломом журналиста и работал в редакциях удмуртской газеты «Советской Удмуртия» («Советская Удмуртия») литературным сотрудником и двуязычной газеты «Удмуртиысь комсомолец» («Комсомолец Удмуртии») – заведующим отделом, заместителем редактора и затем – редактором.

В 1970–1973 годы учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. Представленная в его кандидатской диссертации тема связана с проблемой соотношения национального и интернационального в младописьменных литературах Поволжья. В 1996 году в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Василий Михайлович успешно защитил докторскую диссертацию и стал первым в удмуртском литературоведении доктором филологических наук.

С 1973 года В.М. Ванюшев начал работать в УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (тогда институт назывался УдНИИЯЛИ) в должности старшего научного сотрудника, в дальнейшем являлся заведующим отделом литературы и фольклора, ученым секретарем, заместителем директора Института по научной работе. С 2000 года по настоящее время – главный научный сотрудник отдела филологических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. С 1998 по 2004 год В.М. Ванюшев одновременно заведовал кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России в Удмуртском госуниверситете. В 2004 году был утвержден в должности профессора названной кафедры.

Широкий спектр проблем, разработанных в трудах В.М. Ванюшева, является важной частью удмуртского гуманитарного контекста. Его активная деятельность в составлении и редактировании коллективных и индивидуальных литературоведческих трудов заслуживает особого признания. На его счету более 400 публикаций, в которых он выступил в качестве автора, составителя, ответственного редактора.

В научной биографии В.М. Ванюшева исследователи просматривают три направления. Первый связан с работой в русле советского сравнительного литературоведения, второй – с изучением творческого наследия первого удмуртского писателя и просветителя Г.Е. Верещагина, третий – с участием в научных компаративных проектах, сфокусированных на литературных традициях народов Урала и Приуралья. Все три направления тесно связаны между собой. Основные разработки компаративистской проблематики в области национальных литератур Урало-Поволжья нашли отражение в монографиях ученого «Расцвет и сближение» (1980), «Вершины корнями сильны» (1987); «Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур

Урало-Поволжья» (1995). Сборник «Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья» (2017), составленный на основе статей, озвученных по случаю 80-летнего юбилея В.М. Ванюшева в 2016 году на одноименном симпозиуме, объединил ключевые научные изыскания ученого. В издании освещаются вопросы, связанные с проблемами сравнительно-сопоставительного изучения миноритарных литератур. Круг вопросов, связанных с научной и творческой биографией В.М. Ванюшева, также нашел отражение в коллективной монографии «Ученый. Поэт. Публицист» (2021), посвященный 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности ученого и поэта.

Василий Михайлович является активным участником масштабных интеграционных проектов, долгое время руководил авторским коллективом и был одним из ответственных редакторов и авторов двухтомной «Истории удмуртской литературы» (1987, 1988), одним из инициаторов коллективного исследования пермских литератур и одним из авторов монографии «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности», изданной в 2015 году. В.М. Ванюшев – один из создателей научной концепции академической «Истории литературы Урала». Он является ответственным редактором новой «Истории удмуртской литературы: конец XIX – середина XX веков», вышедшей в свет в 2023 году. Его труды, «посвященные сравнению литературно-художественных процессов в национальных республиках Поволжья, <…> получили широкое признание в научных кругах, открывая новые пути сопоставления типологически близких вербальных культур», – отмечает А.А. Арзамазов [2012, с. 127–128].

Ванюшев В.М. – создатель научной школы по изучению творческого наследия Г.Е. Верещагина, по праву признанной ведущими отечественными и зарубежными исследователями. По его инициативе и под его руководством в УИИЯЛ была начата подготовка к изданию многотомного собрания сочинений трудов Г.Е. Верещагина, внесшего существенный вклад в развитие удмуртской текстологии. В результате сплоченной работы сотрудниками Института были опубликованы «Сочинения» Г.Е. Верещагина (6 томов в 12 книгах), два из которых – в рамках реализации проекта РГНФ под руководством В.М. Ванюшева. Благодаря изданию монографии «Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995) имя первого удмуртского ученого и писателя впервые зазвучало в широком региональном контексте, а работа получила значительный резонанс в научных кругах. За публикацию данного научного издания В.М. Ванюшеву была присуждена Государственная премия Удмуртской Республики, а сам автор избран действительным членом Международной педагогической академии. Достойным итогом целенаправленной и системной работы по изучению удмуртской литера-

туры и творчества Г.Е. Верещагина стало монографическое собрание избранных трудов В.М. Ванюшева «Вязь идей, времен, событий» (2016).

В русле научных и творческих интересов В.М. Ванюшева – эпическая культура удмуртского народа. Его эпос «Дорвыжы», созданный по рукописи М.Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков», является «ценнейшим артефактом» (термин В.Г. Пантелеевой), переведен на финский и венгерский языки. В.М. Ванюшев – постоянный и активный участник международных конгрессов финно-угроведов в Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990), Ювяскюле (1995), всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций, совещаний, симпозиумов.

Большое внимание В.М. Ванюшев уделяет популяризации науки: часто выступает в средствах массовой информации, является постоянным гостем читательских встреч-конференций с учащимися подшефной Кизнерской сельской общеобразовательной школы.

Также следует отметить еще одну важную грань творческого дарования юбиляра. В.М. Ванюшев известен как талантливый поэт, прозаик и публицист. Первые выпуски его стихов и рецензий на книги относятся к годам учебы в Можгинском педучилище. В последующем литературно-художественные произведения В.М. Ванюшева начинают регулярно публиковаться отдельными изданиями. Среди них важное место занимают поэтические сборники «Выжыосы» («Родные корни», 1976), «Шунды но гудыри» («Солнце и гром», 1980), «Шунды-мумы» («Мать солнца», 1990), «Аръёсын вече син» («Лицом к лицу с годами», 1995), «Удмурт Выжы книга = Как будто Книга бытия» (2006), «Яратйсько адямиез яратыны» («Люблю любить людей», 2015). Среди широкого спектра затрагиваемых в поэзии тем, главной для Василия Михайловича является тема патриотизма, сопряженная с размышлениями о судьбе удмуртского народа и родного языка. Отдельные стихотворения и сборники В.М. Ванюшева переведены на русский, татарский, чувашский, венгерский, эстонский, финский, английский, французский языки.

В многожанровом творчестве В.М. Ванюшева отдельное место занимают произведения, написанные для юных читателей. Он является автором сборников стихотворений для детей «Вить чиньы – одйг кикур» («Дружных пальцев пятерня», 1982), «Солнечный каравай» (Москва, 1983), сборника рассказов «Зэмлыклэн кукыз кузьгес» («У правды ножки подлиннее», 2018), составителем антологии детских рассказов и сказок удмуртских писателей «Дедушкин родник» (Москва, 1981).

Заметен вклад В.М. Ванюшева и в педагогическую сферу. Он разрабатывал оригинальные учебные курсы для высших школ. С 1998 по 2004 год руководил кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета. Автор учебных пособий для студентов

«Введение в литературоведение», «Основы литературоведческого анализа», «Изучение текста художественного произведения», «Жизненный и творческий путь Г.Е. Верещагина» и др. на русском и удмуртском языках. В.М. Ванюшев являлся членом диссертационных советов: при Мордовском государственном университете (Саранск), Чувашском государственном университете (Чебоксары), Удмуртском государственном университете (Ижевск), заместителем председателя диссертационного совета при УИИЯЛ УрО РАН (Ижевск). По его инициативе в УИИЯЛ в 1997 году открылась аспирантура по специальности 10.01.02. – Литература народов России (удмуртская литература). Под его непосредственным руководством успешно защищены пять кандидатских диссертаций.

Василий Михайлович плодотворно работает и в других областях искусства. К примеру, участвовал в создании документальных фильмов «Мултанское дело» (реж. Л. Вахитов, 1994), «Дети с небес» (реж. Н. Юхневич, Вильнюс, 2006), кантаты «Удмуртские любовные игры» (муз. Е. Копысовой, Ижевск, 2001).

«Вся научная деятельность Василия Михайловича – образец верного служения избранному пути и исполнения сыновнего долга перед народом», – очень точно и лаконично определила В.Г. Пантелеева жизненную философию В.М. Ванюшева [Пантелеева, 2016, с. 25].

В 90-летний юбилей Василия Михайловича хочется пожелать ему бодрости духа, крепкого здоровья и душевного тепла! Пусть Вас всегда окружают уважение и забота, а добро и теплота родных согревают Вашу жизнь. Мы бесконечно ценим Ваш вклад в развитие науки и высшего образования!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арзамазов А.А. To be or not to be: структурно-семантические вариации инфинитива (-ны) в удмуртской поэзии: Моногр. Ижевск, 2012. 260 с.

Пантелеева В.Г. О научной деятельности В.М. Ванюшева // Ванюшев Василий Михайлович: к 80-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / сост. И.В. Никитина. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. С. 20–25.

Камитова Алевтина Васильевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: akamitova@mail.ru

Alevtina Kamitova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Udmurt Federal
Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: akamitova@mail.ru

УДК 39 (470.343)

ИЗУЧАЯ И СОХРАНЯЯ КОРНИ ПРЕДКОВ…
(к юбилею О.А. Калининой)

© 2026 г. С.К. Свечников

12 января свой 70-летний юбилей отметила этнолог, преданный своему делу исследователь традиционной культуры марийского народа – Ольга Александровна Калинина. Эта знаменательная дата – прекрасный повод оглянуться на пройденный путь, полный значимых событий и трудовых научных свершений, а также выразить глубокое уважение человеку, посвятившему свою жизнь изучению и сохранению культурного наследия.

Корни ее биографии уходят в деревню Арбаны Медведевского района Марийской АССР. Здесь в 1956 году и начался ее путь. Первые уроки жизни, первые впечатления от родной земли были получены в стенах Арбанской восьмилетней школы, где Ольга Александровна обучалась с 1963 по 1971 год. Окончив ее, она поступила в музыкальное училище имени И.С. Палантая на дирижерско-хоровое отделение, где получила музыкальное образование, которое в будущем дополнило ее этнографические изыскания, ведь музыка и обрядовая культура неразрывно связаны.

Диплом об окончании училища открыл перед ней двери в профессиональную деятельность в сфере культуры и искусства. С 1975 по 1980 год О.А. Калинина работала художественным руководителем Азановского сельского дома культуры, музыкальным руководителем детского комбината птицесовхоза «Азановский», старшим методистом вокально-хорового отдела Дома художественной самодеятельности Марийского облсовпрофа. Казалось бы, это просто перечисление должностей, но за каждой из них – желание просвещать и преображать жизнь через культуру.

Понимая необходимость углубления теоретических знаний, в 1980 году Ольга Александровна отправилась в Ленинград и поступила в Высшую профсоюзную школу культуры. Учеба в ней дала фундаментальную подготовку. В 1984 году успешно окончив вуз по специальности «Организатор-методист культурно-просветительной работы высшей квалификации», вернулась в республику. С 1984 по 1991 год работала в Межсоюзном Доме самодеятельного творчества, пройдя путь от старшего методиста до заведующего отделом клубной работы. В 1991–1992 годах, будучи методистом в Методическом центре народного творчества и культурно-просветительской работы Министерства культуры Марийской АССР, она продолжила вносить свой вклад в развитие культурной жизни региона.

Поворотным моментом в судьбе О.А. Калининой стал 1992 год, когда она перешла на работу в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Именно здесь ее опыт и знания нашли свое истинное призвание в отделе этнографии (с 1998 года – отдел этнологии). Путь от старшего лаборанта до научного сотрудника, продлившийся более двух десятилетий (1992–2014), стал временем напряженного интеллектуального труда.

Важной вехой стало и окончание аспирантуры Марийского государственного университета в 2002 году, что придало ее научным изысканиям академическую глубину и стройность. Даже после выхода на основную пенсию она не покинула родные стены: с декабря 2017 года Ольга Александровна трудится библиотекарем.

Главной темой научных поисков исследователя стала традиционная и современная праздничная культура марийского народа. В ее работах оживают календарные обряды и обычаи, обретают конкретные реалии старинные ритуалы, веками сопровождавшие жизнь марийских тружеников. Ее научный актив – это более 80 публикаций. Сборник «Календарные праздники и обряды марийцев» (2003) стал настольной книгой для многих работников сферы культуры. Труд «Свадебные обряды марийцев» (2021), представляющий собой второй выпуск серии «Этнографическое наследие» – это итог многолетних наблюдений и кропотливого сбора материала. Особого упоминания заслуживает справочник «Марийские праздники» (2006) – своего рода путеводитель по годовому кругу народных торжеств.

Результаты ее исследований имеют не только теоретическую ценность. Ее работы стали тем катализатором, который помог не просто сохранить в архивах, но и ревитализировать многие обрядовые формы, вдохнуть в них новое дыхание. За долгое время научно-общественной жизни О.А. Калинина активно участвует и в популяризации научных знаний, ее голос слышен в эфире теле- и радиопередач, на многих культурных и общественных форумах, где она выступает популяризатором народных традиций.

Ценным вкладом в сокровищницу марийской этнологии стали ее экспедиции. Научная полевая работа, проведенная на территории Марийского края и в регионах компактного проживания мари, позволила собрать уникальный этнографический материал. В ее полевых записях – описания забытых обычаев и обрядов, детали свадебных церемоний. Этот обширный архив, собранный с профессиональной тщательностью, сегодня представляет собой ценный источник для будущих поколений исследователей, позволяя заглянуть в самые сокровенные уголки народной души.

Многолетняя плодотворная деятельность О.А. Калининой получила заслуженное признание. Ее труд отмечен знаком ВЦСПС «За отличную работу в культпросветучреждениях профсоюзов» (1990), благодарностями Президента Республики Марий Эл (2008) и Государственного Собрания Республики Марий Эл (2010), званием «Ветеран труда». Ее имя неоднократно заносилось в почетные грамоты Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2005, 2023) и других министерств и ведомств республики, что подтверждает значительный вклад в развитие национальной культуры и науки. Но самая главная награда – это уважение коллег и благодарность народа, чью культуру она так преданно изучает.

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени В.М. Васильева от всей души поздравляет Ольгу Александровну Калинину со славным 70-летним юбилеем! Мы ценим Ваш энтузиазм, преданность делу, душевную щедрость и профессионализм. Желаем Вам неиссякаемой энергии, крепкого здоровья, счастья, благополучия, новых творческих успехов. Пусть Ваша жизнь будет наполнена радостью и теплом близких людей.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ О.А. КАЛИНИНОЙ

Агавайрем – весенний календарно-обрядовый праздник марийцев // Научно-практический семинар «Молодежь и традиционная культура финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 23–25 июня 1994 г.). Йошкар-Ола, 1994. С. 17–19.

Календарные праздники и обряды, связанные с уборкой урожая // История и культура марийского народа: прошлое и настоящее: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения В.А. Мухина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. С. 64–67.

Традиционные народные праздники в современной жизни марийцев // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов: (секции ист. и пед. наук). Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 306–308.

Состояние и перспективы развития традиционных народных праздников и обрядов марийцев // Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. С. 104–106.

Календарный праздник марийцев Агавайрем // IV Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докладов (Нальчик, 20–23 сент. 2001 г.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2001. С. 135.

Финские ученые о традиционных праздниках марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 100–104.

Аграрная тематика в календарной праздничной обрядности марийцев Ӱярня (Масленица) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; МарГУ, 2002. С. 122–127.

Традиционная праздничная обрядность в современной жизни марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 26: Этническая культура марийцев: (традиции и современность). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 121–132.

Праздничная обрядность марийцев в исследованиях В.М. Васильева // Финно-угроведение. 2002. № 2. С. 95–98.

Календарные праздники и обряды: сб. материалов / сост. и отв. за вып. О.А. Калинина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2003. 286 с. (Этнографическое наследие; вып. 1).

Святочные обряды и развлечения марийцев в современном быту // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 467–469.

Народные праздники (в соавт. с Н.С. Поповым) // Марийцы: ист.-этнограф. очерки: [коллективная моногр.]. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 200–214.

Традиционные игры в календарно-праздничной обрядности марийцев // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: материалы регион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23–25 мая 2005 г.). Екатеринбург: СОФД, 2005. С. 50–54.

Семык удмуртских марийцев // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Ижевск, 28–29 окт. 2004 г.). Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2005. С. 155–158.

Традиционная культура марийцев Тоншаевского района Нижегородской области // Археология и этнография Марийского края. Вып. 28: Вопросы этносоциальной истории марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 75–87.

Марийские праздники: справ. = Марий пайрем-влак: полшык. Йошкар-Ола: Респ. центр мар. культуры, 2006. 52 с.

Особенности функционирования и развития традиционной праздничной обрядности марийцев в 90-е гг. XX века // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Первого Всерос. съезда мари (Бирск, 25–26 мая 2007 г.). Ч. 1. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. С. 85–90.

Празднично-досуговая жизнь города Козьмодемьянска в современный период // Археология и этнография Марийского края. Вып. 29: Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 147–155.

Калык календарь пайрем-влак = Народные календарные праздники // Марий калык: [моногр.]. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. С. 98–117.

Народные календарные праздники // Марийцы: [коллективная моногр.]. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. С. 101–120.

Народная культура в отражении детских фольклорных коллективов // Клубный вестник. 2008. № 2. С. 8–15.

Национальный праздник Пеледыш пайрем на современном этапе // Материалы X Междунар. конгр. финно-угроведов. Ч. VII. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. С. 273–278.

Рекрутские обряды; Календарные праздники в жизни марийской семьи // Российская семья: энцикл. М.: Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2008. С. 170.

Пеледыш пайрем – у илышын пайремже = Праздник цветов – праздник новой жизни // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2009. С. 161–165.

Традиционные народные праздники в жизни городских марийцев // Города Среднего Поволжья: история и современность (к 425-летию города Йошкар-Олы): сб. ст. межрегион. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 30 окт. 2009 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 310–313.

Пеледыш пайрем – праздник цветов // Гасырлар авазы = Эхо веков: науч.-док. журнал. Казань, 2010. С. 251–254.

Арбан волостьышто илыше марий-влак нерген = О марийцах Арбанской волости // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2011. С. 251–254.

Некоторые особенности семейной обрядности городских марийцев (к вопросу современного бытования) // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Междунар. симпоз. «Языковые контакты Поволжья» (Йошкар-Ола, 18–20 авг. 2011 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. С. 439–444.

Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл: материалы науч. конф., посвящ. 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола, 22 окт. 2010 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. С. 158–163.

Марий-влакын калык календарьышт = Народный календарь марийцев // Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения: материалы Всерос. науч. конф. (Йошкар-Ола, 16 сент. 2010 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. С. 50–54.

Т.Е. Евсевьев (Т.Е. Евсеев) – туныктышо гыч марий калыкым шымлыше марте = Т.Е. Евсевьев (Т.Е. Евсеев) – от учителя до исследователя марийского народа // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2012. С. 208–210.

Марий калыкымат шымлен = Исследовал и марийский народ // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2013. С. 252–255.

Народные праздники // Марийцы: ист.-этнограф. очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 264–284.

Марийский фольклор (в соавт. с В.А. Акцориным, А.Е. Китиковым, Н.А. Федосеевой) // Марийцы: ист.-этнограф. очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 326–341.

Празднично-обрядовая жизнь в современном городе // Состояние и проблемы марийской традиционной культуры: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 23–25 апр. 2013 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. С. 27–34.

Свадебные обряды горных марийцев в этнографической литературе // XIII Игнатьевские чтения: Материалы докл. и выступлений на Респ. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Л.П. Васиковой (Козьмодемьянск, 1 апр. 2013 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2014. С. 241–247.

Марий калыкын Шорыкйол пайремже = Марийский народный праздник Шорыкйол // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2014. С. 273–277.

Историографический обзор источников и литературы о традиционной свадебной обрядности марийцев // Финно-угроведение. 2014. № 2. С. 32–49.

Обряды, связанные со строительством дома // XIV Игнатьевские чтения: Материалы докл. и выступлений на Респ. науч.-практ. конф., посвящ. году культуры в России (Козьмодемьянск, 1 апр. 2014 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 269–274.

Особенности свадебной обрядности медведевских марийцев // Финно-угроведение. 2017. № 1–2. С. 61–70.

Народные праздники // Марийцы: ист.-этнограф. очерки. Изд. 3-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 264–286.

Марийский фольклор (в соавт. с В.А. Акцориным, А.Е. Китиковым, Н.А. Федосеевой) // Марийцы: ист.-этнограф. очерки. Изд. 3-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 326–341.

Свадебные обряды марийцев: сб. материалов / сост. и отв. за вып. О.А. Калинина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 434 с. (Этнографическое наследие; вып. 2).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.131 (038)

Рец.: Гурьянова Л.А., Цыплякова О.Ю. Эрзянь келень антонимень валкс = Словарь антонимов эрзянского языка / Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2025. 304 с.; Келина А.Н. Мокшень кялень антонимонь валкс = Словарь антонимов мокшанского языка / Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2025. 368 с.

© 2026 г. О.Г. Борисова

В 2025 году вышли в свет словари антонимов мокшанского и эрзянского языков, которые продолжают ряд современных научных и справочных изданий, описывающих лексическую систему современных мордовских языков. Каждый лексикографический труд является результатом многолетней кропотливой работы и имеет важное значение для развития языка и культуры в целом. Для мордовского языкознания выход данных одноязычных словарей вдвойне ценнее, так как они в академическом справочном формате издаются впервые. Напомним, что ранее в 2009 году был опубликован двуязычный «Эрзянско-русский словарь антонимов» Р.Н. Бузаковой и Е.Н. Лисиной в формате учебного издания. Безусловно, рецензируемые труды должны были появиться раньше. Мордовская лексикография остро нуждается в них.

Авторами изданий являются сотрудники отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, которые своей целью ставили описание лексики мордовских языков с точки зрения взаимной семантической противоположности словарных единиц и выявление их стилистического потенциала.

Рецензируемые словари имеют две значимые части – основную и указатель антонимических пар. В предисловии изданий кратко описываются особенности подачи языкового материала и структура словарных статей. В указателе антонимических пар для удобства пользователя антонимы приведены в списке дважды: по алфавиту первого и второго слова. В конце изданий при-

водится список литературы, из которой извлечена иллюстративная составляющая словарей. Как отмечено выше, словари одноязычные и в них отсутствуют переводы на русский язык.

Основная часть словаря антонимов эрзянского языка содержит более 700 антонимических пар в алфавитном порядке, мокшанского – более 1300.

Отношения антонимии в мордовских языках широко охватывают класс прилагательных, наречий, послелогов, существительных, глаголов и причастий, что и демонстрируют словари.

Структура словарной статьи включает антонимическую пару, типичные для нее словосочетания и цитаты-предложения, раскрывающие значение антонимов или их новые оттенки в контексте. Только контекст позволяет обнаружить и продемонстрировать взаимную семантическую противоположность лексем. Без него антонимия пар не всегда ясна, а иногда и сомнительна. Кроме того, цитаты из произведений дают яркое и полное представление о разнообразных функциях антонимов в речи. Отметим, что антонимические пары в словарях проиллюстрированы неодинаково, что обусловлено, в частности, частотностью их употребления. В эрзянском словаре к паре даются словосочетания и цитаты, в отдельных случаях только словосочетания, в мокшанском – цитаты или в некоторых случаях словосочетания. При составлении словарей авторы проанализировали значительный объем современной художественной литературы, фольклорных текстов и периодических изданий, указали страницы, откуда извлечен иллюстративный материал, что, на наш взгляд, при необходимости позволит без труда углубиться в контекст материала.

По структуре в словарях представлены разнокоренные и однокоренные антонимы разного типа (образованные при помощи отрицательной и усилительной частиц, словообразовательных аффиксов). В семантическом отношении значимые пласты образуют антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств, признаков и качественную противоположность (признаковая лексика).

Каждое значение антонима демонстрируется путем образования различных антонимических пар, например: эрз. *лисемс* ‘выйти’ – *валгомс* ‘зайти, сесть’, *лисемс* ‘выйти’ – *совамс* ‘зайти’, *лисемс* ‘появиться’ – *ёматомс* ‘пропасть’, *лисемс* ‘выйти’ – *кекшемс* ‘спрятаться’, *лисемс* ‘вылезти’ – *эцемс* ‘залезть’, *лисемс* ‘вынырнуть’ – *чопавтомс* ‘нырнуть’, *лисемс* ‘выйти, всплыть’ – *ваямс* ‘утонуть’.

В словарях отражены важнейшие словообразовательные связи, приводятся антонимические словообразовательные гнезда, например: мок. *кяж* ‘зло, злоба’ – *пароши* ‘добро, доброта’, *кяжи* ‘злой, сердитый’ – *кенярть ф* ‘радостный’, *кяжиста* ‘сердито’ – *весяласта* ‘весело’, *кяжиямс* ’рассердиться’ – *кенярдемс* ‘обрадоваться’.

Особенностью словарей является то, что в них демонстрируются нередкие случаи смены морфосинтаксических характеристик отдельных лексем в мордовских языках, например: антонимическая пара эрз. *икеле – удало* может выступать в классе наречий *улемс икеле* ‘быть впереди’ – *улемс удало* ‘быть сзади’, прилагательных *...панжизе икеле кудонь... кенкшенть* ‘…открыл …дверь передней избы’ – *…лиссь удало кудов* ‘…вышел в заднюю избу’, послелогов *кудо икеле* ‘перед домом’ – *кудо удало* ‘сзади дома’; антонимическая пара эрз. *лембе – якшамо* может выступать в классе прилагательных *лембе кошт* ‘теплый воздух’ – *якшамо кошт* ‘холодный воздух’, существительных *кизэнь лембе* ‘летнее тепло’ – *телень якшамо* ‘зимний холод’, наречий (категории состояния) *ушосонть лембе* ‘на улице тепло’ – *ушосонть якшамо* ‘на улице холодно’.

Освещение антонимических отношений поднимает и смежные проблемы грамматики, например, при рассмотрении однокоренной антонимической пары: мок. *павазу* ‘счастливый’ – *павазуфтома* ‘несчастливый, без счастья’, эрз. *уцяскав* ‘счастливый’ – *уцяскавтомо* ‘несчастливый, без счастья’ встает вопрос о словообразовательных потенциях формообразующего аффикса *-фтома*, *-втомо*.

Описание антонимической корреляции является сложной задачей. Определенная неоднозначность восприятия, осмысления и толкования отношения противоположности порождает дискуссии относительно антонимичности отдельных языковых единиц.

Благодаря полноте и актуальности предоставленного материала данные словари являются обстоятельными справочными изданиями по мордовской антонимии. Они вводят в научный оборот новый систематизированный лексикографический материал и представляют собой ценный инструмент для дальнейшего исследования и изучения мордовских языков. Словари антонимов необходимы для лингвистов, преподавателей, студентов, школьников, а также фольклористов, этнографов и всех тех, кто интересуется проблемами мордовских языков и финно-угроведения. Кроме того, важной задачей данных изданий станет укрепление процессов нормирования мокшанского и эрзянского языков, их популяризация, сохранение и развитие национального самосознания, этнического и культурного многообразия.

Борисова Ольга Геннадьевна
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск
e-mail: olgbor912@ya.ru

Olga Borisova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher Research Institute of
Humanities under the
Government of the Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: olgbor912@ya.ru

УДК 902/903 (470.343)

Рец.: Акилбаев А.В. Этнокультурные и торговые контакты марийцев в IX–XI вв. (по материалам украшений): монография / А.В. Акилбаев, МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. 148 с.: ил. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. XII)

© 2026 г. Н.Б. Крыласова

Представленная работа, выполненная ведущим научным сотрудником направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева А.В. Акилбаевым, посвящена выявлению этнокультурных и торговых связей населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX–XI веках по материалам украшений. Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений. Украшения, составляющие предмет исследования, из всех категорий материальной культуры наиболее ярко отражают направление и особенности межкультурных контактов, а также демонстрируют уровень литейного и ювелирного ремесла, могут выступать в качестве основы для датировок.

Новизна рассматриваемой монографии, прежде всего, заключается в том, что автором впервые осуществлено комплексное исследование торговых и этнокультурных контактов средневекового населения Ветлужско-Вятского междуречья.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложений.

Во введении автор обосновывает важность темы, характеризирует хронологические и географические рамки исследования, определяет объект исследования, дает краткую информацию о марийских могильниках рассматриваемого периода.

Первая глава содержит характеристику истории изучения и историографии рассматриваемой темы. Первый параграф первой главы, посвященный истории изучения могильников, являющихся объектом исследования, представляется излишним, так как непосредственно с темой заявленного исследования не связан.

Второй параграф, посвященный обзору историографии, построен по традиционной схеме, основанной на хронологическом принципе. В данном разделе выделяются два блока: первый посвящен историографии марийской

средневековой археологии в целом, где автор выделяет аспекты, связанные с представлениями предшественников об этнокультурных и торговых связях марийцев; второй – историографии Волжского торгового пути. Наличие второго блока в исследовании вполне оправданно, так как эта магистраль играла огромную роль в поступлении импорта в Ветлужско-Вятское междуречье. Однако автор ограничивается характеристикой только нескольких работ, значимость которых, конечно, сомнения не вызывает. Но после их публикации изучение проблем, связанных с функционированием Волжского пути, было продолжено, вышло несколько работ.

На наш взгляд, учитывая тематику работы, автору следовало бы включить в обзор историографии еще один блок, посвященный собственно украшениям, которые он анализирует. Существует достаточно обширный круг публикаций, касающихся как отдельных групп украшений, рассматриваемых в диссертации, так и вопросов, связанных с их распространением. Особенно важным для раскрытия темы было бы рассмотрение того, какие украшения на территориях, находившихся во взаимодействии с древними марийцами, являлись продукцией массового ремесленного производства и поставлялись на экспорт, а какие носили этническую окраску и не могли быть предметом торговли, а отражали движение носителей этих предметов или выступали в качестве военной добычи.

Во второй главе «Украшения из древнемарийских могильников IX–XI вв.: типология, хронология, аналогии» автор проводит непосредственный анализ источника – характеризует особенности использования отдельных групп украшений, на основе корреляции дат сопутствующего материала погребальных или жертвенных комплексов обосновывает хронологию их распространения, опираясь на аналогии, делает выводы о возможных территориях, откуда украшения могли попасть в Ветлужско-Вятское междуречье. В данной главе представлена базовая часть исследования, на основе которой в последующей главе строятся выводы о торговых и этнокультурных контактах древнемарийского населения. Автор достаточно скрупулезно проанализировал те группы украшений, которые, на его взгляд, присущи материальной культуре других народов и проникли извне на территорию расселения древних марийцев.

Однако по данной главе возникли замечания:

– автор не учел целый ряд имеющихся работ, в которых уже рассмотрены некоторые группы украшений. Для примера, по височным украшениям Прикамья, где встречаются многочисленные аналогии материалам древнемарийских могильников, защищено две диссертации (С.А. Перевозчиковой и Ю.А. Подосеновой), где выделяются украшения, характерные для местного населения, привозные типы вещей, рассмотрены

территории их распространения, сделаны выводы о культурно-экономических контактах населения, в частности – и с жителями Ветлужско-Вятского междуречья. Автору не во всех случаях удалось обнаружить аналогии для рассматриваемых вещей.

– зачастую вещи, которые в прорисовках выглядят совершенно одинаково, выполнены по разным технологиям, соответственно, нет оснований рассуждать о заимствовании вещей, можно предполагать только заимствование стиля. Современный уровень публикаций требует более качественных иллюстраций, где хотя бы для примера были представлены фотографии предметов с лицевой и оборотной стороны, чтобы можно было оценить особенности технологии их изготовления.

Третья глава посвящена выявлению направлений связей древнемарийского населения. Автору удалось выделить три основных направления – это Волжская Булгария, Прикамье и западное направление, включающее связи с ближайшими соседями – поволжскими финнами, которые объединяет этническое родство и сходство некоторых элементов материальной культуры, а также с западными финнами и Русью.

На торговые взаимоотношения древних марийцев с булгарами указывали все предыдущие исследователи, однако автору диссертации удалось существенно уточнить эти представления. Он отмечает, что торговое влияние Волжской Булгарии на древних марийцев было, несомненно, сильно, но его роль прежде несколько завышалась. В своих выводах он указывает, что преобладающей была транзитная торговля, что из предметов булгарского ремесленного производства далеко не все были востребованы марийским населением, и не все категории вещей, считающиеся ранее булгарским импортом, являются таковым.

В контактах населения Ветлужско-Вятского междуречья с западным миром ключевое значение также имела торговля по Волге. Автор отмечает, что на протяжении IX–X веков эти контакты были эпизодическими и заметно уступали торговым отношениям с Волжской Булгарией, с XI века и в особенности к рубежу XI–XII веков приток славянских и западнофинских вещей начал увеличиваться, а в XII веке украшения славяно-финского облика коренным образом изменили марийский костюм. При этом подчеркивается смена ассортимента импортных изделий с Запада по сравнению с X веком.

Наиболее массово в материальной культуре рассматриваемых древнемарийских могильников представлены украшения прикамского происхождения. Автор приводит внушительный перечень категорий прикамских изделий, который мог быть еще больше расширен за счет предметов, аналогий которым автор не нашел. Характер взаимоотношений жителей Ветлужско-Вятского междуречья с населением Прикамья пока сложно однозначно оценить.

Вполне вероятно, что часть вещей поступала в качестве товара. В частности, автор справедливо замечает отсутствие на территории расселения древних марийцев источников цветных металлов, поставщиком которых (в особенности меди и сплавов на ее основе) могло выступать Прикамье. Но ряд изделий, носивших этническую окраску, свидетельствует о наличии каких-то этнических контактов, которые, по мнению автора исследования, были преобладающими в сложных взаимоотношениях Прикамья и Ветлужско-Вятского междуречья.

В заключении автор подводит итоги своего исследования, выделяет хронологические периоды в процессе культурно-экономического взаимодействия, их содержательные особенности. Полученные выводы достаточно убедительны и выглядят вполне достоверно.

Несомненным достоинством монографии является выявление и систематизация импортных вещей в материальной культуре погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья. Кроме того, в работу включены новые материалы, полученные в результате раскопок Марийской археологической экспедиции, в том числе и под руководством автора. Стоит отметить, что монография основана на диссертационном исследовании автора, защищенном в 2017 году в совете при Казанском (Приволжском) федеральном университете и Академии наук Республики Татарстан.

Подводя итог, можно отметить тот момент, что автору удалось раскрыть проблему торговых и этнокультурных контактов населения Ветлужско-Вятского междуречья. Востребованность книги для специалистов-археологов и всех, интересующихся историей, несомненна.

Крыласова Наталья Борисовна
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
УрО РАН; профессор Пермского
государственного гуманитарно-
педагогического университета,
г. Пермь
e-mail: n.krylasova@mail.ru

Natalia Krylasova
Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher of the Institute
of Humanitarian Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences;
Professor of Perm State Humanitarian-
Pedagogical University,
Perm
e-mail: n.krylasova@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 005.745:009

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ», ПОСВЯЩЕННАЯ 105-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ И 95-ЛЕТИЮ МАРИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М. ВАСИЛЬЕВА

© 2026 г. Г.А. Эрцикова

2–3 октября 2025 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в России: достижения и перспективы». Она была посвящена 105-летию Республики Марий Эл и 95-летию Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ).

Связь этих дат не случайна. История становления научного учреждения и республики неразрывно связаны с историей развития региона и его культурного наследия.

Институт был основан в 1930 году и с тех пор играет ключевую роль в изучении и сохранении языков, фольклора, литературы, культуры и истории народов, а также в исследовании социальной динамики регионов России. Его деятельность отражает важные этапы в истории Марийского края, начиная с периода становления национальной государственности и до современных вызовов, связанных с сохранением культурного и языкового многообразия.

В настоящее время МарНИИЯЛИ стал не только научным центром, но и символом сохранения и развития национальной культуры. Институт активно сотрудничает с государственными органами, образовательными учреждениями и общественными организациями, способствуя укреплению национальной идентичности и межкультурного диалога. Его исследования и публикации играют важную роль в формировании государственной политики в области культуры и образования.

Научно-практическая конференция собрала более 130 участников, среди которых были представители научного и экспертного сообщества, органов

государственной власти, творческой интеллигенции, общественные деятели, учащаяся молодежь, журналисты, а также 92 исследователя из 21 региона Российской Федерации: Донецкой Народной Республики, Республики Дагестан, Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Татарстан, Кабардино-Балкарской Республики, Удмуртской Республики, Чувашской Республики, Брянской области, Воронежской области, Московской области, Нижегородской области, Новосибирской области, Самарской области, Тюменской области, Челябинской области, Ярославской области, г. Москвы, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Учредителем конференции является Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, организатором – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Партнеры: ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Марийский региональный комитет финно-угроведов.

Торжественную часть мероприятия открыла директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева. В своем выступлении она обозначила основные этапы становления и развития института, отметила вклад ученых в развитие гуманитарных наук, а также обозначила перспективные направления дальнейшей деятельности учреждения.

В адрес участников научного форума поступил приветственный адрес Главы Республики Марий Эл, Председателя Правительства Республики Марий Эл Ю.В. Зайцева, где подчеркнута ключевая роль МарНИИЯЛИ как основополагающего научного учреждения Республики Марий Эл, которое сыграло значительную роль в формировании научных направлений и подготовке квалифицированных кадров, отмечена важность проводимой конференции для стимулирования научного сотрудничества и содействия новым научным открытиям.

С приветственным словом к организаторам, участникам и гостям конференции обратились: Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл М.З. Васютин, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Н.И. Любимов, руководитель Представительства Министерства иностранных дел России в г. Йошкар-Оле Л.В. Полушина, министр труда и социальной защиты Республики Марий Эл Е.С. Таникова, заместитель министра внутренней политики Республики Марий Эл В.В. Викторов, заместитель начальника управления культуры городского округа «Город Йошкар-Ола» Е.П. Жаворонкова, председатель Комитета финно-угроведов Российской Федерации О.А. Сергеев, директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета Р.И. Чузаев, первый проректор Межрегионального открытого социального института Н.М. Швецов, директор Центра марий-

ской культуры А.В. Бирюков, руководитель Благотворительного фонда «За Марий Эл», председатель Общественного совета при МВД по Республике Марий Эл Р.В. Золотухин, председатель Марийской республиканской организации Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Н.В. Сорокин вместе с активом Совета ветеранов Республики Марий Эл экс-министрами образования и воспитания Республики Марий Эл Г.М. Мустаевым и Р.Г. Катаевой, руководитель Института археологии имени А.С. Халикова Академии наук Республики Татарстан А.Г. Ситдиков, директор Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Р.Р. Салихов, заведующий центром энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан Р.В. Шайдуллин, представители Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия – заведующий отделом языкознания О.Ю. Цыплякова и старшие научные сотрудники института Л.А. Гурьянова и Т.В. Шугаева, заместитель директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук И.Ю. Кириллова. Также поступил приветственный адрес от директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН А.Е. Загребина.

Все приветствующие отметили вклад исследователей в изучение национального языка и культуры, а также в развитие гуманитарных наук, подчеркнули значимость института и его ключевую роль в сохранении и развитии культурного и исторического наследия народов Республики Марий Эл.

Во время торжественного открытия конференции состоялась официальная церемония передачи МарНИИЯЛИ экземпляра Конституции Республики Марий Эл, изданной к 30-летию Конституции Республики Марий Эл. Председатель Госсобрания М.З. Васютин выразил благодарность сотрудникам института за перевод текста Конституции на горномарийскую и лугово-восточную литературные нормы марийского языка, отметив: «Вы не просто перевели текст, вы вдохнули в него душу, наполнив Закон живым словом, обращенным к сердцу каждого носителя национального языка».

За заслуги в профессиональной деятельности ряд сотрудников института были удостоены наград: старший научный сотрудник М.В. Пенькова отмечена Благодарностью Государственного Собрания Республики Марий Эл, ведущий научный сотрудник С.К. Свечников – Благодарственным письмом Государственного Собрания Республики Марий Эл; ведущему бухгалтеру И.А. Пьянковой была объявлена Благодарность министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; ветеранам МарНИИЯЛИ А.А. Абрамовой и С.С. Присягиной вручена Благодарность Марийской республиканской организации Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсио-

неров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов; младший научный сотрудник П.О. Леханов, водитель автомобиля А.В. Константинов и сторож (вахтер) В.И. Хохлова награждены Почетной грамотой МарНИИЯЛИ, ведущий юрисконсульт С.Ю. Кушакова – Благодарностью МарНИИЯЛИ.

На пленарном заседании были заслушаны три выступления. Старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ О.М. Петров представил доклад на тему «Становление науки в Марийской автономной области в 1920-е годы». Он отметил, что предпосылкой становления науки в Марийской автономной области в 1920-е годы стало развитие системы образования и формирование национальной интеллигенции в дореволюционный период. После создания автономии в 1920 году, несмотря на тяжелые социально-экономические условия, началась институционализация науки: были основаны Центральный музей, областная библиотека, развивалось издательское дело и краеведение. Ключевым фактором стала деятельность Марийского общества краеведения, координировавшего сбор этнографического, лингвистического и исторического материала. Логическим итогом этого процесса стало создание в 1930 году Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ), что ознаменовало переход от разрозненных изысканий к планомерной научной работе.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ Т.Б. Никитина выступила с сообщением о современном состоянии и перспективах научных исследований по средневековой археологии Марийского края. Было отмечено, что средневековая археология открывает уникальные возможности для изучения истории и культуры региона через призму научных исследований. Современные научные изыскания позволяют по-новому взглянуть на процессы формирования средневекового общества, особенности быта и хозяйственной деятельности, а также характер межкультурных связей того времени и многие другие вопросы.

Доклад кандидата филологических наук, доцента, заместителя директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук И.Ю. Кирилловой был посвящен теме «Становление драматических жанров в литературах народов Поволжья». В своем выступлении докладчик на примере становления драматических жанров в чувашской, татарской и марийской литературах рассмотрела основные аспекты межлитературного диалога в Поволжском регионе. Анализ показал, что диалогические отношения между литературами, функционирующими в рамках урало-поволжской литературной общности, возникли еще на этапе их формирования. Их художественные системы формировались под влиянием общих внешних факторов, таких как фольклорные традиции, русская литература, просветительство и национально-освободительное движение, однако механизм их воздействия в каждой литературе был уникальным.

Работа основных участников была сосредоточена в 3 секциях: «Исторические науки: современный взгляд», «Филологические науки: теория и практика» и «Социология: актуальные вопросы общественного развития в полиэтнических регионах Российской Федерации». Были заслушаны доклады, посвященные актуальным вопросам археологии, истории, этнологии, культуры и социологии, историко-культурному наследию в языке, литературе и фольклоре народов Российской Федерации.

Так, доклад кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева О.А. Кошкиной был посвящен анализу историографии Марийской АССР периода Великой Отечественной войны. Автор выделил два основных этапа в развитии исторической науки: советский (1940-е – начало 1990-х годы) и современный (с 1990-х годов по настоящее время). В докладе был показан вклад конкретных ученых в изучение различных аспектов жизни республики в военные годы. В заключении был сделан вывод, что историография прошла путь от идеологизированных обобщений к комплексному анализу, где вклад тыла рассматривается через призму не только экономики, но и человеческого опыта.

Интересным был доклад доктора исторических наук, профессора, заведующего центром энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан Р.Ф. Шайдуллина «Марийские народные празднества на территории Татарстана: прошлое и настоящее». Исследователь отметил, что народные празднества являются живым заповедником мифологем, традиций, обычаев и обрядов марийцев Татарстана. Праздничная культура помогает им не только осознать свою этническую идентичность, но и продвигать этнокультуру своих предков. Календарные народные праздники солнечного цикла, такие как *Агавайрем*, *Коҥга пайрем*, *Кугече*, *Семык*, *Сӱрем*, *У Пучымыш*, *Угинде*, *Ӱярня*, *Шорыкйол*, являлись и являются своеобразным традиционным маркером повседневной жизни и этнокультуры марийского народа.

Эксперт Сети этнологического мониторинга РНЦ ИЭА РАН Н.С. Мухаметшина подняла проблему билингвизма инокультурных новожителей как способа интеграции в локальные сообщества. Она рассмотрела коммуникативные практики выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии, получивших российское гражданство и осевших в Самарской области. В ходе исследования было выявлено, что подавляющее большинство из них используют как родной язык, так и русский язык. Языковое поведение определяется социальным статусом, конкретными обстоятельствами, а также степенью владения как русским, так и родным языком.

Выступления участников вызвали живой интерес и оживленные дискуссии, а дружеская и доброжелательная атмосфера мероприятия способствовала продуктивной и результативной работе.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции, принята резолюция, отражающая основные итоги дискуссий в рамках состоявшихся заседаний. По результатам конференции планируется издание сборника материалов с индексированием в базе данных РИНЦ.

3 октября участники конференции посетили выставку под открытым небом «Первое научное учреждение Марийского края», посвященную 95-летию МарНИИЯЛИ. Они отметили, что представленный материал позволил им глубже понять историю и достижения института, а также ознакомиться с важными научными школами и событиями, повлиявшими на развитие региона. Участники выразили благодарность организаторам за интересную и информативную выставку.

Галина Алексеевна Эрцикова
кандидат филологических наук,
заместитель директора
по научной работе МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

Galina Ertsikova
Candidate of Philological Sciences,
Deputy Director for Scientific Work
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

«Финно-угроведение», № 1 (73) 2026

Научный журнал

16+

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 17.03.2026. Вышел в свет 23.03.2026. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 10,73. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 367.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, д. 4